

Лекции по курсу «Введение в языкознание»

**Составители: зав. кафедрой Общего языкознания,
к.ф.н., доцент Р.У. Маджидова
преподаватель Ш.М.Султанова**

Ташкент - 2013

ЛЕКЦИЯ №1. Введение. Цели и задачи курса.

Язык – основное средство общения. Язык – общественное явление.

Происхождение языка.

Языковые отношения и закономерности их развития.

План:

1. Предмет языкознания и его основная проблема.
2. Формирование языкознания как наука.
3. Основные направления языкознания.
4. Язык – общественное явление.
5. Происхождение и развитие языка.
6. Связь языкознания с другими науками.

Что такое наука о языке?

На земном шаре существуют тысячи различных языков. И все же мы говорим не только о «языках», но также о «языке» — человеческом языке как о чем-то едином. Мы вправе поступать так потому, что при всех громадных различиях между языками они все в самом главном имеют между собой много общего.

Каждый язык — достояние какого-то коллектива и тем самым — явление общественно-историческое. Каждый язык — неперемное условие развития человеческой культуры, поразительное по тонкости и совершенству орудие общения, непревзойденное средство формирования мысли и передачи ее другим людям.

Каждый язык пользуется для выражения мысли звуками, произносимыми человеком. Каждый язык членоразделен: нормальное высказывание на любом из языков членится на элементы, повторяющиеся в других комбинациях в составе других высказываний. Каждый язык обладает обширным набором таких повторяющихся элементов и гибкой системы правил, по которым эти элементы соединяются в осмысленные высказывания.

Языковедение (языкознание, лингвистика) — наука, изучающая языки (в принципе — все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще. Как всякая наука, языковедение возникло в связи с практическими потребностями, но постепенно развилось в сложную и разветвленную систему дисциплин как теоретического, так и прикладного характера. Внутри теоретического языковедения условно различают **частное и общее**.

Частное языковедение занимается отдельным языком (русским, английским, узбекским и т. д.) или группой родственных языков (скажем,

славянскими языками). Оно может быть синхроническим, описывающим факты языка в какой-то момент его истории (чаще всего — факты современного языка), либо диахроническим (историческим), прослеживающим развитие языка на протяжении определенного отрезка времени. Разновидностью диахронического языковедения является сравнительно-историческое, выясняющее путем сравнения родственных языков их историческое прошлое. Общими особенностями человеческого языка занимается общее языковедение. Оно исследует сущность и природу языка, проблему его происхождения и общие законы его развития и функционирования, оно также разрабатывает методы исследования языков. В рамках общего языковедения выделяется типологическое языковедение, осуществляющее сопоставление между собой как родственных, так и неродственных языков, сопоставление, направленное на выяснение общих закономерностей языка. Общее и, в частности, типологическое языковедение выявляет и формулирует языковые универсалии, т. е. положения, действительные для всех языков мира (абсолютные универсалии) или для значительного большинства языков (статистические универсалии). Абсолютными универсалиями являются, например, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные; 4) если в данном языке существует различие по грамматическому роду, то в нем обязательно существует различие и По числу. Пример статистической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел (исключения: древний и современный яванский). Одной из важных задач общего языковедения является научное определение понятий, которыми пользуется языковедение,— таких, например, как упомянутые выше «гласный» и «согласный», «предложение», «имя собственное» и т. п.

Прикладное языковедение также решает и частные задачи, касающиеся одного языка, и задачи, принципиально приложимые к материалу любого языка: создание и усовершенствование письма; обучение письму, чтению, культуре речи, неродному языку; создание систем автоматического перевода, автоматического поиска, аннотирования и реферирования информации, создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке.

Для филолога языковедение является одной из важнейших наук, наукой «профилирующей», т. е. формирующей филолога как специалиста в своей области. Курс «Введение в языковедение» есть начальный, элементарный курс общего языковедения, дающий первые сведения о языке вообще, о его структуре, об основных понятиях и терминах языковедения, без знания которых невозможно серьезно заниматься ни одним языком.

Почему язык не относится к явлениям природы?

Данный курс должен служить для того, чтобы ознакомить студентов с системой понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедческая дисциплина и без которых трудно слушать и понимать соответствующие

специальные курсы. Этот курс должен быть подлинным «введением» в весь цикл лингвистических предметов вуза.

Если же человеческое не проявилось и не закрепились, то потомки людей, попавшие в условия жизни зверей, приобретают навыки животной жизни и утрачивают безвозвратно все человеческое. Так было с двумя девочками в Индии, которых в 1920 г. индийский психолог Рид Синг обнаружил в волчьем логове вместе с волчатами. Одной из девочек на вид было лет семь-восемь, а другой — года два. Младшая вскоре умерла, а старшая, названная Камалой, прожила около десяти лет. Р. Синг в течение всего этого периода вел дневник наблюдений развития и жизни Камалы. Из этого дневника и трудов Р. Синга мы узнаем, что Камала вначале ходила на четвереньках, опираясь на руки и колени, а во время бега опиралась на руки и ступни; мясо ела только с пола, из рук не брала, пила, лакая. Если кто-либо во время еды к ней подходил, то она издавала звуки, похожие на рычание. Иногда по ночам она выла. Спала Камала днем, сидя на корточках в углу, лицом к стене. Одежду с себя срывала. В темноте, ночью девочка очень хорошо видела, первоначально боялась огня, сильного света, воды.

Через два года Камала научилась стоять, через шесть лет — ходить, но бегала, как и раньше, на четвереньках. В течение четырех лет она выучила только шесть слов, а через семь — сорок пять. К этому времени она перестала бояться темноты, стала есть руками и пить из стакана, полюбила общество людей.

Как видим, при возвращении в жизнь людей сделать Камалу полностью «человеком» не удалось, что справедливо отмечает Р. Синг.

Долгое время ученые пытались доказать, что язык — это такой же организм, как животные и растения, что он развивается по тем же законам природы, одинаковым для всех языков в любом месте и в любое время; как все организмы, он рождается, созревает, достигает расцвета, клонится к упадку и умирает. Особенно популярным было такое понимание языка в середине XIX в., когда успехи естественных наук, и в частности дарвинизма, увлекли многих, занимавшихся науками о человеке и его особенностях.

Однако такое понимание языка не приводит к правильному объяснению явлений действительности, а, наоборот, уводит от истины.

Общее у языка с другими общественными явлениями состоит в том, что язык — необходимое условие существования и развития человеческого общества и что, являясь элементом духовной культуры, язык, как и все другие общественные явления, немислим в отрыве от материальности.

Но функции языка и закономерности его функционирования и исторического развития в корне отличаются от других общественных явлений.

Мысль о том, что язык не биологический организм, а общественное явление, высказывалась и ранее у представителей «социологических школ» как под флагом идеализма (Ф. де Соссюр, Ж. Вандриес, А. Мейе), так и под флагом материализма (Л. Нуаре, Н. Я. Марр), но камнем преткновения было

непонимание структуры общества и специфики общественных явлений.

Каково же отношение между языком и культурой? Национальный язык есть форма национальной культуры. Он связан с культурой и немислим вне культуры, как и культура немислива без языка. Но язык не идеология, которая является основой культуры.

Происхождение языка: обзор различных теорий.

- 1) Язык — одна из величайших загадок человеческого бытия
- 2) Препятствия для возникновения языка эволюционным путем
- 3) Теория возникновения языка из звуков, издаваемых животными
- 4) Теория создания языка силой человеческого разума
- 5) Теория возникновения языка в результате звукоподражания
- 6) Теория внезапного возникновения языка
- 7) Теория языка жестов
- 8) Теория сотворения языка
- 9) Религиозные теории. Библейская теория происхождения языков. Миф о Вавилонской башне
- 10) Первые опыты и научные гипотезы
- 11) Язык животных
- 12) Происхождение человека и язык
- 13) Язык - вторая сигнальная система

Язык — одна из величайших загадок человеческого бытия.

Почему люди, в отличие от остальных видов живых существ, обитающих на Земле, способны общаться посредством языка? Как появился язык? Эволюционисты на протяжении многих лет пытаются ответить на эти вопросы, но пока так и не нашли приемлемые ответы, хотя и выдвинули бесчисленное множество теорий; некоторые из этих теорий мы рассмотрим сегодня.

Одни эволюционисты утверждают, что язык возник из звуков и жестов приматов; другие считают, что люди «изобрели» язык благодаря своему разуму и способности к звукоподражанию. Иные же полагают, что люди на определенном этапе эволюции неким образом «открыли» для себя общение посредством речи. Однако все эти концепции разбиваются о собственные недостатки. Сторонники теории эволюции и поныне не нашли приемлемый ответ на вопрос о появлении языковой коммуникации. Единственная логичная модель возникновения языка — креационная модель, согласно которой язык был сотворен Богом.

Человеческий язык: возник ли он эволюционным путем из простых звуков, издаваемых животными, или был дан человеку Богом? Ученые, лингвисты и философы ломают головы над вопросом происхождения языка с тех самых пор, как Дарвин выдвинул свою теорию эволюции. Но ни одна из множества предлагаемых ими теорий появления языка не в состоянии удовлетворительно объяснить такое уникальное явление, как человеческий язык.

В 1866 году — спустя семь лет после выхода в свет труда Дарвина «О происхождении видов» — Парижское лингвистическое общество запретило полемику о происхождении речи. «Парижские лингвисты, несомненно, ... сознавали, что домыслы, не подкрепленные убедительными доказательствами, лишь создадут почву для неразрешимых споров и разногласий, которых они по понятным причинам стремились избежать».

Интерес к проблеме зарождения языка еще долго вызывал их явное неодобрение — исследования эволюции языка возродились во Франции лишь в 1965 году.

Почему же эта тема считалась настолько опасной, что размышления о ней целых 99 лет были вне закона? По словам Д. Премака (D. Premack), автора многочисленных книг об эволюции и происхождении языка, «человеческий язык — непреодолимое препятствие для теории эволюции».

Эволюционистам никак не удается найти приемлемое объяснение необычайного разнообразия языков и их сложности. Все согласны с тем, что язык — главный признак, отличающий людей от других биологических видов. Наши дети овладевают навыками устной речи, едва достигнув четырехлетнего возраста; если ребенок в четыре года не умеет говорить, то это — следствие врожденной или приобретенной патологии. В целом же дар речи присущ всем людям — и никому из других живых существ, населяющих Землю. Почему только человечество обладает способностью к речевой коммуникации и как мы обрели эту способность?

Препятствия для возникновения языка эволюционным путем.

Если теория эволюции верна, то люди обязаны были преодолеть немало препятствий, прежде чем смогли бы общаться языковыми средствами. Первое среди этих препятствий известно как устойчивость референтных систем и заключается в том, что за звуками, издаваемыми животными, закреплены конкретные значения. Например, собака рычит непосредственно на объект, в котором видит опасность, но не сообщает рычанием о возникшей опасности кому-то другому. Если бы собака зарычала, чтобы оповестить другую об опасности, то ее рычание не было бы воспринято как предупреждение. Таким образом, для появления языка люди были обязаны найти способ общаться об объекте, а не с объектом.

У животных общение ограничивается проявлением эмоций. Людям же для того, чтобы выражать с помощью языка свои мысли, требовался синтаксис. Синтаксис — это определенный способ соединения слов в предложения для передачи смысла сообщения. В различных языках этой цели служат порядок слов, суффиксация, метаязык (такие части речи, как относительные местоимения, местоимения, наречия, предлоги, союзы, а также окончания и т.д.). Человек не может передать другому свои мысли, не прибегая к синтаксическим построениям; речь без синтаксиса сводится к восклицаниям и приказам.

Кроме того, эволюционистам никак не удается объяснить закономерности изменений, которые произошли в языках с момента появления письменности,

сохранившей эти изменения для современных лингвистов. **Самые древние языки** — латынь, древнегреческий, древнееврейский, санскрит, финикийский, древнесирийский — гораздо сложнее любого из современных языков. Все, кто в наши дни сталкивается с этими языками, без колебаний признают, что они определенно запутаннее и труднее для изучения, чем нынешние. Языки никогда не становились сложнее, чем были; напротив, со временем они только упрощались. Однако это никак не согласуется с теорией биологической эволюции, согласно которой все сущее со временем усложнялось.

Учеными были выдвинуты десятки гипотез о том, как люди преодолели препятствия для появления языка; эти гипотезы в большинстве своем весьма умозрительны и существенно расходятся между собой. Так, Жан-Жак Руссо, французский философ конца XVIII века, считал первопричиной языка человеческие чувства и страсти; поэтому, согласно Руссо, наша речь начиналась с поэзии.

Несмотря на славу Руссо, с ним мало кто согласился, и появилось множество новых версий возникновения языка. Эволюционисты полагают, что язык либо произошел из звуков, с помощью которых общаются животные, либо сначала возник язык знаков, а затем к знакам постепенно добавлялись звуки, и, в конце концов, появилась устная речь. Некоторые эволюционисты утверждают, что человеческий разум и способность к звукоподражанию позволили людям «изобрести» язык. Другие же придерживаются того мнения, что язык возник у людей «чудесным образом» или что люди на определенной стадии эволюции открыли в себе способность к общению посредством речи.

Согласно теории эволюции, люди начали отделяться от обезьян примерно 2-4 миллиона лет назад, когда стали использовать предметы в качестве орудий труда. Эволюционисты полагают, что миграция людей из Африки началась 100 000 лет назад, и к 10 000 г. до Р. Х. люди расселились по всему миру. Исходя из этого, они утверждают, что язык либо уже сформировался 100 000 лет назад (или, по крайней мере, находился на одной из заключительных стадий развития) и затем из этого языка в отдельных группах людей, расселявшихся по Земле, произошли тысячи языков, многие из которых существуют и поныне; либо же он возник одновременно в разных уголках земного шара уже после того, как люди расселились по всей планете к 10 000 г. до Р. Х.

Сторонники различных теорий происхождения языка не могут прийти к согласию относительно того, когда люди начали общаться с помощью слов; а поскольку невозможно ни установить, ни воссоздать, ни один из праязыков, якобы возникших эволюционным путем, приверженцам теории эволюции остается довольствоваться лишь догадками о том, как мог появиться язык.

Теория возникновения языка из звуков, издаваемых животными.

Многие биологи и лингвисты из числа сторонников идеи эволюции от простейших к человеку считают, что язык постепенно развился из звуков и

шумов, издаваемых животными. По мере развития человеческого интеллекта людям удавалось произносить все больше звуков; постепенно эти звуки превращались в слова, за которыми закреплялись значения.

На первый взгляд эта теория представляется логичной. Действительно, почему бы крикам и хрюканью приматов не стать словами и не приобрести определенные значения? Однако ученые убеждены, что звуки животных не имеют ничего общего с языком и не используются для передачи идей или понятий; они служат исключительно для выражения эмоций — точно так же, как у людей этой цели служат плач, смех, крики и так далее. Почти все животные способны передавать эмоции с помощью набора различных звуков — лая, рычания, шипения, щебетания, кудахтанья и т.п., — но этими шумами они выражают свои чувства, а не мысли. Зоологи полагают, что животные не контролируют звуковое выражение своих эмоций. Например, когда собака напугана, она рычит на объект, который пугает ее, и не может остановиться. Аналогичным образом людям бывает сложно перестать смеяться или плакать, когда их переполняют эмоции, в то время как общение посредством слов подконтрольно нам. Так или иначе, звуки, призванные выражать эмоции, сильно отличаются от тех, которые используются для передачи понятий. Поэтому вероятность происхождения человеческого языка от звуков, издаваемых животными, крайне мала.

Теория создания языка силой человеческого разума.

Некоторые ученые предположили, что люди неким образом создали язык благодаря своему разуму. Согласно их теории, по мере эволюции человека интеллектуальные способности людей непрерывно росли и, в конце концов, позволили людям начать общаться друг с другом. Это предположение также кажется весьма логичным, однако большинство ученых и лингвистов отрицают такую возможность. В частности, Дуайт Болинджер (Dwight Bolinger), ученый и лингвист, исследовавший языковые способности шимпанзе, говорит: «Стоит задаться вопросом, почему всем формам жизни, населяющим Землю, пришлось ждать миллионы лет, прежде чем Номо сделал это [создал язык]. Неужели потому, что сначала должен был появиться определенный уровень интеллекта? Но как такое могло произойти, если интеллект всецело зависит от языка? Язык никак не мог быть предпосылкой для возникновения языка».

Уровень интеллекта невозможно измерить без помощи языка. Так что гипотеза о появлении языка вследствие развития человеческого разума необоснованна и недоказуема.

Кроме всего прочего, ученые не могут доказать, что для языка необходим развитый интеллект. Напротив, зачастую данные науки говорят об обратном. Зоологам удавалось обучить обезьян шимпанзе общаться на языке жестов, и те оказались способны понимать и даже употреблять простейшие синтаксические структуры. Разумеется, они никогда бы не изобрели язык и не могли общаться с другими шимпанзе посредством синтаксиса, однако их уровень интеллекта оказался достаточным для того, чтобы понимать язык,

если они обучены этому. Таким образом, можно сделать вывод, что своей способностью к языковому общению мы обязаны отнюдь не нашему высокоразвитому интеллекту.

Теория возникновения языка в результате звукоподражания.

Не так давно Сюзан Блэкмор (Susan Blackmore) в своей книге «Машина мемов» (The Meme Machine) выдвинула гипотезу о том, что людям удалось создать язык благодаря их способности к звукоподражанию. По ее словам, человек, как ни одно другое живое существо на Земле, наделен даром подражать себе подобным, и именно этот дар заложил основу для естественного развития языка. Число сторонников этой идеи, получившей известность как «теория мемов», неуклонно растет.

В ходе этих исследований было доказано, что при наблюдении обезьяны или человека за действиями других возникает нервный импульс, который в значительной степени способствует воспроизведению ими этих действий. «Ценность этого открытия заключается в том, что ученые впервые установили наличие и описали нервный механизм, обеспечивающий точное соответствие между зрительным восприятием действия и его выполнением». Таким образом, приматы, как и люди, способны имитировать действия себе подобных. И хотя обезьяны могут подражать другим только действиями, но не голосом, это все равно идет вразрез с теорией Блэкмор.

Кроме того, ее теории противоречит такое явление, как звукоподражание птиц. Многие виды птиц обладают удивительной способностью воспроизводить звуки окружающего мира. Например, попугаи какаду и ара могут подражать фактически всем звукам, которые слышат: голосам других птиц, животных, человеческой речи, музыке и любым другим звукам. Они даже понимают, что означают те или иные звуки.

Человек — лишь один из множества видов животных, способных имитировать чужие звуки и действия, но только он смог создать язык. В свете всех этих данных «теория мемов» тоже выглядит безосновательной.

Теория внезапного возникновения языка.

Некоторые ученые считают, что язык появился у людей внезапно, без видимых предпосылок к его зарождению. Они полагают, будто бы язык был изначально заложен в человеке, и люди на определенном этапе эволюции просто обнаружили в себе эту особенность и стали использовать для общения и передачи информации слова и жесты, постепенно расширяя словарный запас. Приверженцы теории внезапного появления языка утверждают, что люди приобрели дар речи в результате случайной перегруппировки участков ДНК в процессе эволюции.

Согласно этой теории, язык и все необходимое для общения существовали до того, как человек их обнаружил. Но это означает, что язык как таковой возник совершенно случайно и не задумывался как целостная система. Между тем, язык представляет собой сложную логическую систему, высочайший уровень организации которой просто не позволяет поверить в ее случайное возникновение. Помимо этого, теория внезапного появления языка

не может игнорировать вопрос о том, почему из всего разнообразия животного мира только люди удостоились такой чести. Язык — один из главных признаков, отличающих нас от остальных животных; но почему его не «открыли» в себе представители других биологических видов? И даже если эту теорию можно рассматривать как модель появления языка, ее никак нельзя признать приемлемым объяснением происхождения такового, поскольку такая сложная структура, как язык, не могла возникнуть сама по себе, без творца.

Теория жестов.

Эта теория возникновения устной коммуникации имеет наибольшее число сторонников в современной науке. Согласно ей, по мере того как люди эволюционировали, они постепенно разрабатывали знаковую систему, поскольку обнаружили, что использование знаков может приносить пользу. Поначалу они не стремились донести до других какие-либо идеи; человек просто производил некоторое действие, другой видел это и затем повторял это действие. Например, один человек пытается сдвинуть с места какой-либо предмет, но сам не в силах сделать это; другой видит эти усилия и приходит ему на помощь. В итоге человек уяснил себе: для того чтобы ему помогли переместить что-либо, достаточно жеста, изображающего толкание. По мнению приверженцев этой теории, когда люди начали использовать жесты, ассоциирующиеся с каким-либо действием, не в процессе этого действия, а для передачи информации другим людям, знаки из средства «случайной» коммуникации превратились в форму настоящего осмысленного общения.

Каждый, кто наблюдал за поведением группы шимпанзе, согласится с тем, что эти обезьяны общаются друг с другом с помощью мимики и жестов. Наблюдения ученых показывают, что почти все шимпанзе пользуются одним и тем же набором звуков; межклановые различия весьма незначительны. Весь этот набор понятен не только шимпанзе (которым адресована коммуникация) и людям, но также гориллам и многим другим видам приматов. Мимика и жесты шимпанзе и других обезьян — по существу, главный довод, приводимый сторонниками теории жестов в поддержку идеи постепенного зарождения языка в процессе прибавления звуков к жестам.

Серьезнейший недостаток этой теории заключается в том, что, несмотря на бесчисленные попытки, никому из ее приверженцев так и не удалось предложить приемлемый сценарий прибавления звуков к жестам. Согласно одной из гипотез, изначально слова имели звуковое сходство с понятиями, которые выражали (ономатопея). Эту гипотезу, известную как «теория звукоподражания», выдвинул в 1880 году Макс Миллер (Miiller), но даже он сам считал ее не слишком правдоподобной. Например, понятие «собака» поначалу выражалось междометием «гав-гав» или «тяв-тяв», а звуки, напоминающие птичье чириканье или карканье, ассоциировались с издающими их пернатыми. Действия обозначались звуками, которые люди производили при выполнении этих действий; к примеру, принятие пищи

передавалось с помощью чавканья, а поднятие тяжелого камня — с помощью натужного уханья.

Теория Мииллера казалась бы вполне логичной, но во всех языках нашего времени звучание слов не имеет ничего общего со «звуковым образом» выражаемых ими понятий; да и в древних языках, изучаемых современными лингвистами, не было ничего подобного. Ни английское слово “dog” (собака), ни французское “chien”, ни немецкое “hund” не напоминают своим звучанием собачий лай. И если бы слова зарождались как звукоподражание, то неужели они не звучали бы более-менее одинаково на всех языках? Между тем словарный состав языков мира отличается удивительным разнообразием. Это фактически сводит на «нет» возможность возникновения языка из жестов и звукоподражания.

Более того, людям свойственно размышлять о понятиях и идеях, которые мы не можем ни осознать, ни выразить посредством знаков. Таких абстрактных понятий — великое множество: время, любовь, ненависть, жадность, счастье, вера, цель, красота, материя, веселье, культура и т.п. Наличие в языке слов, выражающих абстрактные понятия, заставляет сильно усомниться в состоятельности этой и любой другой эволюционной теории его происхождения.

Еще одно непреодолимое препятствие для теории языка жестов как первичной формы коммуникации — проблема появления синтаксиса. Многим кажутся здравыми рассуждения о том, что люди могли придумать знаки и слова для обозначения простых предметов и действий, но как люди изобрели синтаксис? Человек никак не сможет сказать: «Дай мне еды», если все слова, которыми он располагает, — это «еда» и «я». Синтаксис — настолько сложная система, что люди не смогли бы «открыть» ее случайно. Для возникновения синтаксиса требовался разумный создатель, однако человек не мог быть этим создателем, поскольку не смог бы донести свое открытие до других.

Мы же не мыслим нашу речь без метаязыка—множества служебных слов, которые не имеют лексического значения, но определяют значения других слов. Люди никак не могли бы по чистой случайности начать употреблять и понимать эти слова.

Теория сотворения языка.

Из всех выдвинутых наукой теорий происхождения языка только одна с момента появления и по сей день, сохраняет свои позиции, несмотря на то, что все это время ее противники заняты отчаянными поисками контраргументов против нее. Это—теория божественного сотворения языка. Вера в то, что его создал и дал людям всемогущий и всеведущий Бог, позволяет обойти те непреодолимые препятствия, о которые разбиваются все теории возникновения языка эволюционным путем.

Из библейского описания Сотворения ясно, что язык существовал еще до того, как Бог начал творить этот мир. Язык был одним из способов общения Пресвятой Троицы — ипостасей Троиединого Бога.

История человечества позволяет христианам утверждать, что язык существует столько, сколько существует Бог, а согласно Библии, Бог существует вечно.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Бытие, 1:1-3).

Но почему из всех сотворенных Им живых существ Бог наделил языком только людей? Ответ на этот вопрос мы находим в первой же главе Священного Писания: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1:27). Бог создал людей по образу своему, а поскольку Богу присущи язык и общение, людям также достался этот дар. Таким образом, язык — одна из граней Личности Бога, которые Он передал людям. Это — вполне здравое заключение, поскольку язык дает нам частичное представление о природе Бога. Как и Бог, язык невысказанно сложен. На его изучение может уйти вся жизнь; но при этом дети, едва научившись ходить, начинают понимать и употреблять язык.

Эволюционисты выдвинули великое множество теорий зарождения и развития человеческого языка, но ни одна из этих теорий не дает приемлемое объяснение необычайному разнообразию и сложности языков. Так что не остается ничего иного, кроме веры в Бога-Творца, Который не только создал человека, но и наделил его даром речи. Библия рассказывает о Сотворении всего сущего Богом; ее текст лишен противоречий и содержит ответы на все вопросы. В отличие от теории эволюции, которой недостает достоверности в объяснении происхождения языка, изложенная в Библии креационная теория способна противостоять любым возражениям.

Религиозные теории. Библейская теория происхождения языков.

Миф о вавилонской башне

Религиозные теории.

Существует ряд гипотез о происхождении языка, но ни одна из них не может быть подтверждена фактами в силу огромной отдаленности события по времени. Они остаются гипотезами, так как их нельзя ни наблюдать, ни воспроизвести в эксперименте.

Язык был создан Богом, богами или божественными мудрецами. Эта гипотеза отражена в религиях разных народов.

Согласно индийским ведам (XX век до н.э.), главный бог дал имена другим богам, а имена вещам дали святые мудрецы при помощи главного бога. В Упанишадах, религиозных текстах X века до н.э. говорится о том, что сущее сотворило жар, жар - воду, а вода - пищу, т.е. живое. Бог, входя в живое, создает в нем имя и форму живого существа. Поглощенное человеком разделяется на грубейшую часть, среднюю часть и тончайшую часть. Таким образом, пища разделяется на кал, мясо и разум. Вода - на мочу, кровь и дыхание, а жар разделяется на кость, мозг и речь.

Во второй главе **Библии** (Ветхий завет) говорится:

«И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Бытие, 2, 15-22).

Согласно **Корану** Адам был сотворен Аллахом из праха и «звучащей глины». Вдохнув в Адама жизнь, Аллах научил его именам всех вещей и этим возвысил его над ангелами» (2:29)

Однако позже, согласно Библии, потомков Адама за их попытку построить башню до небес Бог наказал разнообразием языков:

На всей земле был один язык и одно наречие... И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем лее, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Бытие, 11, 5-9).

Евангелие от Иоанна начинается следующими словами, где Логос (слово, мысль, разум) приравнивается к Божественному:

«В начале было Слово [Логос], и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога».

В **Деяниях Апостолов** (части Нового Завета) описывается событие, произошедшее с апостолами, из которого следует связь языка с Божественным:

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиды, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Кирине, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне

и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина. Петр же, став с одиннадцатю, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим...» (Деяния апостолов, 2, 1-14).

День Пятидесятницы, или Троицын день заслуживает того, чтобы кроме своего религиозного значения стать Днем Лингвиста или Переводчика.

(обратно)

«Библейская теория происхождения языков».

Миф о потопе. Во многих источниках мы встречаем упоминания о «поразительном» сходстве описаний библейского потопа и потопа, о котором идет речь на одиннадцатой табличке мифа о Гильгамеше. Сходство этих мифов действительно очень велико, но если есть что-то «поразительное» в сравнениях двух этих историй, так это причины столь ужасного бедствия.

В вавилонской истории люди вели себя просто-напросто шумно, и оттого совет богов — хотя и не единогласно — решил уничтожить их, словно забыв, для чего было сотворено человечество: для того, чтобы трудом своим тяжким, воплощавшимся в результате в жертвы богам, обеспечивать небожителям безбедное времяпрепровождение. В конце концов, небольшой шум — не слишком дорогая плата за вечную безбедную жизнь.

В библейском варианте человечество несет справедливое наказание за многочисленные грехи свои, за нарушение заветов Яхве, за то, что в сердцах людей поселилась злоба и неправедность. Люди начали уничтожать друг друга, вести непрерывные войны и грабежи, земля их наполнилась насилием и преступлениями, а о творце своем они забыли.

Взирая на дело рук своих, Яхве сокрушался и не нашел иного выхода, как уничтожить всех людей и животных, положив конец царящему бесправию, и начать все с начала, избрав среди грешников единственного богобоязненного мужа Ноя и троих его сыновей — Сима, Хама и Яфета.

Имеются любопытные работы, проводящие сравнения потоков в шумерской версии, версии вавилонской, яхвистской и жреческой, вплоть до исследования размеров соответствующих ковчегов и сравнения последних с ритуальными сооружениями Месопотамии. Предоставим читателям самостоятельно поработать над этими источниками. Обратим лишь внимание на то, что во всех предыдущих мифологиях человек был создан богами на потребу себе, выполнял функции скота, и только в библейской мифологии участь человеку суждена иная. И требования к нему предъявляются, соответственно, неизмеримо более высокие и духовные. Кому много дано, с того много спросится, и за измену своему высокому предназначению Бог наслал потоп на человечество.

Миф о вавилонской башне.

Ряд исследователей полагает, что известный текст мифа имеет в основе своей две традиции, сплетенные в одно повествование, либо объединенные ранее в каком-то источнике, использованном автором-яхвистом.

В мифе рассказывается о том, как некая группа людей, поселившаяся в дельте Евфрата, научилась изготавливать кирпичи из глины (в месопотамских мифах неоднократно сообщается о божественном происхождении этого вида строительного материала), построив город и башню. Вряд ли рассказ этот имеет месопотамское происхождение, поскольку, по понятиям древних вавилонян, священные башни — зиккураты — связывали их с небесами и никак не могли служить символом богоборческой попытки добраться до этих небес. Полагают, что миф скорее отражает изумление и страх кочевников, впервые увидевших в плодородных равнинах дельты Евфрата огромные, по тогдашним понятиям, города и массу людей, говоривших на десятках ближневосточных языков и наречий.

Мораль мифа продолжает ту же тенденцию, что и история о потопе: человек, несмотря на то, что ему был преподан страшный урок, продолжает, будучи зараженным первородным грехом, в гордыне своей стремиться к недостижимому равенству с Богом. Стремление это, однако, выражается не в самосовершенствовании человека, не в его духовном росте и уж, конечно, не в соблюдении заповедей Яхве, а в попытке достигнуть равенства самым простым и грубым путем — путем «взлома» жилища Бога. Любопытно, что люди, «прах земной», решают увековечить себя дерзким поступком, используя для этого тот же материал, из которого сотворены и они сами. Преступлению этому соответствует наказание гораздо более мягкое, чем потоп, поскольку Яхве после потопа пообещал более не истреблять человечество. Достаточно того, что люди, имеющие общую родословную, разделяются по языкам и разбрасываются по разным землям. Используя принцип «разделяй и властвуй», Яхве предотвращает возможность какого-либо нового коллективного посягательства на сферу небесную.

Название города Вавилона, точнее, «Баб-Иль», означающее «врата бога», вряд ли может выводиться из еврейского корня «бол», означающего «смешение», хотя Библия и утверждает, что это именно так. (Быт. 11. 9).

Пожалуй, наиболее известен библейский вариант — миф о Вавилонской башне, который упоминается в гл.11 «Бытия», повествующей о потомках Ноя, пережившего Потоп.

Ветхий завет: Книга Бытия.

1. На всей земле был один язык и одно наречие.
2. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.
3. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.
4. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли.

5. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

6. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они оттого, что задумали делать;

7. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

8. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню].

9. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Казалось бы, чего уж тут спорить... Однако когда мы имеем дело с мифологией и даже допускаем историчность описываемых в них событий, нужно быть весьма осторожным. Далеко не всегда мифы и легенды можно воспринимать дословно, ведь время неизбежно накладывает свой отпечаток, зачастую пропуская к нам лишь весьма искаженные отголоски далеких событий. Более того, непосредственно в самом мифе о Вавилонской башне громадный промежуток времени (по нашим вышеприведенным оценкам, не менее 5 тысяч лет) сжат до весьма кратковременного одноразового действия - строительства башни...

«Одна любопытная деталь. Начало рассказа о вавилонской башне в русском переводе таково: «На всей земле был один язык и одно наречие». Перевод этот неправилен. В еврейском оригинале сказано: «И был на всей земле один язык со словами немногими» [Быт. 11:1]. Сегодня мы хорошо знаем, что шумерский язык отличался обилием омонимов: немногие слова обозначали самые различные предметы. Это окончательно доказывает, что в легенде речь идет именно о Шумере, а никак не о Вавилонском царстве» (Э. Менделевич, «Предания и мифы Ветхого Завета»).

«...Еще в 1876 году Джордж Смит в своей публикации сообщал о том, что в библиотеке Ашурбанипала в Ниневии был найден «поврежденный текст части версии легенды о Вавилонской башне»... Этот текст, несомненно, является аккадской версией шумерской легенды о Вавилонской башне, и из нее следует, что события эти произошли не по вине людей, а по вине богов. Люди были только орудием в борьбе богов за власть. В первых строках представленного Джорджем Смитом текста, переведенного заново У.С.К. Боскауэном в «Истории общества в библейской археологии» (том V), указывается имя виновника случившегося, которое, однако, так и не удалось прочитать из-за повреждения таблички. Этот бог вынашивал в сердце «думы недобрые, против Отца Богов (Энлиля) замыслил он зло». Чтобы исполнить свой коварный замысел, «совратил он людей Вавилона на грех», убедив их «великое и малое смешать на холме».

Первые опыты и научные гипотезы.

Еще в Древнем Египте люди задумывались над тем, какой язык самый древний, то есть, ставили проблему происхождения языка.

Когда Псамметих [663-610 до н.э.] вступил на престол, он стал собирать сведения о том, какие люди самые древние... Царь велел отдать двоих новорожденных младенцев (от простых родителей) пастуху на воспитание среди стада [коз]. По приказу царя никто не должен был произносить в их присутствии ни одного слова. Младенцев поместили в отдельной пустой хижине, куда в определенное время пастух приводил коз и, напоив детей молоком, делал все прочее, что необходимо. Так поступал Псамметих и отдавал такие приказания, желая услышать, какое первое слово сорвется с уст младенцев после невнятного детского лепета. Повеление царя было исполнено. Так пастух действовал по приказу царя в течение двух лет. Однажды, когда он открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца пали к его ногам, протягивая ручонки, произносили слово «бекос»... Когда же сам Псамметих также услышал это слово, то велел расспросить, какой народ и что именно называет словом «бекос», и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Отсюда египтяне заключили, что фригийцы еще древнее их самих... Эллины же передают при этом, что еще много вздорных рассказов, ... будто Псамметих велел вырезать нескольким женщинам языки и затем отдал им младенцев на воспитание. (Геродот. История, 2, 2).

Это был первый в истории лингвистический эксперимент, за которым последовали и другие, не всегда столь жестокие, хотя в I веке н.э. Квинтилиан, римский учитель риторики, уже заявлял, что «по сделанному опыту воспитывать детей в пустынях немymi кормилицами доказано, что дети сии, хотя произносили некоторые слова, но говорить связно не могли».

Этот эксперимент повторяли в XIII веке германский император Фридрих II (дети умерли), а в XVI веке Джеймс IV Шотландский (дети заговорили на древнееврейском - очевидно чистота опыта не была соблюдена) и хан Джелаладдин Акбар, властитель империи Моголов в Индии (дети заговорили жестами).

Античные гипотезы.

Основы современных теорий происхождения языка заложили древнегреческие философы. По взглядам на происхождение языка они разделились на две научные школы - сторонников «фюсей» и приверженцев «тесей».

Фюсей. Сторонники природного происхождения названий предметов (цхуей - греч. по природе), в частности, Гераклит Эфесский (535-475 до н.э.), считали, что имена даны от природы, так как первые звуки отражали вещи, которым соответствуют имена. Имена - это тени или отражения вещей. Тот, кто именуется вещи, должен открыть природой созданное правильное имя, если же это не удастся, то он только производит шум.

Тесей. Имена происходят от установления, согласно обычаю, заявляли приверженцы установления названий по соглашению, договоренности между людьми (иеуей - греч. по установлению). К ним относились Демокрит из Абдер (470/460 - первая половина IV в. до н.э.) и Аристотель из Стагиры (384-322 до н.э.). Они указывали на многие несоответствия между вещью и ее

названием: слова имеют по несколько значений, одни и те же понятия обозначаются несколькими словами. Если бы имена давались по природе, невозможно было бы переименование людей, но, напр., Аристокл с прозвищем Платон («широкоплечий») вошел в историю.

Сторонники тесей утверждали, что имена произвольны, а один из них, философ Дион Крон даже называл своих рабов союзами и частицами (напр., «Но ведь»), чтобы подтвердить свою правоту.

На это сторонники фюсей ответствовали, что есть правильные имена и имена, данные ошибочно.

Платон в своем диалоге «Кратил», названном по имени сторонника фюсей, который спорил с Гермоденом, приверженцем тесей, предложил компромиссный вариант: имена создаются установителями имен в соответствии с природой вещи, а если этого нет, то значит имя плохо установлено или искажено обычаем.

Стоики.

Представители философской школы стоиков, в частности Хрисипп из Соли (280-206), тоже считали, что имена возникли от природы (но не от рождения, как считали сторонники фюсей). По их мнению, одни из первых слов были звукоподражательными, а другие звучали так, как они воздействуют на чувства. Напр., слово мед (mel) звучит приятно, так как мед вкусен, а крест (cruх) - жестко, потому что на нем распинали людей (латинские примеры объясняются тем, что эти взгляды стоиков дошли до нас в передаче писателя и богослова Августина (354-430). Дальнейшие слова появились от ассоциаций, переноса по смежности (piscina - «бассейн» от piscis - «рыба»), по контрасту (bellum - «война» от bella - «прекрасная»). Если даже происхождение слов скрыто, их можно установить путем исследования.

Гипотезы нового времени. гипотезы в духе античной теории «ФЮСЕЙ». ономатопоэтическая (греч. «СОЗДАЮЩАЯ») или звукоподражательная гипотеза

Язык возник из подражания звукам природы. Ироничное название этой гипотезы: теория «гав-гав».

Эту теорию стоиков возродил немецкий философ Готфрид Лейбниц (1646-1716). Он подразделял звуки на сильные, шумные (напр., звук «р») и мягкие, тихие (напр., звук «л»). Благодаря подражанию впечатлениям, которые на них производили вещи и животные, возникли и соответствующие слова («рык», «ласка»). Но современные слова, по его мнению, отошли от первоначальных звучаний и значений. Напр., «лев» (Loewe) имеет мягкое звучание из-за быстроты бега (Lauf) этого хищника.

Междометная гипотеза. Эмоциональные выкрики от радости, страха, боли и т.д. привели к созданию языка. Ироничное название этой гипотезы: теория «тьфу-тьфу».

Шарль де Бросс (1709-1777), французский писатель-энциклопедист, наблюдая за поведением детей, обнаружил, как первоначально лишённые смысла детские восклицания, переходят в междометия, и решил, что

первобытный человек прошел ту же стадию. Его вывод: первые слова человека - это междометия.

Этьен Бонно де Кондильяк (1715-1780), французский философ, полагал, что язык возник из потребности взаимопомощи людей. Его создал ребенок, так как ему нужно сказать матери больше, чем мать должна сказать ему. Поэтому первоначально языков было больше, чем индивидуумов. Кондильяк выделял три вида знаков: а) случайные, б) естественные (природные крики для выражения радости, страха и т.д.), в) избранные самими людьми. Крики сопровождались жестом. Затем люди стали использовать слова, которые первоначально были только существительными. При этом первоначально одно слово выражало целое предложение.

Французский писатель и философ Жан Жак Руссо (1712-1778) считал, что «первые жесты были продиктованы потребностями, а первые звуки голоса - исторгнуты страстями... Естественное действие первых потребностей состояло в отчуждении людей, а не в их сближении. Именно отчуждение способствовало быстрому и равномерному заселению земли... Источник происхождения людей... в душевных потребностях, в страстях. Все страсти сближают людей, тогда как необходимость сохранения жизни вынуждает их избегать друг друга. Не голод, не жажда, а любовь, ненависть, жалость и гнев исторгли у них первые звуки. Плоды не прячутся от наших рук; ими можно питаться в безмолвии; молча преследует человек добычу, которой он хочет насытиться. Но чтобы взволновать юное сердце, чтобы остановить несправедливо нападающего, природа диктует человеку звуки, крики, жалобы. Это самые древние из слов и вот почему первые языки были напевными и страстными, прежде чем стали простыми и рассудочными...».

Английский натуралист Чарльз Дарвин (1809-1882) считал, что звукоподражательная и междометная теории - это два основных источника происхождения языка. Он обратил внимание на большие способности к подражанию у обезьян, наших ближайших родственников. Он также полагал, что у первобытного человека во время ухаживаний возникали «музыкальные кадансы», выражающие различные эмоции - любовь, ревность, вызов сопернику.

Биологическая гипотеза. Язык - естественный организм, возникает самопроизвольно, имеет определенный срок жизни и умирает как организм. Выдвинул эту гипотезу немецкий лингвист Август Шлейхер (1821-1868) под влиянием дарвинизма, то есть учения, определяющего ведущую роль естественного отбора в биологической эволюции. Но первые корни слов возникли, по его мнению, как результат звукоподражания.

Гипотезы в духе античной теории «тесей». **Гипотеза общественного (социального) договора.** В этой гипотезе видно влияние античной теории тесей, согласно которой люди договорились об обозначении предметов словами.

Эту гипотезу поддерживал английский философ Томас Гоббс (1588-1679): разобщенность людей - их естественное состояние. Семьи жили сами

по себе, мало общаясь с другими семьями, и добывали пищу в тяжелой борьбе, в которой люди «вели войну всех против всех». Чтобы выжить, им пришлось объединиться в государство, заключив между собой договор. Для этого потребовалось изобрести язык, который возник по установлению.

Жан Жак Руссо полагал, что если эмоциональные выкрики - от природы человека, звукоподражания - от природы вещей, то голосовые артикуляции - чистая условность. Они не могли возникнуть без общего согласия людей. Позднее по договоренности (по общественному договору) люди договорились об используемых словах. Причем чем более ограниченными были знания людей, тем обширнее был их словарный запас. Сначала каждый предмет, каждое дерево имели свое собственное имя, и лишь позже появились общие имена (т.е. не дуб А, дуб Б и т.д., а дуб как общее имя).

Жестовая теория связана с другими гипотезами (междометной, социального договора). Выдвигали эту теорию Этьен Кондильяк, Жан Жак Руссо и немецкий психолог и философ Вильгельм Вундт (1832-1920), который полагал, что язык образуется произвольно и бессознательно. Но сначала у человека преобладали физические действия (пантомима). Причем эти «мимические движения» были трех видов: рефлекторные, указательные и изобразительные. Рефлекторным движениям, выражающим чувства, позже соответствовали междометия. Указательным и изобразительным, выражающим соответственно представления о предметах и их очертания, соответствовали корни будущих слов. Первые суждения были только сказуемыми без подлежащих, то есть слова-предложения: «светит», «звучит» и т.д.

Руссо подчеркивал, что с появлением членораздельного языка жесты отпали как основное средство общения - у языка жестов немало недостатков: трудно пользоваться во время работы, общаться на расстоянии, в темноте, в густом лесу и т.д. Поэтому язык жестов был заменен звуковым языком, но полностью не вытеснен.

Жесты как вспомогательное средство общения продолжают использоваться современным человеком. Невербальные (несловесные) средства общения, в том числе жесты, изучает паралингвистика как отдельная дисциплина языкознания.

Трудовые гипотезы. Коллективистская гипотеза (теория трудовых выкриков). Язык появился в ходе коллективной работы из ритмичных трудовых выкриков. Выдвинул гипотезу Людвиг Нуаре, немецкий ученый второй половины XIX века.

Трудовая гипотеза Энгельса. Труд создал человека, а одновременно с этим возник и язык. Теорию выдвинул немецкий философ Фридрих Энгельс (1820-1895), друг и последователь Карла Маркса.

Гипотеза спонтанного скачка. По этой гипотезе язык возник скачком, сразу же с богатым словарем и языковой системой. Высказывал гипотезу немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт (1767-1835): «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый

момент его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится единым целым... Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу. Человек является человеком только благодаря языку, а для того, чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. Первое слово уже предполагает существование всего языка».

В пользу этой на первый взгляд странной гипотезы также говорят скачки в возникновении биологических видов. Например, при развитии от червей (появившихся 700 миллионов лет назад) до появления первых позвоночных - трилобитов требовалось бы 2000 миллионов лет эволюции, но они появились в 10 раз быстрее в результате какого-то качественного скачка.

**ЛЕКЦИЯ №2. Фонетика и фонология. Понятие фонемы.
Фонетические процессы: комбинаторные и позиционные изменения.
Варианты фонемы. Фонетическое членение речи.**

План:

1. Фонетика и фонология
2. Понятие фонемы.
3. Фонетические процессы: комбинаторные и позиционные изменения.
4. Фонетическое членение речи.
5. Органы речи и артикуляционная база.
6. Классификация звуков речи.

Фонетика и фонология

Фонетика - раздел языкознания, в котором изучается звуковой строй языка, т.е. звуки речи, слоги, ударения, интонацию. Имеются три стороны звуков речи, и им соответствуют три раздела фонетики:

Акустика речи. Она изучает физические признаки речи.

Антропофоника или физиология речи. Она изучает биологические признаки речи, т.е. работу, производимую человеком при произнесении (артикуляции) или восприятии звуков речи.

Фонология. Она изучает звуки речи как средство общения, т.е. функцию или роль звуков, используемых в языке.

Фонологию нередко выделяют как отдельную от фонетики дисциплину. В таких случаях два первых раздела фонетики (в широком смысле) - акустика речи и физиология речи объединяются в фонетику (в узком смысле), которая противопоставляется фонологии.

Акустика звуков речи

Звуки речи - это колебания воздушной среды, вызванные органами речи. Звуки делятся на тоны (музыкальные звуки) и шумы (немузыкальные звуки).

Тон - это периодические (ритмичные) колебания голосовых связок.

Шум - это непериодические (неритмичные) колебания звучащего тела, например, губ.

Гласные состоят из тона, т.е. голоса при отсутствии преграды, а согласные из шума (или шума и тона), т.е. с участием преграды.

Звуки речи различаются по высоте, силе и длительности.

Высота звука - это число колебаний в секунду (герц). Она зависит от длины и натянутости голосовых связок. Более высокие звуки имеют более короткую волну. Человек может воспринимать частоту колебаний, т.е. высоту звука в диапазоне от 16 до 20000 герц. Один герц - одно колебание в секунду. Звуки ниже этого диапазона (инфразвуки) и выше этого диапазона (ультразвуки) человек не воспринимает в отличие от многих животных (кошки и собаки воспринимают до 40 000 Гц и выше, а летучие мыши даже

до 90 000 Гц).

Основные частоты общения людей находятся в пределах обычно 500 - 4000 Гц. Голосовые связки производят звуки от 40 до 1700 Гц. Например, бас начинается обычно с 80 Гц, а сопрано определяется в 1300 Гц. Собственная частота колебаний барабанной перепонки - **1000** Гц. Поэтому самые приятные для человека звуки - шум моря, леса - имеют частоту около **1000** Гц.

Диапазон колебаний звуков речи мужчины составляет 100 - 200 Гц в отличие от женщин, говорящих с частотой в 150 - 300 Гц (поскольку у мужчин голосовые связки в среднем 23 мм, а у женщин - 18 мм, а чем длиннее связки, тем ниже тон).

Сила звука (громкость) зависит от длины волны, т.е. от амплитуды колебаний (величины отклонения от первоначального положения). Амплитуду колебаний создают напор воздушной струи и поверхность звучащего тела.

Сила звука измеряется в децибелах. Шепот определяется в 20 - 30 дБ, обычная речь от 40 до 60 дБ, громкость крика доходит до 80 - 90 дБ. Певцы могут петь с силой до 130 дБ. В книге рекордов Гиннеса зафиксирован рекорд четырнадцатилетней девочки, перекрывшей криком взлетающий авиалайнер с громкостью двигателей в 125 дБ. При силе звука свыше 130 дБ начинается боль в ушах.

Звук имеет сложный состав, он состоит из основного тона и обертонов (резонаторных тонов). Основной тон - это тон, порожденный колебаниями всего физического тела. Обертон - частичный тон, порожденный колебаниями частей (половины, четверти, восьмой и т.д.) этого тела. Обертон («верхний тон») всегда выше основного тона в кратное число раз, отсюда и его название. Напр., если основной тон - 30 Гц, то первый обертон будет составлять 60, второй 90, третий - 120 Гц и т.д. Он вызывается резонансом, т.е. звучанием тела при восприятии звуковой волны, имеющей частоту одинаковую с частотой колебаний этого тела. Обертоны обычно слабы, но усиливаются резонаторами. Интонация речи создается изменением частоты основного тона, а тембр - изменением частоты обертонов. Тембр - это своеобразная окраска звука, создаваемая обертонами. Он зависит от соотношения основного тона и обертонов. Тембр позволяет отличать один звук от другого, различать звуки различных лиц, мужскую или женскую речь. Тембр у каждого человека строго индивидуален и уникален как отпечаток пальцев. Иногда этот факт используется в криминалистике.

Форманта - это обертоны, усиленные резонаторами, которые характеризуют данный звук. В отличие от голосового тона форманта образуется не в гортани, а в резонирующей полости. Поэтому она сохраняется и при шепоте. Другими словами, это полоса концентрации частот звука, получающая наибольшее усиление благодаря влиянию резонаторов. При помощи формант мы можем количественно отличать один звук от другого. Эту роль выполняют речевые форманты - самые важные в

спектре гласного звука первые две форманты, наиболее близкие по частоте к основному тону. Причем для голоса каждого человека характерны свои голосовые форманты. Они всегда выше первых двух формант.

Артикуляция звуков речи Общаясь при помощи языка, человек произносит звуки и воспринимает их. Для этих целей он пользуется речевым аппаратом, который состоит из следующих компонентов:

органы речи:

органы слуха:

органы зрения.

Артикуляция звуков речи - это работа органов речи, необходимая для произнесения звука. Сами органы речи включают в себя: головной мозг, который через моторный центр речи (зона Брока) посылает определенные импульсы через нервную систему к органам произнесения (артикуляции) речи; дыхательный аппарат (легкие, бронхи, трахея, диафрагма и грудная клетка), который создает воздушную струю, обеспечивающую образование звуковых колебаний, необходимых для артикуляции; органы произнесения (артикуляции) речи, которые обычно называют также органами речи (в узком смысле). Органы артикуляции делятся на активные и пассивные. Активные органы выполняют движения, необходимые для произнесения звука, а пассивные органы - точки опоры для активного органа.

Активные органы - это голосовые связки, язык, губы, мягкое небо, язычок, задняя спинка зева и нижняя челюсть.

Пассивные органы - это зубы, альвеолы, твердое небо, верхняя челюсть. Голосовые связки находятся в гортани. Гортань представляет собой верхнюю часть трахеи, и состоит из следующих хрящей трех видов, соединенных друг с другом: перстневидный хрящ, расположенный ниже других хрящей. Спереди он уже, а сзади шире; щитовидный хрящ, расположенный наверху спереди (у мужчин он выступает как кадык, или адамово яблоко, потому что две образующие его пластины составляют угол 90 градусов, а у женщин - но), закрывает спереди и по бокам перстневидный хрящ; парный черпаловидный хрящ в виде двух треугольников, расположенных сзади сверху. Они могут раздвигаться и сдвигаться. Органы речи (произносительный аппарат).

Классификация звуков речи

В каждом языке обычно около 50 звуков речи. Они делятся на гласные, состоящие из тона, и согласные, образованные шумом (или шум + тон). При произнесении гласных воздух проходит свободно без препятствий, а при артикуляции согласных обязательно имеется какая-то преграда и определенное место образования - фокус. Совокупность гласных в языке носит название вокализм, а совокупность согласных - консонантизм. Как видно из их названия, гласные образуются с помощью голоса, т.е. они всегда сонорные.

Классификация гласных

Гласные классифицируются по следующим основным артикуляционным

признакам:

Ряд, т.е. в зависимости от того, какая часть языка приподнимается при произношении. При подъеме передней части языка образуются передние гласные (и, э), средней - средние (ы), задней - задние гласные (о, у).

Подъем, т.е. в зависимости от того, как высоко приподнята спинка языка, образуя резонаторные полости различного объема. Различаются гласные открытые, или, иначе говоря, широкие (а) и закрытые, то есть узкие (и, у).

В некоторых языках, напр., в нем. и фр.яз., близкие по артикуляции звуки различаются только по небольшой разнице в подъеме языка. Ср. открытое [e] в словах denn (нем.); fait, pret (фр.); и закрытое [e] в словах Meer (нем.); fee, ргё (фр.).

ЛабIALIZация т.е. в зависимости от того, сопровождается ли артикуляция звуков округлением вытянутых вперед губ или нет.

Различаются огубленные (губные, лабиализованные), напр., [э], [и] и неогубленные гласные, напр., Ш, м.

Назализация т.е. в зависимости от того, опущена неояная занавеска, позволяя струе воздуха проходить одновременно через рот и нос, или нет. Носовые (назализованные) гласные, напр., [б], [а], произносятся с особым «носовым» тембром. Гласные в большинстве языков - неносовые (образуются при поднятой небной занавеске, закрывающей путь струе воздуха через нос), но в некоторых языках (фр., польский, португальский, старославянский) наряду с неносовыми широко используются носовые гласные.

Долгота. В ряде языков (анг., нем., лат., древнегреческий, чешский, венгерский, финский) при одинаковой или близкой артикуляции гласные образуют пары, члены которых противопоставляются по длительности произнесения, т.е. различаются, напр., краткие гласные: [а], [i], [э], [и] и долгие гласные: [а:], [i:], [=>:], [и:].

Слог - минимальная единица произнесения звуков речи, на которые можно разделить свою речь паузами. Слово в речи делится не на звуки, а на слоги. В речи осознаются и произносятся именно слоги. Поэтому при развитии письма у всех народов в алфавитах сначала возникали слоговые знаки, и только потом буквы, отражающие отдельные звуки.

В основе деления на слоги - различие звуков по звучности. Более звучный, чем соседние звуки звук называется слогаобразующим и образует слог.

Слог обычно имеет вершину (ядро) и периферию. В качестве ядра, т.е. слогаобразующего звука, как правило, выступает гласный, и периферия состоит из неслогового (неслогаобразующего) звука или нескольких таких звуков, которые обычно представлены согласными. Но слог может состоять только из одного гласного без периферии, напр, дифтонг [ai] в англ. местоимении I «я» или двух и более гласных (итал. vuoi). Периферийные гласные неслоговые.

Но слоги могут и не иметь гласного, напр., в отчестве Ивановна [i-va-n-na] или в междометиях «кс-кс», «тссс». Согласные могут быть

слоγοобразующими, если они сонанты или находятся между двумя согласными. Такие слоги очень часто встречаются в чешском языке: *prst* «палец» (ср. древнерус. перст), *trh* «рынок» (ср. рус. торг), *vlk* «волк», *srđce*, *srbsky*, *Trnka* (известный чешский лингвист). В предложении *Vlk prchl skrz tvrz* (волк пробежал через крепость) нет ни одного гласного. Но в примерах из чешского языка видно, что слоγοобразующий согласный всегда сонорный.

Деление на слоги объясняются разными теориями, которые взаимно дополняют друг друга.

Сонорная теория: в слоге наиболее звучный звук - слоговой. Поэтому в порядке уменьшения звучности слоговыми звуками чаще всего бывают гласные, сонорные звонкие согласные, шумные звонкие согласные и иногда глухие согласные (тсс).

Динамическая теория: слоговой звук - самый сильный, интенсивный.

Экспираторная теория: слог создается одним моментом выдоха, толчком выдыхаемого воздуха. Сколько слогов в слове, столько раз дрогнет пламя свечи при произнесении слова. Но нередко пламя ведет себя вопреки законам этой теории (напр., при двусложном «ау» дрогнет один раз).

Виды слогов

Открытый слог - это слог, оканчивающийся гласным звуком, напр., да. Аи

Закрытый слог - это слог, оканчивающийся согласным звуком. напр., ад, ум. кот.

Прикрытый слог начинается с согласного звука. напр., рад, поп.

Неприкрытый слог начинается с гласного звука: а. он. ах. уж.

Встречаются и случаи крайне закрытых и прикрытых слогов, напр., всплеск, англ. и фр. *strict* (строгий), нем. *sprichst* (говоришь), грузинский - *msxverpl* (жертва). Есть языки, где корни и слоги совпадают. Такие языки называются моносиллабическими, напр. кит. яз. - типичный моносиллабический. Звуковые единицы языка могут быть сегментными (линейными) и суперсегментными.

Сегментные единицы - это звуки (фонемы), слоги, слова и т.д. Более длинные языковые единицы делятся на более короткие сегменты.

Суперсегментные единицы, или иначе просодические (от греч. *prosodia* - припев, ударение) наслаиваются на цепочку сегментов - слогов, слов, фраз, предложений. Типичные суперсегментные единицы - ударение и интонация.

Такт - группа слов, объединенных одним ударением и отделенных друг от друга паузой.

Проклитика - безударный слог перед ударным, напр., я думал.

Энклитика - безударный слог после ударного, напр., знаю я.

В качестве энклитиков часто выступают и безударные слова - артикли, предлоги, частицы. Иногда они перетягивают на себя ударение: «под руку».

Таким образом, границы слова и такта могут не совпадать.

Ударение (акцент) - это выделение звука, слога, слова, группы слов.

Три основных вида ударения ~ это силовое, количественное и музыкальное.

Силовое (динамическое) ударение связано с амплитудой колебаний звуковой волны, чем больше амплитуда, тем сильнее произносится звук.

Количественное (квантитативное) ударение связано с длительностью, долготой звука, ударный слог имеет большую длительность, чем безударные слоги.

Музыкальное (политоническое) ударение связано с относительной высотой тона, с изменением этой высоты.

Обычно в языках, имеющих ударение, все три ударения переплетаются, но одно из них преобладает и по нему определяется основной вид ударения в том или ином языке.

Интонация - называются все просодические явления в синтаксических единицах - словосочетаниях и словах.

Интонация состоит из следующих 5 элементов, два первых из которых – основные компоненты интонации:

мелодика речи (движение голоса по высоте тона);

ударение;

пауза;

темп речи;

тембр голоса.

Видоизменения звуков в потоке речи

Комбинаторные. В зависимости от соседства других звуков.

Позиционные изменения. Связанные с положением в неударенном слоге, в конце слова и т.д.

Комбинаторное звуковое варьирование

А) Аккомодация

Аккомодация - это приспособление артикуляции согласных под влиянием гласных и гласных под влиянием согласных. Два вида аккомодации - прогрессивная и регрессивная.

Экскурсия - начало артикуляции. **Рекурсия** - конец артикуляции.

Прогрессивная аккомодация - рекурсия предыдущего звука влияет на экскурсию последующего. Напр., в русском языке гласные «а», «о», «у» после мягких согласных более продвинутые (мат - мят, мол - мел, лук - люк).

Регрессивная аккомодация - на рекурсию предыдущего звука влияет экскурсия последующего. Напр., в русском языке гласный в соседстве с «м» или «н» назализируется (в слове «дом» артикуляция «м» предвосхищается назализацией гласного «о», а в слове «брату» «т» произносится с огублением перед «у»).

Б) **Ассимиляция и её виды.** Консонантная и вокалическая ассимиляция
Консонантная ассимиляция ~ уподобление согласного согласному, напр, в слове «лодка» звонкий согласный «д» заменяется глухим «т» - («лотка»).

Вокалическая ассимиляция - уподобление гласного гласному, напр., вместо «бывает» в просторечии часто говорится «быват».

Прогрессивная и регрессивная ассимиляция. Прогрессивная ассимиляция - предшествующий звук влияет на последующий. В рус.

яз. прогрессивная ассимиляция очень редка, напр., диалектное произношение слова «Ванька» как «Вакья». Прогрессивная ассимиляция часто встречается в англ. (cats, эа1Ь). фр.- subsister, нем., баш. (ат + лар = аттар) и других языках.

Регрессивная ассимиляция - последующим звук влияет на предшествующим, она наиболее характерна для русского языка «лодка [лотка]», водка [вотка], «встал в три [фстал ф три]»

Полная и неполная ассимиляция. Примером полной ассимиляции может служить само слово «ассимиляция» [ad (к) + simil (похожий, одинаковый) + atio (суффикс) = assimilatio]. Аналогичный пример ассимиляции - «агглютинация» [ad + glutin (клей) + atio = agglutinatio].

Рус. сшить [шшыть], высший (вышший), англ. cupboard «шкаф», «буфет» произносится [kʌbəd]. Нем. Zimmer перешло в Zimmer «комната», selbst «сам» произносится [zelpst].

При неполной ассимиляции звук теряет только часть своих признаков, напр., «где - где», «сидеть - здесь», где согласные теряют признак звонкости.

Дистантная и контактная ассимиляция.

Дистантная ассимиляция. Один звук влияет на другой на расстоянии, хотя они отделены друг от друга другими звуками.

При контактной ассимиляции взаимодействующие звуки находятся в непосредственном контакте.

Диссимиляция. Это явление обратное ассимиляции. Представляет собой расподобление артикуляции двух одинаковых или подобных звуков.

Метатеза (гр. перестановка) - взаимная перестановка звуков или слогов в пределах слова.

Гаплогия (греч. ἁπλοῦς [haplos] - простой) - упрощение слова вследствие диссимиляции, при которой происходит выпадение одинаковых или сходных слогов. Напр., минералогия - минералогия, курносый - курносый, близозоркий - близорукий, трагикомедия - трагикомедия, стипендия - стипендия. Но в самом слове гаплогия - гаплогии (*гаплогия) нет.

Позиционные изменения

А) Редукция

Изменение (ослабление) согласных и гласных звуков по качеству и количеству (долготе) в зависимости от места в слове, нахождения в безударных слогах и т.д.

Апокопа - отпадение звука в конце слова: чтобы - чтоб.

Синкопа - отпадение звука не на конце слова: Иванович - Иваныч.

Б) Оглушение

Потеря звонкости имеет место во многих языках. Обычно это объясняется преждевременным возвращением голосовых связок в состояние покоя, напр., рус. луга - луг [лук], труба - труб [труп].

Паразитические звуки

Протеза - появление звука в начале слова, напр., рус. осемь - восемь, ус(-

еница) - гусеница, отчина - вотчина, исп. - estudiante от лат. studens, estrella от Stella (звезда), баш. ыстакан, ыштан (стакан, штаны), венг. asztal (стол).

Эпентеза - появление звука в середине слова, напр. рус. Италия [Италийа] от Italia, Иоанн - Иван, в просторечии - какава, рубель, шпийён, баш. и тат. произношение «икс», «акт» как [икыс], [акыт].

Эпитеза - появление звука в конце слова: рус. песнь - песня.

Фонология

Фонология изучает общественную, функциональную сторону звуков речи. Звуки рассматриваются не как физическое (акустика), не как биологическое (артикуляция) явление, а как средство общения и как элемент системы языка.

Основное понятие в фонологии - фонема. Термин «фонема» ввел в языкознание великий русско-польский лингвист, потомок французских дворян Иван (Ян) Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845 - 1929), основоположник Казанской школы языкознания. Он считал фонему психическим вариантом звуков языка.

Фонема - это звукотип, оощенное, идеальное представление о звуке. Фонему нельзя произнести, произносятся только оттенки фонем. Фонема - общее, реально произносимый звук - частное.

В речи звуки подвергаются различным изменениям. Физических звуков, из которых складывается речь, - огромное количество. Сколько людей, столько и звуков, напр., [а] может быть произнесено различно по высоте, силе, длительности, тембру, но все различные миллионы звуков [а] обозначаются одной буквой, отражая один звуковой тип, одну фонему. Разумеется, фонемы и буквы алфавита часто не совпадают, но между ними можно провести параллель. Число тех и других строго ограничено, а в некоторых языках почти совпадает. Фонему можно приблизительно описать как букву звуковой азбуки. Если в потоке речи тысяч различных звуков можно выделять различные слова, то только благодаря фонемам.

Следовательно, **фонема - минимальная звуковая единица системы языка**, позволяющая различать слова и смысл слов.

В слове «молоко» одна фонема /о/ представлена тремя позиционными вариантами - ударным и двумя безударными.

Таким образом, фонема - это абстракция, тип, модель звука, а не сам звук. Поэтому понятия «фонема» и «звук речи» не совпадают.

Каждая фонема - совокупность существенных признаков, которыми она отличается от других фонем. Напр., /т/ глухой в отличие от звонкого /д/, переднеязычный в отличие от /п/, взрывной в отличие от /с/ и т. д.

Признаки, по которым фонема отличается от других, называются дифференциальными (различительными) признаками.

Например, в рус. яз. слово «там» можно произнести с кратким [а] и долгим [а:], но значение слова от этого не изменится. Следовательно, в русском языке это не две фонемы, а два варианта одной фонемы. Но в англ. и нем. яз. фонемы различаются и по долготе (англ. bit и bee, нем. Вапп и Balm). В рус.

яз. признак назализации не может быть дифференциальным признаком, так как все русские гласные фонемы неносовые.

Общие признаки, которые не могут быть использованы для разграничения фонем называются интегральными признаками. Напр., признак звонкости у [б] не различительный (дифференциальный), а интегральный признак по отношению к [х]. Фонема реализуется в виде одного из возможных вариантов. Эти фонетические варианты фонемы называются аллофонами. Иногда используются также термины «оттенок» (русский языковед Лев Щерба) или «дивергент» (Бодуэн де Куртенэ).

Сильная позиция фонемы - это положения, где фонемы отчетливо выявляют свои свойства: сом, сам.

Слабая позиция - это позиция нейтрализации фонем, где фонемы не выполняют различительных функций: сома, сама; нога, нага; рок, рог; рот, род.

Нейтрализация фонем - это совпадение различных фонем в одном аллофоне. Одна и та же фонема может менять свое звучание, но лишь в пределах, не затрагивающих ее различительных признаков. Как бы сильно не отличались друг от друга березы, их не спутать с дубом.

Фонетические варианты фонем носят обязательный характер для всех носителей языка. Если мужчина произносит звук низким голосом и при этом шепелявит, а девочка высоким голосом и при этом картавит, то эти звуки не будут фонетическими, обязательными вариантами фонем. Это случайное, индивидуальное, речевое, а не языковое варьирование.

Дистрибуция

Для выявления фонем того или иного языка необходимо знать, в каких позициях они встречаются. Дистрибуция - распределение фонем по произносительным позициям. **Контрастная дистрибуция**

Два звука встречаются в одном и том же окружении и при этом различают слова. В этом случае они представители разных фонем.

Дополнительная дистрибуция два звука никогда не встречаются в одинаковом окружении и при этом смысла слов не различают. Они варианты, аллофоны одной и той же фонемы.

Например, гласная фонема /e/ в русском языке может иметь разные аллофоны в зависимости от различного окружения. В слове «семь» [e] выступает в виде наиболее закрытого аллофона (после мягкой и перед мягкой согласной).

Свободное варьирование (чередование)

Звуки встречаются в одних и тех же окружениях и не различают слов и значений. Это варианты одной и той же языковой единицы.

Напр., во фр. яз. существует два варианта /г/ - переднеязычный (вибрирующий) как в русском языке и увулярный (грассирующий). Последний вариант - нормативный, но первый вполне допустим. В русском языке равноправны оба варианта - «землей» и «землею».

Фонологические школы. Фонология Трубецкого.

В вопросе о нейтрализации фонем в словах типа «луг» существуют различные точки зрения относительно фонемы, обозначаемой буквой «г», но отражающей глухой звук [к].

Лингвисты, относящиеся к ленинградской школе (Лев Владимирович Щерба и др.) считают, что в паре «луг - луга» звуки [к] и [г] относятся к двум разным фонемам /к/ и /г/.

Однако языковеды московской школы (Аванесов, Реформатский и др.) исходя из морфологического принципа полагают, что в слове «луг» звук [к] - это вариант фонемы /г/. Они считают также, что для вариантов [к] и [г] в словах «луг - луга» существует общая фонема /к/г/, которую они назвали гиперфонемой.

Гиперфонема объединяет в себе все признаки звуков [к] и [г] - велярность, взрывность, глухость, звонкость и т.д. Такая же гиперфонема /а/о/ имеется в безударных первых гласных в словах «баран», «молоко». Выдающийся русский языковед Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938), один из теоретиков Пражского лингвистического кружка (научной школы), в который он вошел в эмиграции после революции 1917 года, считал, что в этом случае имеет место особая фонема, которую он назвал архифонемой.

Архифонема - это совокупность общих признаков нейтрализующихся фонем. Если архифонема - это единица с неполным комплектом признаков, то гиперфонема - это двойной или даже тройной набор признаков. В своей классической работе «Основы фонологии» Н.С.Трубецкой также дал классификацию фонологических оппозиций, т.е. противопоставлений фонем с целью выявления сходств и различий.

Привативные оппозиции

Привативные (лат. privo - лишая) оппозиции выделяются по наличию или отсутствию какого-либо признака у пары фонем, напр., у одного из членов пары б/п нет звонкости, а у другого имеется.

Градуальные оппозиции

Градуальные (лат. gradus - степень) оппозиции выделяются по разной степени признака, имеющегося у членов оппозиции.

Эквиволентные оппозиции

Все члены оппозиции равноправны; их признаки настолько разнородны, что нет основы для противопоставления признаков.

Напр., согласные /б/, /д/, /г/ артикулируются совершенно по разному: один - губной, другой - переднеязычный, третий - заднеязычный, и их объединяет только то, что они согласные.

Орфоэпия - это раздел фонетики и наука, которая занимается нормами произношения, их установлением и обоснованием. Единообразие звукового оформления устной речи содействует (как и орфография) быстрому и лёгкому языковому общению. Понятие О. включает в себя произношение и нормы суперсегментной фонетики (ударение, тон и пр.). Произношение охватывает фонетическую систему языка, т. е. состав фонем, их качество и реализацию в определённых условиях, а также звуковое оформление

отдельных слов и грамматических форм (например, пл [а] тишь, а не пл [о] тишь, [ш] то, а не [ч] то).

Значение норм суперсегментной фонетики для О. различно в разных языках. Например, для русского языка имеет большое значение ударение, связанное с образованием грамматических форм. Некоторые учёные в состав О. включают образование вариантных грамматических форм (например, "трактора" или "тракторы"). О складывается исторически вместе с формированием национального языка, когда развиваются разные формы публичной речи и увеличивается удельный вес устной речи в жизни общества. При этом в разных национальных языках и в разные эпохи степень строгости и единообразия норм О. и их социолингвистическое значение весьма различны. Правила О. имеют свою длительную историю и складываются в качестве норм национального языка обычно поздно. Нормы О. русского языка сложились в своих важнейших чертах ещё в 1-й половине 17 в. как нормы московского говора, которые лишь по мере развития и укрепления национального языка стали приобретать характер национальных норм. Окончательно они сложились во 2-й половине 19 в., хотя в ряде случаев имелись колебания.

Существовавшие до Октябрьской революции 1917 нормы О. в основном сохранились; изменились лишь некоторые частные правила, уменьшилась ассимилятивная мягкость ([д] ве, [з] верь рядом с [дь] ве, [зь] верь), произношение сблизилось в ряде черт с написанием. Большое значение в развитии О. имел театр, культивирующий нормы О. в наиболее чистом виде. Сценическая речь во многих языках является основой орфоэпических норм. Значение О. возрастает с развитием звукового кино, радио, телевидения.

Фонетическое членение речи

Речь фонетически представляет собой звуковой поток или цепь звучания. Эта цепь распадается на соподчиненные звенья, следующие друг за другом во времени.

Фонетические единицы как звенья речевой цепи - это:

фразы

такты

слово

слоги

звуки

Фразы

Фраза - самая крупная фонетическая единица. Фразы разделяются в речевой цепи паузами, т.е. остановкой звучания. Во время пауз говорящий вдыхает воздух, необходимый для произнесения следующей фразы. Фраза объединяется интонацией. Фраза распадается на такты.

Такты

Такт - это часть фразы (один или несколько слогов), объединенная ударением. Такты, объединенные наиболее сильной точкой - ударным слогом, разграничиваются минимумом интенсивности. В большинстве

языков все знаменательные слова выделяются в отдельные такты, так как имеют свое ударение. Незнаменательные слова примыкают к слову, имеющему ударение, спереди и сзади, образуя с ним один такт. Примыкание спереди называется проклиза, а само примыкающее спереди слово - проклитика. Примыкание сзади называется энклизой, а примыкающее слово - энклитикой.

Слово представляет собой отрезок текста, который выделяется по каким-либо фонетическим признакам. Главным признаком фонетического слова является его цельно оформленность, которая на звуковом уровне достигается определенными фонетическими средствами в зависимости от типа языка. Эти фонетические средства не позволяют фонетическому слову «рассыпаться» в звуковом потоке речи. Такими средствами могут быть, например, ударение, связанное с ним чередование ударных и безударных гласных — во флективных языках; явление сингармонизма — в агглютинативных языках; слоговой акцент — в изолирующих языках (в последнем случае речь идет о цельно-оформленности не столько слова, сколько слога, совпадающего с морфемой и зачастую являющегося словом).

Слог - часть такта, состоящая из одного или нескольких звуков; при этом не все звуки могут образовывать слог. Определение слога представляет собой определенную теоретическую сложность, существует несколько теорий слогораздела. Слоги разделяются на звуки

Звуки

Звук речи - часть слога, произнесенная за одну артикуляцию, т.е. с наличием одной экскурсии и одной рекурсии.

Суперсегментные единицы языка

Звуковые единицы языка могут быть сегментными (линейными) и суперсегментными.

Сегментные единицы - это звуки (фонемы), слоги, слова и т.д. Более длинные языковые единицы делятся на более короткие сегменты.

Суперсегментные единицы, или иначе **просодические** (от греч. *prosodia* - припев, ударение) наслаиваются на цепочку сегментов - слогов, слов, фраз, предложений. Типичные суперсегментные единицы - ударение и интонация.

Такт - группа слов, объединенных одним ударением и отделенных друг от друга паузой.

Проклитика - безударный слог перед ударным, напр., *я думал*.

Энклитика - безударный слог после ударного, напр., *знаю я*.

В качестве энклитиков часто выступают и безударные слова - артикли, предлоги, частицы. Иногда они перетягивают на себя ударение: «под руку».

Таким образом, границы слова и такта могут не совпадать.

Ударение

Ударение (акцент) - это выделение звука, слога, слова, группы слов.

Три основных вида ударения - это силовое, количественное и музыкальное.

1) **Силовое (динамическое)** ударение связано с амплитудой колебаний звуковой волны, чем больше амплитуда, тем сильнее произносится звук.

2) **Количественное (квантитативное)** ударение связано с длительностью, долготой звука, ударный слог имеет большую длительность, чем безударные слоги.

3) **Музыкальное (политоническое)** ударение связано с относительной высотой тона, с изменением этой высоты.

Обычно в языках, имеющих ударение, все три ударения переплетаются, но одно из них преобладает и по нему определяется основной вид ударения в том или ином языке.

В русском языке силовое ударение, будучи основным, сопровождается долготой ударного слога.

В шведском языке музыкальному ударению сопутствует силовое.

Есть языки, в которых вообще отсутствует ударение, например, в палеоазиатских языках (чукотском и др.).

К языкам с силовым ударением как основным относятся рус, англ., фр., нем., баш., тат. и многие другие.

Количественное ударение как основное не используется и только употребляется как компонент в сочетании с другими видами ударения. В некоторых языках, например, латинском, стихосложение основано на чередовании долгих и кратких слогов (что соответствует ударным и безударным слогам в русском стихосложении). Поэтому на слух итальянца, привыкшего к стихам, основанным на динамическом ударении, латинские стихи неритмичны.

К языкам, в которых музыкальное ударение используется широко или играет роль основного ударения, прежде всего относятся такие восточные языки как китайский (4 тона в литературном, 6 тонов в гонконгском диалекте), тайский (5 тонов), вьетнамский (6 тонов) и др. В этих языках каждый слог имеет свой тон, а так как в этих языках, как правило, слог совпадает со словом, то у каждого простого слова свой постоянный тон, который меняется лишь изредка при словосложении.

В кит. яз. *ma* (1) с ровным тоном имеет значение «мать», *ma* (2) с восходящим тоном означает «конопля», *ma* (3) с нисходяще-восходящим тоном - «лошадь» и «цифра», *ma* (4) с нисходящим тоном значит «ругаться.»

Еще пример из кит. яз.: глагол *ta* с нисходящим тоном означает «продавать», а *mai* с нисходяще-восходящим тоном - «покупать».

Еще более удивительный пример распределения тонов в слогах можно найти на юге Китая в кантонском (гонконгском) диалекте, где имеются 6 тонов (тоны обозначены цифрами): *Fu* 55 (верхний регистр) - мужчина, муж; *Fu* 35 (восходящий верхний регистр) - мучиться,

страдать; *Fu 33* (уходящий верхний регистр) - богатство, богатый; *Fu 21* (ровный нижний регистр) - поддерживать, опираться; *Fu 13* (восходящий нижний регистр) - женщина; *Fu 22* (уходящий нижний регистр) - отец, старший родственник.

В японском языке три типа музыкального ударения, но они падают только на ударные слоги, аналогично динамическому ударению в русском языке.

hana (0) произносимое низким тоном на первом слоге и средним на втором означает «нос, сопля»; *hana* (1) произносимое высоким тоном на первом слоге и низким на втором означает «начало, конец»; *hana* (2) произносимое низким тоном на первом слоге и высоким на втором означает «цветок».

В древнегреческом языке тоже было музыкальное ударение трех видов. Ударный слог произносился не сильнее безударного, а с более высоким тоном.

Острое (лат. *acutus*) ударение с более высокой нотой, напр., папа [pater] - отец; тяжелое ударение (лат. *gravis*) с более низкой нотой, напр, архп [arche] - начало; облегченное ударение (лат. *circumflex*) с комбинацией острого и тяжелого ударений, напр., ошра [soma] - тело.

Из современных европейских языков музыкальное ударение (2-3 вида) встречается в сербском, хорватском, латышском, шведском языках но всегда в сочетании с основным силовым ударением.

Музыкальное ударение может быть на слоге или слове.

Слогоударение: кит., тибетский, бирманский, сиамский (тайский), вьетнамский, латышский, сербский.

Словоударение: японский, айнский, тагальский, малайский, шведский, норвежский.

Ударение в слове бывает **основным** (') или **второстепенным** (\), напр., *железобетон*.

Ударение в языках может быть **постоянным (фиксированным)**, т.е. ударные слоги имеют постоянное место в слове, **или свободным**, т.е. не связанным с определенным местом в слове (творог, творог).

Один из подсчетов показал, что в 444 исследованных языках ударение на начальном слоге имеют 25% языков, на предпоследнем - 18%, на конечном - 20%, а свободное ударение - у 33% языков.

Постоянное ударение на первом слоге свойственно **чешскому, венгерскому, латышскому языкам**. Ср.

чеш. *sobota* «суббота», *vojak* «солдат»;
венг. *alma* «яблоко», *balta* «топор».

Постоянное ударение на предпоследнем слоге (втором слоге от конца) присуще **польскому языку**, напр, *matematyka, koziol* «козел».

Большинство слов **испанского языка** тоже имеют ударение на предпоследнем слоге, особенно с гласным звуком в конце (*siesta*).

Постоянное ударение на последнем слоге характерно для фр. яз., тюркских языков (баш., тат. и др.), персидского языка (фарси): фр. *revolution*, баш., тат. алма (яблоко), балта (топор), Тегеран.

Самый типичный язык с свободным ударением - это русский язык.

Иногда ударение помогает различать значения омографов - слов с одинаковым написанием, напр., кружки - кружки, полки - полки.

Кроме традиционного ударения в речи может делаться логическое ударение, с тем, чтобы подчеркнуть значимость той или иной части предложения или же выразить дополнительное значение к основному значению фразы. Напр., в книге А. М. Арто «Звучит слово» приводится следующий пример логического ударения:

*«Возьмем стандартную фразу Дайте мне стакан чаю и разложим ее на составные смыслы. Если мы делаем упор на **первое слово**, открываем следующее: «Довольно пустой болтовни! Я пришел усталый, измучен жаждой, дайте мне стакан чаю, а потом я вам расскажу все новости». Упор на **втором слове**: «Соседу справа дали, соседу слева дали, всем налили, всех спросили, про меня забыли - почему так? Дайте и мне, если всем даете...». На **третьем слове**: «Вы знаете прекрасно, что я не пью из чашки, дайте мне стакан. Можете хоть немного считаться с моими привычками!» И, наконец, на **четвертом**: «Чаю! Понимаете - ни вина, ни кофе! Ничто так не утоляет жажду, как добрый, душистый чай!»*

Интонация

Интонацией называются все просодические явления в синтаксических единицах - словосочетаниях и словах.

Интонация состоит из следующих 5 элементов, два первых из которых - основные компоненты интонации:

1. мелодика речи (движение голоса по высоте тона);
2. ударение;
3. пауза;
4. темп речи;
5. тембр голоса.

ФОНЕМЫ И СИСТЕМЫ ФОНЕМ

Понятие фонемы

Ключевым понятием функциональной фонетики, или фонологии является понятие фонемы. Термином фонема в языкознании обозначается кратчайшая линейная единица звукового строя языка. Из этих кратчайших звуковых единиц строятся единицы языка, наделенные значением. Следовательно, хотя фонемы как таковые единицами языка не являются, поскольку сами по себе они лишены значения, существование единиц языка - морфем, слов и их форм - принципиально невозможно без фонем, из которых строятся их означающие.

О СООТНОШЕНИИ ФОНЕМЫ И ЗВУКА

Фонемы не могут быть непосредственно отождествлены со слышимыми и произносимыми людьми в процессе речевого общения звуками. Фонемы представляют собой единицы звукового строя языка, тогда как слышимые и произносимые людьми конкретные звуки - это явления индивидуальной речи. В то же время реальностью, непосредственно данной человеку в восприятии, оказываются именно звуки. И эти слышимые и произносимые людьми в процессе речевого общения звуки представляют собой способ обнаружения и существования фонем. Фонемы как абстрактные единицы звукового строя языка самостоятельного бытия не имеют, а существуют лишь в звуках речи.

Функции, выполняемые фонемами

1) Конститутивная. или тектоническая. В этой функции фонемы выступают как строительный материал, из которого создается звуковая оболочка языковых единиц, наделенных значением (морфем, слов и их форм)

2) Различительная, или дистинктивная. Фонемы могут выступать как в словоразличительной функции, напр, кора - нора, или в орморазличительной, напр, рука - руке.

Признаки фонем, дифференциальные и недифференциальные

Фонема - является минимальной единицей языка, это значит, что разделить ее дальше нельзя. Но тем не менее фонема представляет собой сложное явление, так как она состоит из ряда признаков, которые не могут существовать вне фонемы. Так, напр, в фонеме д в русс. яз. мы можем выделить признаки звонкости (в отличие от глухости т - дом - том), твердости (в отличие от мягкости д: дома - Дёма), взрывности (в отличие от фрикативное™ з :дал -зал: отсуствие назальности (в отличие от н : дам-нам), наличие переднеязычности(в отличие от заднеязычности г: дам-гам). Не все признаки в составе фонем играют одинаковую роль, одни из них являются различительными, или дифференциальными (фонологически существенные признаки фонем). Замена даже одного дифференциального признака ведет к изменению фонемы. Например, заменив в фонеме д признак звонкости на глухость, мы получим, при сохранении всех прочих признаков, свойственных фонеме д, фонему т. Заменив признак взрывности на фрикативносп, мы получим, при сохранении всех прочих признаков. Свойственных фонеме д, фонему з. Все остальные перечисленные выше признаки фонемы д также оказываются различительными (дифференциальными). Другие признаки оказываются неразличительными в случае, если нет другой фонемы, прямо и однозначно противопоставленной по этому - признаку.

Варианты фонем, основные, комбинаторные, позиционные

В реализациях отдельных фонем существуют различия, которые носят регулярный характер и поэтому свойственны речи всех носителей языка. Примерами таких регулярных различий в реализации одной и той же фонемы может служить различное произношение корневого гласного в русских словах водный - вода - водяной. С точки зрения МФШ существенно отличающиеся друг от друга гласные о, в приведенных выше словах являются представителями очной и той же фонемы о, так как эти гласные занимают одно и то же положение в звуковой структуре корневой морфемы вод и чередуются друг с другом в силу действующих в современном русском языке фонетических закономерностей. Такие варьирующие в известных пределах регулярные реализации одной и той же фонемы будем называть вариантами данной фонемы или ее аллофонами. Среди вариантов фонемы выделяется так называемый основной вариант, в котором качества данной фонемы проявляются в наибольшей степени. Кроме основных вариантов выделяются также комбинаторные и позиционные варианты. Комбинаторные варианты возникают под влиянием ближайшего фонетического окружения. Напр. сне. В начале этого слова представлен мягкий зубной согласный с, который является комбинаторным вариантом русской фонемы с в сочетании с любым мягким зубным, в данном случае мягкое зубное н.

Позиционные варианты возникают у фонем в определенных положениях в слове. Так гласный является позиционным вариантом русской фонемы о во втором предударном слоге (водяной). В отличие от основного варианта о позиционный вариант утратил качества огубленности и принадлежности к заднему ряду.

Сильные и слабые позиции фонем

Различают позиции фонем сильные и слабые. Те положения, в которых фонема наиболее отчетливо может проявить свои признаки, называется сильной позицией. Сильной позицией для гласных фонем является позиция под ударением. Слабой позицией называется положение фонемы слова, в котором происходит нейтрализация признаков данной фонемы (например, позиция конца слова для звонких и глухих согласных в русском и немецком языках - в английском и французском языках эта позиция для того же противопоставления сильная.).

Система фонем

Система - совокупность фонем данного языка, связанных между собой постоянными отношениями. Система фонем обнаруживает определенное

внутреннее членение. Она распадается на две подсистемы: подсистему гласных фонем - вокализм, и подсистему согласных фонем-консонантизм.

Отличие фонемных систем разных языков

Общим количеством фонем, соотношением гласных и согласных. Так в русском языке представлено 43 фонемы (37 согласных и 6 гласных), во французском -35 (20 согласных и 15 гласных), в немецком 33(18 согласных и 15 гласных). Качественно фонемы отличаются акустико-артикуляторными свойствами. Различия могут проявляться в позициях фонем. Если позиция конца слова в русском и немецком для звонких и глухих согласных - слабая, то во французском - сильная. Отличаются организацией фонемных групп (оппозиций), например, твердость-мягкость, глухость - звонкость, смычность - щелинность. Оппозиция - противопоставление фонем на основе их дифференциальных признаков, может быть двух типов: коррелятивной (фонемы отличаются только одним дифференциальным признаком, напр, б-п по признаку звонкости - глухости) и некоррелятивной (фонемы отличаются двумя и более дифференциальными признаками а- т.)

Взаимодействие звуков в речевом потоке.

Основные фонетические процессы:

-аккомодация;

-ассимиляция и ее виды:

-диссимиляция и ее виды:

Прочие фонетические процессы:

-эпентезы;

-протезы;

-диерезы.

Фонетические и традиционные (исторические) чередования. Наиболее типичные случаи взаимодействия звуков в речевом потоке - это аккомодация, ассимиляция и диссимиляция. Это есть основные фонетические процессы.

Аккомодации (приспособления) возникают между согласными и гласными, обычно стоящими рядом.

При этом могут возникать так называемые глайды, например, если внимательно вслушаться в произношение словалодея, то можно расслышать между в и о очень коротенькое у.

Ассимиляция - это артикуляционное и акустическое сближение (уподобление) звуков (согласных с согласными, гласных с гласными). Когда мы пишем отдать, но произносим аддать, то последующий звук д . уподобляя себе предшествующий т. создает ассимиляцию. Ассимиляция может быть полной, когда один из звуков целиком уподобляет себе другой (аддать). или

частичной, когда один из звуков лишь частично приближает к себе другой, но полностью не сливается с ним. В русском языке слово ложка произносится как лошка. Как глухой согласный к, воздействуя на предшествующий ему звонкий ж, превращает этот последний в глухой ш. Здесь образуется не полная, а лишь частичная ассимиляция звуков, то есть не полное их уподобление друг другу, а лишь частичное сближение (звуки к и ш различны, но вместе с тем связаны друг с другом общим признаком глухости). Следовательно, по степени уподобления ассимиляция бывает полной и частичной. Ассимиляция бывает прогрессивной и регрессивной. Прогрессивная ассимиляция возникает в том случае, если предшествующий звук воздействует на последующий. Регрессивная ассимиляция возникает в том случае, если последующий звук воздействует на предшествующий звук. В приведенных примерах "аддать" и "лошка" мы имеем дело с регрессивной ассимиляцией. Прогрессивная ассимиляция встречается значительно реже, чем регрессивная. Когда из древнерусской формы топерь образовалась современная теперь, то регрессивная ассимиляция захватила уже не смежные, не рядом стоящие звуки (е уподобило себе о). Несмежный характер имеет ассимиляция при гармонии гласных в тюркских языках. Таким образом, ассимиляция бывает полной и частичной, прогрессивной и регрессивной, смежной и несмежной. Так в слове "аддать" мы имеем дело с ассимиляцией полной, смежной, регрессивной. Причины возникновения ассимиляции объясняются взаимодействием звуков в речевом потоке.

Диссимиляция - это случаи расподобления звуков. Опять, как и в случае с ассимиляцией речь идет о взаимодействии согласных звуков с согласными, а гласных с гласными. Когда в некоторых русских диалектах говорят лессора вместо рессора, то два одинаковых несмежных звука р здесь расподобляются, образуя лир. Последующее р как бы отталкивает от себя предшествующее, в результате получается диссимиляция несмежная регрессивная. Когда в разговорной речи иногда можно услышать транвай вместо трамвай, то здесь происходит диссимиляция, но смежная: два губно-губных звука (м в) расподобляются, образуя, переднеязычный н и губно-губной в. ледовательно, диссимилироваться могут как совершенно одинаковые звуки (например, р и р в примере рессора), так и близкие по артикуляции, но все же неодинаковые звуки (например м в слове трамвай). Как и ассимиляция, диссимиляция различается прогрессивная и регрессивная, смежная и несмежная. Диссимиляция иногда отражается в литературном языке, в письменной форме речи. Современное верблюд образовалось от с тарой формы вельблюд в результате регрессивной диссимиляции двух л. Современное февраль

возникло в результате прогрессивной диссимилиации из старого февраль (лат. february). На почве ассимиляции/диссимилиации происходят разнообразные фонетические явления.

Прочие фонетические процессы

Диэрезы (или выкидки) имеют ассимилятивную основу, например, устранение йота между гласными, которые стремятся уподобиться друг другу и слиться в один звук: например, в слове бывает – основа бывай, с переходом в некоторых русских диалектах в бываат; или выкидка мгновенных согласных т и д, например, в таких словах, как чешый. счастливый; или ,кс устранение тех же т и д в группах стк, здк, например, в словах поездка, повестка, го что в школьных грамматиках называется непроизносимыми согласными.

По бывают диэрезы и на диссимилиативной основе, что проявляется особенно ярко в гаплогонии, догда выкидке подвергается один из двух одинаковых или подобных слогов, например 4'рагй/ко/комедия - трагикомедия, минера/ло/логия минералогия.

Эпентезы (или вставки) чаще всего имеют диссимилиативную основу, чаще всего речь идет о вставке в или(й) между гласными, например в просторечии говорят Ларивон вместо Ларион или Родивон вместо Родион, а также радиво, какаво. Йотовая эпентеза типична также для просторечия. Так говорят: скорпиён, шпиён, фиалка, павиян и так далее. В области согласных частый случай - вставка мгновенного звука между двумя согласными. Например, ндрав, страм вместо нрав и срам.

Протезы (или надставки) являются собственно разновидностью эпентез, только протезы не встречаются в середине слова, а приставляются спереди, к началу слова. В качестве протетических согласных выступают опять же в й, которыми прикрываются начальные гласные, например, вострый, ето вместо это. В качестве протетических гласных в русском языке может выступать также и, например, в южнорусских диалектах говорят "ишла" вместо "шла". Здесь назначение и - разгрузить группу начальных согласных.

К диссимилиации тесно примыкают случаи так называемой метатезы (перестановки) смежных и несмежных звуков внутри слова. Современное русское тарелка образовалось от старой формы талерка нулем метатезы л и р: р заняло место л, а л соответственно передвинулось на место р. Так в белорусском языке сохраняется старая последовательность звуков л и р в слове талерка. То же следует сказать о польском talerz и о немецком Teller (тарелка).

В языке различают также чередования звуков, то есть взаимную их замену на тех же местах, в тех же морфемах. Важно различать виды чередований, так как одни из них относятся к области фонетики, а другие к области морфонологии, и должны, таким образом, изучаться соответствующими разделами языкознания.

Фонетические (живые) чередования - это изменения звуков в потоке речи, которые вызваны современными фонетическими процессами. Эти чередования обусловлены позицией. При фонетических (живых) чередованиях чередуются варианты или вариации одной и той же фонемы, без изменения состава фонем в морфемах. Таковы чередования ударных и безударных гласных в русском языке, например, воды - вода - водовоз, где и варианты фонемы о. Или чередования звонких и глухих согласных звуков: друг - друга. где к является вариантом фонемы г. Фонетические чередования имеют обязательный характер в данном языке. Так, в русском языке все гласные в безударных слогах редуцируются, а все звонкие согласные на конце слова оглушаются. К выражению значения эти чередования не имеют никакого отношения. Они обусловлены позицией в слове и изучаются в фонетике.

Фонетические (живые) чередования обычно остаются невыраженными в письменной речи. От живых (фонетических) чередований следует отличать нефонетические чередования, которые не являются предметом изучения фонетики. При нефонетических чередованиях изменение звучания не зависит от позиций звука в слове. При этом чередуются разные фонемы, благодаря чему одна и та же морфема получает разный фонемный состав, например, друга - друзей - дружеский. Среди нефонетических чередований различают чередования морфологические и грамматические.

Морфологические (или исторические, традиционные). Такое чередование не обусловлено фонетической позицией, и не является само по себе выразителем грамматического значения. Историческими такие чередования называются потому, что они объясняются только исторически, а не из современного языка. Традиционными их называют потому, что как смысловой необходимости, так и фонетической вынужденности эти чередования не подчиняются, а сохраняются в силу традиции. При морфологических чередованиях чередуются:

а) гласная фонема с нулем, например, сои-сна, пень-пня. (так называемая беглая гласная)

б) одна согласная фонема с другой согласной фонемой: к-ч г-ж х-ш, например, рука - ручка, нога - ножка,

муха - мушка;

в) две согласные фонемы с одной согласной фонемой: ек-щ ст-щ зг-ж зд-ж, например, плоскость - площадь. простой упрощение, брюзга - брюзжать, запоздать - позже.

Грамматические чередования очень схожи с морфологическими. Нередко их объединяют вместе.

Однако существенное отличие грамматических чередований от морфологических (традиционных, исторических) состоит в том, что грамматические чередования не просто сопровождают различные словоформы, а самостоятельно выражают грамматические значения. Так, например, чередования парных лил мягкого, нин мягкого, а также чередования к-ч х-ш могут различать краткое прилагательное мужского рода и существительное категории собирательности, например, гол - голь, рван - рвань, дик - дичь, сух - сушь. Чередование г-ж может различать несовершенный и совершенный вид глаголов, напр, избегать, прибегать, убежать и избежать, прибежать, убежать.

Подводя итог сказанному относительно чередований, еще раз подчеркнем, что из всех видов чередований только фонетические (живые) чередования рассматриваются в фонетике. Все явления нефонетических чередований изучает морфонология, хотя изучение их функций, выражения тех или иных грамматических значений относится уже к грамматике.

СЛОГ И СЛОГОДЕЛЕНИЕ.

Понятие слога.

Виды слогов.

Различные теории слога.

О соотношении слога и морфемы в разных языках.

Понятие слога

Слог является минимальной фонетической единицей членения речевого потока, которая включает в свой состав, как правило, один гласный с примыкающими к нему согласными. Существуют языки, в которых может быть представлен тип слогов, состоящих только из согласных. Таков, например, чешский язык, в котором есть довольно много односложных слов, не содержащих в своем звучании гласных звуков, например: u1k - волк, krk - шея. Ядро или вершину слога в этих словах образуют сонорные согласные I г. В зависимости от количества слогов в слове различают слов;! односложные, двусложные, трехсложные и так далее.

Виды слогов В зависимости от того, на какой звук, гласный или согласный заканчивается слог различают слоги открытые, закрытые и условно закрытые. Открытые слоги заканчиваются на гласный звук, например, в рус.яз. во-ро-та, ре-ка, в нем. Du, Ra-be,; Leh-re. Особенностью немецких открытых слогов является наличие в них только долгих гласных.

Закрытые слоги заканчиваются на согласный звук и их нельзя открыть, например: рубль, морс, Nacht,

Berg. Немецкие закрытые слоги в подавляющем большинстве содержат краткие гласные звуки, см. примеры выше. Однако в некоторых закрытых слогах могут быть представлены и долгие гласные, например Arzt, nun, Mond, wust.

Условно закрытый слог можно открыть при словоизменении, например: пруд - пруды, кот - коты, Tag - Ta-ge, schwul - schwu-le. Последний тип слогов интересен как свидетельство того, что звуковая структура слогов, входящих в структуру изменяемых слов, не является постоянной величиной.

В зависимости от того, на какой звук, гласный или согласный начинается слог различают слоги прикрытые и неприкрытые.

Прикрытые слоги - это слоги, которые начинаются с согласного звука, например: ре-ка, мо-ло-ко, Tal, Rau in.

Неприкрытые слоги - это слоги, которые начинаются с гласного звука, например: олово, арена, Ei, aus, C hr.

Различные теории елоі а.

Существует несколько теорий, которые стремятся объяснить природу слога.

Сонорная теория. Согласно этой теории, слог есть сочетание более звучного (или более сонорного) элемента с элементом менее звучным (менее сонорным). (Отто Есперсен).

Экспираторная теория, согласно которой слог представляет собой такое звукосочетание, которое соответствует одному выдыхательному толчку. (Стетсон). Теория мускульного напряжения рассматривает слог как минимальный отрезок речевого потока, произносимый одним импульсом мускульного напряжения. (Щерба)

О СООТНОШЕНИИ СЛОГА И МОРФЕМЫ.

Между слогом и морфемой, как кратчайшей значащей единицей языка, нет каких-либо соответствий в языках типа русскою, немецкою, французского, английского. Например, в составе русской словоформы дом корневая морфема совпадает со слогом, а в составе словоформы дома (род.) первый слог включает в себя лишь часть корневой морфемы.

Однако есть такие языки, в которых слог является устойчивым звуковым образованием. Он не изменяет в потоке речи ни своего состава, ни границ. Такие языки называют слоговыми, или языками слогового строя, где слог равен отдельной морфеме и никогда не разбивается. К языкам слогового строя относятся китайский, вьетнамский, бирманский и некоторые другие языки.

Словесное ударение.

Определение словесного ударения

Типы ударения.

Редукция как следствие динамического ударения.

Качественная и количественная редукция.

Функции словесного ударения.

Ударение в фонетическом слове.

Под словесным ударением понимается выделение одного или двух слогов в составе многосложного слова с помощью силы, высоты и длительности звуков. Соответственно различают динамическое (силовое, или экспираторное), музыкальное (тоновое, или мелодическое) и количественное (квантитативное, или долго гное) ударение. Чисто динамическое ударение представлено в чешском языке. Чисто музыкальное ударение представлено в китайском, корейском, японском языках. Языки с чисто количественным ударением встречаются редко. В качестве примера языков с таким ударением может служить новогреческий язык. В большинстве языков все эти виды ударения обычно используются в комбинации с друг с другом. Так, в русском литературном языке ударный слог всегда и самый сильный, и самый долгий и, кроме того, лишь на ударных слогах может происходить движение тона. По мнению, М. В. Раевского, немецкое словесное ударение является динамическим. Однако другие лингвисты, например Будагов считает, что в немецком языке имеются элементы силового и элементы музыкального ударения.

Каждому языку свойственны свои правила, регулирующие место ударения в слове. Существуют языки со свободным (разноместным) и связанным ударением. В языках со свободным ударением словесное ударение может падать на любой слог слова, как это имеет место, например, в русском языке, (город, ворота, молоток). В языках со связанным ударением словесное ударение выделяет лишь какой-то определенный слог слова: в чешском - это первый слог от начала, например, *jazyk, strana*, в польском второй от конца: *polak. smaragdowy*, во французском языке ударение в слове всегда падает на последний слог в слове. Немецкое словесное ударение

следует считать свободным, так как оно может падать на различные слоги слова.

Например: Laufen, verlaufen, Lauferei.

Различают ударение подвижное и неподвижное. Неподвижным следует считать такое ударение, которое всегда падает на один и тот же слог, независимо от того, в какой словоформе оно выступает. Так чешский язык является языком с неподвижным ударением. Если мы будем изменять слово *jeden* (им. Ед), то в любой из полученных форм ударение будет падать на первый слог *jedneho* (род., ед. ч.). В русском языке ударение подвижное. Есть пары слов, которые различаются лишь ударением: замок - замок. Иногда значение слова при этом не меняется, например: творог - творог, обух - обух, налил - налил, иначе - иначе. То есть речь идет в данном случае о сосуществующих нормативных вариантах произношения одного и того же слова при отсутствии смыслового или стилистического различия.

ЛЕКЦИЯ №3. Лексикология. Слово как лингвистический знак. Лексические пласты языка. Типы слов. Фразеология.

План:

1. Лексикология и её разделы.
2. Слово, предмет и понятие.
3. Лексические пласты языка.
4. Типы слов.
5. Фразеологизмы.

Лексикология.

Лексикология — термин, составленный из двух греческих элементов: *lexis* (лэксис) и *logos* (логос), и то и другое значили в древнегреческом языке «слово»; таким образом, лексикология — это «слово о слове», или наука о словах.

Слово — наиболее конкретная единица языка. Язык как орудие общения — это прежде всего «словесное орудие», это «язык слов».

Нет слов вне грамматического строя языка и без «природной материи», т. е. без звукового оформления, так же как нет «голой» грамматики и «голых» звуков вне слов, но и в грамматике, и в фонетике мы рассматриваем именно грамматические формы и звуковой состав слов.

Поэтому-то язык — это прежде всего не язык форм или язык звуков, а язык слов. Развитие языка ребенка — это появление, развитие и расширение запаса слов; изучение иностранного языка начинается с усвоения известного круга слов. Звуковые свойства слова, звуковые изменения слова следует, естественно, рассматривать в фонетике; грамматическое строение слова, грамматические изменения слов — в грамматике.

Однако дать точное определение слова очень трудно. Многие лингвисты готовы были отказаться от этого понятия.

Так, Ф. де Соссюр писал: «Понятие слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка... Не в слове следует искать конкретную единицу языка».

В советской лингвистике вопрос о слове также решался по-разному. Л. В. Щерба в одной из последних своих статей писал: «В самом деле, что такое «слово»? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще «не существует».

Переход собственных имен в нарицательные можно проиллюстрировать такими примерами.

Имя человека переходит на его изделие, изобретение, открытие (ср. модели и типы оружия: *кольт*, *маузер*, *браунинг*, *винчестер* и т. п., типы машин: *форд*, *бьюик*, *паккард* и т. п., типы изделий: *батист* (по имени мануфактурщика XIII в.), *макинтош*, *френч* (по имени английского генерала *Френча*, при котором был введен этот образец военного обмундирования),

галифе (по имени генерала *Галифе*, палача Парижской коммуны 1871 г., когда роялисты одевались в подобные брюки), на типизацию черт носителя собственного имени: *крес* — «богач» (по имени лидийского царя, славившегося своим богатством), *царь* (из *цъсарь* — *цЪсарь*) — от имени всесильного Юлия *Цезаря* (откуда и *кесарь*, и немецкое *Kaiser*), *король* (от имени *Карла* Великого, ср. польское *krol* — «король»). Часто такому переходу в нарицательные подвергаются имена литературных героев, запечатленных той или иной типической чертой, например: *донжуан* (герой произведений Мольера, Байрона, Пушкина, Мериме), *альфонс* (герой драмы А. Дюма-сына) и т. п..

В научной терминологии очень типично название единиц, элементов и тому подобных фактов, включенных в данную науку, именами исследователей, открывших данные факты, например физические единицы: *ом*, *ампер*, *джоуль*, *вольт*, *фарада*, *кулон*, *генри*, *кюри* (это имена физиков, открывших данные явления).

Топонимические собственные имена чаще всего переходят в нарицательные по соотношению: «место — изделие». Названия тканей или изделий из них по местам, где эти ткани впервые выделялись: *бостон* (город в Америке), *шевиот* (горы в Шотландии), *Манчестер* (город в Англии), *мадаполам*, *шаль* (название городов Индии); названия напитков: *херес*, *малага* (испанские города), *бордо* (французский город), *кюрасо* (португальский остров); названия разных изделий: *панاما* («шляпа из корешков», по республике Панама в Америке), *гаванна* («сигара», по названию столицы Кубы); название ископаемых: *топазы* (драгоценные камни, по названию острова в Красном море), *каолин* («белая глина», по названию горы в Китае).

Разделы лексикологии:

1) Онамастика – изучает собственные имена:

Антропономика – имена людей.

Топонимика – географические названия.

Этнонимика – названия народов и наций.

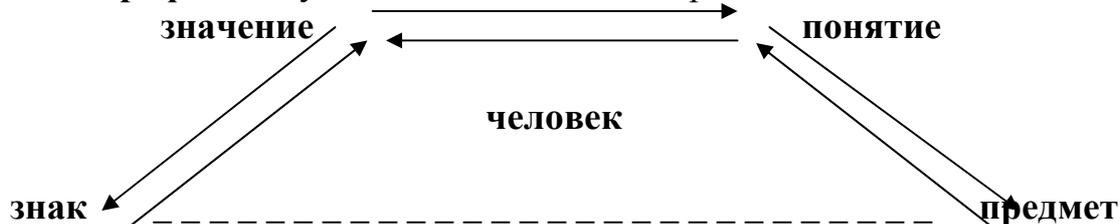
2) Ономастиология – изучает словарный состав языка, его номинативные средства, типы словарных единиц, способы номинации.

3) Семасиология – изучает значение словарных единиц языка, типы лексических значений, семантическую структуру лексемы.

4) Этимология – изучает историческое происхождение слов.

5) Фразеология – изучает устойчивые сочетания языка.

6) Лексикография – изучает составление словарей.

Стилистические пласты лексики.

1. Книжная лексика используется в литературно-письменной и приподнятой устной речи.
2. Разговорная лексика.

Книжная лексика:

- 1) Терминологическая лексика.
- 2) Историзмы и экзотизмы – слова, обозначающие жизнь прошлых эпох и других народов (научные сочинения и художественные произведения) – дьяк, опричник, поволока, бармы, бердыш, пицаль, ...
В Англии – мистер, миссис, шиллинг ...
В Италии – синьор, синьорина, чичероне ...
В Турции – султан, коран, мечеть ...
- 3) Синонимы книжного стиля (архаическая и поэтическая лексика).
Например: очи, лазурь, дубрава, вешний, пурпурный, золотой, сладостный.

Разговорная лексика:

- 1) Просторечная лексика: картошка (картофель), редиска (редис), молокосос (мальчишка), дочурка (дочь), башковитый (способный), чмокнуть (поцеловать), барабанить (ответить механически).
- 2) Вульгаризмы и жаргонизмы – эти слова находятся за пределами литературной нормы. Вульгарные слова – морда, трепач, смотаться, жрать. Жаргонные слова – арго (воровское) и лексика некоторых групп людей.
- 3) Диалектные слова и диалектизмы. Слова разговорной речи отдельных местностей. Диалектизмы в художественном произведении является средством создания речевой характеристики или местного колорита.

Архаизмы – это устаревшие слова, использующиеся в современном языкознании для особых целей и в особых условиях.

Например:

выя – шея
старец – старик
вояж – путешествие
сей – этой,
оне – они,
чужестранец – иностранец
рачительный – заботливый
тщетный – напрасный
токмо – только
чтец – читатель

Историзмы – слова, обозначающие реалии и понятия прежних эпох: вено, губерния, буржуйка, чон, ячейка.

Неологизмы – новые слова, а также новые значения и формы уже существующих слов.

Общеупотребительная лексика – ядро, основной фонд словарного состава языка.

Полисемия.

П о л и с е м и я, т. е. «многозначность», свойственна большинству обычных слов. Это вполне естественно. Слова как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на ее часть. Поэтому вопрос о полисемии — это прежде всего вопрос номинации, т. е. перемены вещей при тождестве слова. Вопрос о сохранности и постоянстве понятия или его существенных признаков реализуется при полисемии по-разному.

Первый вопрос полисемии: что такое прямое и что такое переносное значение?

Переносное значение любого типа объяснимо (мотивировано) через прямое, но прямое значение производных слов данного языка, где это слово существует, необъяснимо. В самом деле, почему — *нос* лодки так называется? Потому что эта часть лодки, находящаяся спереди и имеющая острую форму выделяющегося предмета, похожа на ту часть лица человека или морды животного, которая также находится впереди и имеет соответствующую форму.

А почему *нос* человека или животного так называется, исходя из данного языка, объяснить нельзя. Производные слова прямого значения в том или ином языке даны, но необъяснимы; просто вот «это» по-русски надо называть *рот*, по-английски *the mouth*, по-французски *la bouche*, по-немецки *der Mund*, по-киргизски *ооз*, по-мордовски (мокша) *курга* и т. д.

Метафора.

М е т а ф о р а буквально «перенос», т. е. самый типичный случай переносного значения. Перенос наименования при метафоре основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п.

При метафорическом переносе значения меняется вещь, но понятие нацело не меняется: при всех метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается; так, в случае со словом *гнездо* прямое значение «жилище птицы», а переносные: «человеческое сообщество» («Ольгово храброе *гнездо* далече залетело» — «Слово о полку Игореве»; «Дворянское *гнездо*» — Тургенев и т. п.), «отверстие в доске на дне лодки, в которое вставляется низ мачты», «углубление в машине, куда вставлены оси или стержни», «подбор слов от одного корня». Вещи,

называемые здесь словом *гнездо*, очень разные; если углубление для постановки мачты и можно отождествить с углублением в машине, то «домик птицы», «человеческое общежитие» и «подбор однокорневых слов» сюда никак не подойдут. Однако признак «вместилища, охватывающего и объединяющего множественность каких-либо предметов или вещей (яиц, птенцов, родственников, слов)», сохраняется во всех случаях.

Метафоры могут получаться из разных случаев схожести.

Таковы, например, метафорические термины, где перенос идет по сходству формы с названиями животных: *быки* у моста, *лягушка* (бензонасос в автомобиле), *мушка* на стволе ружья, *лебедка* в порту, *утка* (медицинский сосуд), *гусеница* трактора, *собачка* у ружья; или от названий частей тела: *шейка*, *горлышко*, *ручка*, *ножка*, *плечо*, *кулачок*, *головка*, *спинка*; или от названий одежды, обуви и принадлежностей: *сапожок*, *башимак*, *муфта*, *рубашка* (у карт), *пояс* (в географии), *подошва* горы; от названий простых орудий: *салазки*, *кови*, *ложка*, *вилка* и т. п.

Такие слова, как *кукушка* (паровичок с пронзительным гудком), *сирена* (гудок), *кнаклаут* в немецком (гортанный взрыв), идут от сходства звуков.

Многие собственные имена также обязаны своим происхождением метафоре. Таковы, например, собачьи клички *Шарик*, *Волчок* (по форме и характеру движений), *Флейта*, *Лютня*, *Жалейка* (по звуку); метафоричны по происхождению и многие имена людей: *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, *Лев*, *Петр* (камень), *Вольф* (волк), *Рахиль* (овца), *Дебора* (пчела) и т. п.

Перенос по функции.

При функциональном переносе общность не опирается на чисто материальное сходство: вещи могут быть совершенно разными и по форме и по цвету и т. д., объединяет их общность функции. Так, *гусиное перо* (часть оперения птицы) передало свое название *стальному перу* не потому, что они оба заточены снизу, остры и имеют одинаковое движение, а потому, что у них общая функция: «орудие письма». Эта общность и позволила несхожему внешне предмету принять данное наименование.

Совершенно так же в латинском языке слово *pecus* — «скот» породило слово *pecunia* — «деньги», так как скотоводы-римляне измеряли доход первоначально в скоте, а позднее в деньгах, но функция оставалась та же.

Метонимия.

Метонимия — такой перенос названия, который совершается не на основании сходства внешних или внутренних признаков прежней вещи и новой, а на основании смежности, т. е. соприкасания вещей в пространстве или во времени.

Типичные случаи метонимий связаны с такими отношениями:

а) *Одно в другом*: слова *класс*, *аудитория* как названия помещений и как обозначение учащихся, сидящих в этих помещениях («просторный класс» — «внимательный класс», «светлая аудитория» — «способная

аудитория», сюда же «торговый дом купцов Степеневых», «весь зал аплодировал», «Я три *тарелки* съел» и т. п.).

б) Одно на другом: *стол* — «мебель» и *стол* — «пища» («диетический *стол*»), *блюдо* — «посуда» и *блюдо* — «кушанье» («обед из трех *блюдов*»), *бумага* — «материал, на котором пишут», и *бумага* — «документ» («Идем *бумаги* разбирать», Г р и б о е д о в), *номер* — «цифра» и *номер* — «нумерованная комната в гостинице» или «одно из выступлений в концерте, помеченное номером на афише».

в) Одно под другим: *стол* — «мебель» получил свое имя от *стол* — «нечто посланное», то же самое в примере со словом *бюро* (см. выше).

г) Одно через другое: французское *jalousie* — *жалюзи* — «оконные шторы из деревянных пластинок» от *jalousie* — «ревность» (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору).

д) Одно после другого или в результате другого, процесс — результат; таковы все отглагольные существительные типа: «*прием* студентов продолжен», «*набор* книги занял три месяца» и «в этом году удачный *прием* в вузе», «*-набор* книги рассыпали», «*перевод* книги — это сложная работа» и «он читал не *перевод*, а подлинник». Иногда какой-нибудь из членов таких метонимий не употребляется, например, *забор*, *уезд* как название не процессов, а лишь предметов, но «*завоз* товаров», «*переезд* на новую квартиру» — названия процессов; *переезд*, *проезд* употребляются и как названия соответствующих процессов, и как названия того места, где можно проехать или переехать, поэтому надпись: «*Проезд* закрыт» — двусмысленна: закрыто ли следование по данному пути или сам путь?

е) К этому типу близки и случаи: занятие, отрасль знания и объект знания или результат занятия, например: *фотография* — «занятие» и «карточка» (фото); *механика*, *физика*, *грамматика*, *фонетика* как «названия наук» и как «названия объектов наук» («небесная *механика*», «*физика* моря», «внутренняя флексия типична для арабской *грамматики*», «особенность русской *фонетики* в наличии твердых и мягких согласных» и т. п.).

ж) М а т е р и а л — и з д е л и е: *медь*, *серебро*, *золото* как названия металлов и как названия монет из них; то же самое *бронза*, *фарфор* и изделия из них («*бронза* XVIII века», «Музей *фарфора*»), слово *пломба* происходит от латинского названия материала, из которого делают пломбы, — свинца (*plumbum*); в художественных музеях словами *мрамор*, *бронза*, *глина*, *дерево*, *гуашь*, *акварель*, *пастель* и т. п. обозначают типы скульптуры и живописи, т. е. «изделия из данных материалов».

з) О р у д и е — п р о д у к т, сделанный при помощи данного орудия; *язык* — «орган произношения» и *язык* — «речь» («русский *язык*», «международный *язык*», «национальный *язык*»), в английском языке *pen* не только «перо», но «литературный стиль», ср. русское выражение «бойкое *перо*».

и) М е с т о — и з д е л и е: *херес*, *мадера*, *бордо*, *абрау-дюрсо*, *кюрасо* — как названия вин и как географические пункты; *гаванна* («сигара»),

панама («шляпа») и соответствующие географические пункты; *Манчестер*, *бостон*, *мадаполам* — как название тканей и городов и т. п. (см. выше, § 7).

к) Место — историческое событие, происшедшее в данном месте: *Бородино* — место, где в 1812 г. произошло генеральное сражение русских войск с армией Наполеона и сам этот бой (ср. «*Бородино*» Лермонтова), *Ватерлоо* — деревня в Бельгии, где Наполеон потерпел последнее поражение в 1815 г., и само это поражение, употребляется почти в нарицательном смысле: «Это будет его *Ватерлоо*», часто как место — происшествие, откуда с расширением значения «любое подобное происшествие»: *Ходынка* — поле под Москвой, где при коронации Николая II погибло много людей из-за давки — *ходынка* — «давка с жертвами», *Панама* — республика в Центральной Америке, где при постройке канала были обнаружены злостные финансовые хищения, — *панама* — «крупная денежная афера на строительстве».

л) Имя — общественное положение или характер: *Карл* (Великий) — *король*, *Цезарь* — *цесарь* (*царь*), *кесарь'*, *крес* — от имени древнего лидийского царя *Креза* и т. д. (см. выше, в § 7 о собственных именах).

м) Имя — изделие: *кольт*, *маузер*, *браунинг*, *наган*, *винчестер'*, *форд*, *бьюик*, *паккард'*, *макинтош*, *батист* — как названия образцов оружия, машин, одежды, материи и имена их производителей; сюда же относятся и такие случаи, как *френч*, *галифе* — названия частей костюма, принятого при власти генералов *Френча*, *Галифе*, и т. п.

Синекдоха.

Синекдоха — такой перенос значения, когда, называя часть, имеют в виду целое или, называя целое, имеют в виду часть целого: поэтому римляне называли синекдоху *pars pro toto* — «часть вместо целого» или *totum pro parte* — «целое вместо части». Часто синекдоху не выделяют из метонимий, так как у них много общего; в основе синекдохи лежит также смежность, однако существенным отличием синекдохи является количественный признак соотношения того, с чего переносят наименование, и того, на что переносят наименование; один член такого соотношения всегда будет больше, шире, более общим, другой — меньше, уже, более частным.

Таковы соотношения:

а) **Часть вместо целого**: «сто *голов* скота», «полк в сто *штыков*», «эскадрон в сто *сабель'*», «Эй, *борода!*» (обращение к человеку с бородой); «Наш директор — *голова*» (т. е. «человек с головой» — здесь и метонимия: содержащее вместо содержимого — *голова* вместо *ум*). Часто в качестве такой синекдохи используются детали костюма: *чуйка* — название погромщика-черносотенца, *гороховое пальто* — «шпик царской охранки», *кара-калпак* — «черный колпак» — название народа, *Красная Шапочка* в сказке; *еноты*, *бобры* и т. д. в русской литературе XIX в. (лица по меху их воротников и шуб).

Сюда же следует отнести такие случаи, как «останавливаться в гостинице», т. е. «жить», «машина делает четыре конца», т. е. «четыре полных пути». Часто единственное число для большей экспрессивности речи употребляется вместо множественного: «Покупатель, будь вежлив с продавцом!» и т. п.

б) Общее вместо отдельного: *начальство* в значении «начальник», *балык* — из татарского «рыба» в значении «копченая спинка осетра, белуги»; первоначально *пиво* означало «вообще напиток, то, что пьют», а *квас* — «квашеный продукт», теперь благодаря сужению значения по синекдохе — «специальные виды напитков».

в) Род вместо вида, когда налицо также сужение значения: *машина* в значении «автомобиль», *насекомое* в значении «вошь», *орудие* в значении «пушка» и т. п.

Омонимия.

От полисемии, когда налицо разные значения того же слова, следует отличать омонимию; омонимы — это разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав. В пределах омонимии в широком смысле следует различать:

1) О м о ф о н ы, т. е. такие случаи, как *пруд* и *прут*, слова, звучащие в именительном и винительном падежах одинакового имеющие разный состав фонем, что обнаруживается в других формах этих слов и в производных: *прута* — *пруда*, *прутик* — *прудик* и т. п.

2) О м о ф о р м ы, т. е. случаи, когда у двух слов совпадает и произношение и состав фонем, но лишь в одной форме или в отдельных формах; например, *три* — «3» и *три* — повелительное наклонение от глагола *тереть*; *трем* — дательный падеж от числительного «3» и *трем* — 1-е лицо множественного числа настоящего времени от этого же глагола; или *стекло* — существительное в именительном падеже, *стекла* — в родительном падеже, *стекло*, *стекла* — глагол в прошедшем времени в среднем и женском роде. Все прочие формы таких слов, совпадающих в одной-двух формах, уже не совпадают (*трех*, *тремя* — *трите*, *тру* и т. п.; *стеклу*, *стеклом*, *стекол* и т. п. и *стек*, *стекли*, *стеку* и т. п.). В последнем примере и состав слова разный: существительное состоит из корня *стекл-* и падежной флексии *-о* или *-а*, а глагол — из приставки *с-*, корня *тек-*, суффикса прошедшего времени *-л-* и родовой флексии *-о*, *-а*. В случае же *три* (числительное) и *три* (глагол) состав слова совпадает, но и корни и флексии имеют разное значение.

3) С о б с т в е н н о о м о н и м ы, которые, в свою очередь, могут распадаться на существенно различные группы:

а) Подлинные омонимы, т. е. слова, звучащие одинаково, имеющие одинаковый состав фонем и морфологический состав (те же морфемы аффиксальные, но разные корни) и при этом и в словоизменительных формах слова, но разное происхождение из двух ранее не совпадавших по звучанию

слов, например: *лук* — «растение» и *лук* — «оружие», *лама* — «копытное животное» и *лама* — «тибетский священник», *балка* — «овраг» и *балка* — «бревно», *град* — «город» и *град* — «заледевший дождь», *некогда* — «когда-то» и *некогда* — «нет времени» и т. п.

Такие омонимы возникают в языке либо при заимствовании слов, либо как результат действия фонетических законов в своем языке.

Пример *лук* — «оружие» и *лук* — «растение» разъясняется так: в языке было свое слово, исконное лжкъ со значением «изогнутого» (ср. однокорневое литовское *lankas* — «лук»), где было носовое *o*, которое потом перешло по фонетическим законам в [y] (*лук*), а позднее было заимствовано из германских языков слово *look* (с «*o* долгим»), где германское «*o* долгое» было заменено через [y] в древнерусском языке. Так ранее несозвучные разные слова [лбк] и [1о:к] совпали в одинаково звучащем слове *лук*. Так же тюркское *балка* и немецкое *Balken* совпали в русском языке в омониме *балка*; испанское *l lama* (ляма) и тибетское *l lama* — в русском слове *лама*; немецкое *Brack* — «бракованный продукт» и русское *брак* — супружество (от Бьрдти; прежнее кьрдкь). В этих примерах благодаря звуковым изменениям при заимствовании чужих слов либо совпали два слова разных языков {*лама, балка*}, либо свое слово совпало с заимствованным (*брак, лук*).

Этимология и «народная» этимология.

Э т и м о л о г и я — учение о происхождении слов.

Н. Я. Марр пытался объяснить происхождение русского слова *сумерки* из племенного названия *шумер*¹, разлагая русское слово на *сумер-* (шумер) и *-ки*; здесь все невероятно и противоречит действительности: слово *сумерки* морфологически делится на приставку *су-* (из древнего сж с носовым гласным [б], ср. *супруг, сугроб, сумятица, супесь* и т. п.), корень *-мерк-* (ср. *меркнуть*) и флексию *-и*; выделенная Марром часть *-ки* — бессмыслица, невозможная исторически, так как *к* принадлежит корню; русское *с* никогда из *ш* не происходило (наоборот, *ш* в известных случаях происходило из *с + j*, ср. *кусать* — *укушен, носить* — *ноша* и т. п.); кроме того, шумеры никогда не имели никакого отношения к славянам и к их языку, а слово *сумерки* по значению вполне ясно: «состояние дня, близкое к тому, чтобы померкнуть» (*су-* означает «положение около, рядом»: *суводь* — «боковое течение воды в реке», *супесь* — «почва рядом с песком» и т. д.).

Любому говорящему по-русски кажется, что слово *зонтик* произошло от слова *зонт*, как *столик* — от *стол*, *ротик* — от *рот* и т. п. Можно построить такую пропорцию: *ротик: рот = зонтик: зонт*. Но тем не менее слово *зонтик* не происходит от слова *зонт*, а, наоборот, *зонт* происходит от *зонтик*. Слово *зонтик* появилось при Петре I, а *зонт* — позднее, так как *зонтик* — это усвоенное \ голландское слово *zonnedeck* — буквально «солнцепокрыпка».

¹ *Шумеры* — древнейшее население междуречья Тигра и Евфрата.

Этимологизирование по первому попавшемуся созвучию, без учета фонетических законов, способов перехода значений и грамматического состава и его изменений и переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным (часто связанное и с переделкой звукового вида слова) называется в языковедении народной этимологией.

Так, тот, кто думает, что *деревня* потому так называется, что деревенские дома строятся из дерева (а городские — каменные), производит народную этимологию. На самом деле *деревня* к *дереву* не имеет никакого отношения. В значении «селение» слово *деревня* стало употребляться поздно, ранее оно значило «двор», еще раньше — «пахотное поле» (ср. в «Домострое», XVI в. «пахать деревню») и, наконец, в наиболее древних памятниках — «очищенное от леса (т. е. как раз от деревьев!) место для нивы»; с этим сопоставляется литовское *dirva* — «нива» и санскритское *durva* — «род проса», что, очевидно, является самым древним значением этого корня («нива» — уже метонимия). Русское же слово *деревцо* сопоставляется с литовским *derva* — «сосна», с бретонским *deruenn* — «дуб» и т. п. (русское *деревцо* — синекдоха: род по виду).

Народные этимологии чаще всего получаются при заимствовании иноязычных слов. Так, *ростбиф* из английского *roast beef* — «жареное мясо» в просторечии переосмысливается как *розбив* от *разбить*; *верстак* из немецкого *Werkstatt* (по созвучию с *верстать*, *разверстать*); немецкое *Schraubzwinge* — «винтовой зажим» превращается в *струбцинку* (по созвучию с *раструб*); *Schaumloffel* (буквально: «ложка для пены»; ср. французское *escumier* от *écume* — «пена») — в *шумовку* (по созвучию с *шум*, *шуметь*, так как суп шумит, когда кипит²); французское *sale* — «грязный» послужило источником для образования прилагательного *сальный* (переосмысленного через созвучие со словом *сало*)', исконно русское *моровей* (ср. неполногласное церковнославянское *мравий*) по созвучию с *мурава* превратилось в *муравей*', слова *кооператив* и *капитал* раньше в деревне переосмысливались как *купиратив* (где *купить* можно) и *копитал* (*копить* деньги).

Так как явление народной этимологии особенно часто встречается в *И* *wi* *j* людей, недостаточно овладевших литературной речью, то такие переосмысленные по случайному созвучию и смысловому сближению слова могут быть яркой приметой просторечия; ср. у Н. С. Лескова: *гувернянька* (*гувернантка* и *нянька*), *гульвар* (*бульвар* и *гулять*), *верояции* (*вариации* и *вероятный*), *мелкоскоп* (*микроскоп* и *мелкий*)-, иногда такие народные этимологии приобретают большую сатирическую выразительность, например: *тугамент* (*документ* и *туга*, *тужить*), *клеветон* (*фельетон* и *клевета*), а также *мимоноска*, *ЯпЛяица умножения* и т. п.

²Ср. в украинском *шум* — «пена на супе».

Мотивировка слова.

Составной частью внутреннего содержания многих слов является так называемая мотивировка — заключенное в слове и осознаваемое говорящими «обоснование» звукового облика этого слова, т. е. его экспонента,— указание на мотив, обусловивший выражение данного значения именно данным сочетанием звуков, как бы ответ на вопрос «Почему это так названо?». Например, в русском языке известная птица называется **кукушкой** потому, что кричит (приблизительно) «ку-ку!», а столяр называется **столяром** потому, что (в числе прочей мебели) делает столы. О таких словах мы скажем, что они «мотивированы в современном языке», или имеют в нем «(живую) мотивировку». В противоположность этому **орел**, **слесарь** и множество других слов русского языка (**земля, вода, хлеб, белый, нести, очень, два, ты** и т. д.) принадлежат к немотивированным, т. е. не имеют живой (= ясной для носителей языка) мотивировки: факты современного языка не дают никакого основания для ответа на вопрос, почему птица орел называется **орлом**, слесарь — **слесарем** и т. д. Каждый предмет, каждое явление действительности имеет множество признаков. Кукушка не только кричит «ку-ку!», но имеет определенную окраску перьев, форму головы, клюва, определенные повадки. Но включить в название птицы указание на все эти признаки невозможно, да и не к чему. Достаточно указать какой-то один признак, и слово, построенное на его основе, закрепившись за предметом, будет вызывать в сознании представление о предмете «в его тотальности», в целом. В данном случае мотивирующим признаком, т. е. объективной основой наименования, послужил характерный крик, издаваемый птицей.

Есть немало примеров использования разных мотивирующих признаков при обозначении одних и тех же предметов и явлений действительности. Так, портной в одних случаях обозначен как 'режущий' ('кроющий'), например во фр. **tailleur** (от **tailler** 'резать, кроить'), в нем. **Schneider** (от **schneiden** 'резать'), в других — как 'шьющий', например в болг. **шивач**, сербскохорв. **шивач, шавац 1**. Растение одуванчик в некоторых русских говорах называется **пухлянкой**, в других — **летучкой**, в третьих — **молочником** (сок его стеблей по цвету напоминает молоко).

Иногда название строится на сочетании двух мотивирующих признаков. Таковы, например, английское название цветка колокольчика — **blue-bell** букв. 'синий колокол*' (признаки цвета и формы) и немецкое название подснежника — **Schneeglöckchen** букв. 'снежный колокольчик'.

Мотивировка, опирающаяся на реальный мотивирующий признак, может

быть названа реальной (ср. приведенные примеры). В иных случаях встречается

фантастическая мотивировка, отражающая мифические представления, поэтические вымыслы и легенды. Так, в ряде языков названия дней недели связаны с именами богов языческой мифологии. Ср. англ. **Sunday** (и нем. **Sonntag**) 'воскресенье', букв. 'день (бога) солнца', нем. **Donnerstag** 'четверг',

букв. 'день (бога) грома'. Наконец, есть примеры чисто формальной мотивировки; ясно, от какого слова образовано данное слово, но непонятно, почему. Ср. такие названия, производные от имен собственных, как **антоновка** (яблоко), **анютины глазки**.

Разными могут быть и способы языкового выражения мотивирующего признака. «Звуковая материя» языка создает возможность «изобразительной мотивированности», позволяя в той или иной мере имитировать характерное звучание предмета. Так возникают звукоподражательные слова вроде приведенного выше **кукушка** или **пинг-понг**, **мяукать**, **мычать**, **каркать**, **кудахтать**, **бренчать**, **хихикать** и т. д. В этих словах, точнее, в их корнях передача природного звучания носит, конечно, довольно приблизительный характер, что легко обнаруживается при сравнении звуко-подражательных слов в разных языках. Ср., например, глагол, соответствующий русск. **храпеть** (во сне): лат. **stertere**, англ. **snore**, нем. **schnarchen**, фр. **ronfler**, венг. **horkolni**, эстон. **norskama**, или имитацию собачьего лая в русском (**гав-гав!**) и в английском (**bow-wow**) языках.

Значительно чаще, чем «изобразительная», встречается «описательная мотивированность», т. е. «описание» мотивирующего признака с помощью обычного (незвукоподражательного) слова. Это можно наблюдать 1) при употреблении слова в переносном значении, 2) в производных и сложных словах. Переносное значение мотивировано сосуществующим с ним прямым (переносное «второй степени» — переносным «первой степени» и т. д.), как в словах **окно**, **зеленый** и др. (§110 и след.).

Производные и сложные слова мотивированы связью с теми, от которых они образованы. Это видно в приведенных выше **столяр**, **одуванчик**, диалектных **пухлянка**, **летучка**, **молочник**, в сложных существительных **рыболов**, **пылесос**, **Белгород**, в производных глаголах **учительствовать**, **белить**, в сложных числительных **восемьдесят**, **пятьсот** и т. д. 'Русск. **портной** не имеет мотивировки в современном языке (см. ниже § 173). «Описательная мотивированность» относительна, ограничена: в конечном счете она всегда опирается на немотивированное слово. Так, **столяр** или **столовая** мотивированы, но **стол** — нет. И так во всех случаях: все незвукоподражательные слова, непроизводные с точки зрения современного языка, употребленные в своих прямых значениях, являются немотивированными.

Мотивировку слова, даже в тех случаях, когда она совершенно ясна и «прозрачна», следует строго отличать от концептуального значения. Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный «образ» этого значения, можно сказать — сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова, и потому мотивировку иногда называют «внутренней формой слова», рассматривая ее как звено, через которое содержание (= значение) слова

связывается с его внешней формой — морфологической структурой и звучанием.

Отличие мотивировки от значения ясно видно в тех случаях, когда одно и то же значение мотивировано в разных языках или в словах-синонимах одного языка по-разному, как в ряде приведенных выше примеров. Вместе с тем нередко слова с разными значениями имеют одинаковую или очень сходную мотивировку. Например, **белок**, **беляк** (заяц), **бельё**, **бельмо**, **белка**, **белуга** мотивированы одним и тем же признаком белого цвета; русск. **ценный** и сербскохорв. **ценан** мотивированы связью с **ценой** (сербскохорв. **цена**), но значения у этих прилагательных почти противоположные—русское значит 'имеющий большую цену', а сербскохорватское—'дешевый, доступный по цене'.

Отмечено, что значение, которое слово могло бы иметь в соответствии со своей мотивировкой и словообразовательной структурой, почти всегда шире того, которое оно фактически имеет в языке. Так, слов') **МОЛОЧНИК** могло бы в принципе обозначать любой предмет, имеющий то или иное отношение к молоку или к чему-то, похожему на молоко, фактически же это слово в литературном русском языке закрепилось только в значениях 'небольшой сосуд для молока' и торговец молоком' (словари соответственно выделяют два омонима); в некоторых говорах имеется еще **МОЛОЧНИК** 'одуванчик'; однако, например, бидон для молока, молокозавод, разные блюда, приготовленные на молоке, молочный буфет, грудного ребенка. Млечный путь и многое другое, что могло бы называться молочником, так не называют и никогда не называли.

Мотивировка слова бывает связана с его эмоциональными коннотациями. Это проявляется в сознательном отталкивании от слов с «неприятной» мотивировкой. Так были изгнаны из употребления **прислуги** и **жалованье**, заменившись соответственно **домашней работницей** и **заработной платой**.

В процессе функционирования слова мотивировка имеет тенденцию забываться, утрачиваться. В результате мотивированное слово постепенно переходит в разряд немотивированных. Конкретные причины утраты мотивировки разнообразны. В одних случаях выходит из употребления то слово, от которого произведено данное слово, либо утрачивается прямое значение. Так, в русском языке перестали употреблять слово **КОЛО** 'круг, колесо' (оно было вытеснено расширенными, суффиксальными формами того же слова, давшими современное **колесо**), в результате немотивированными стали **КОЛЬЦО** (первоначально уменьшительное образование от **КОЛО**, т. е. 'кружок, колесико', ср. **сельцо**, **словцо**, **письмецо** и т. п.) и предлог **ОКОЛО** (собственно 'вокруг'). В украинском языке глагол **ЛЯТИ** сохранил только значение 'ругать', которое возникло как переносное, а теперь является немотивированным.

В других случаях предмет, обозначенный словом, изменяясь в процессе исторического развития, теряет признак, по которому был назван. Так,

современные города не огораживают стенами, и хотя глагол **городить** существует и по сей день в русском языке, связь между этим глаголом и существительным **город** уже перестала осознаваться большинством носителей языка. Равным образом теперь **стреляют**, не используя стрел, а современный **мешок** не имеет ничего общего с мехом, хотя по происхождению это уменьшительное образование от **мех** (ср. **смешок**, **грешок** и др.), в слове **чернила** связь с **черный** еще достаточно очевидна, но мы о ней никогда не вспоминаем, так как признак черного цвета перестал быть характерным для чернил. Показательно, что в сочетаниях типа **красные чернила** нормально не ощущается катахреза — употребление, противоречащее буквальному значению слова.

Иногда слова, связанные по происхождению, сильно расходятся по своей звуковой форме — объединению их в сознании говорящих мешает непривычность наблюдаемого в них чередования. Ср. **оскоми́на** и **щемить**, **коса** (волосы) и **чесать**, **жердь** и **городить'**, исторические чередования /sk/ □/šć/ и тем более /k/ □/č/ и /g/ □/p/ встречаются в русском языке регулярно, но, как правило, не в начале корня. Существуют и другие конкретные причины, способствующие утрате мотивировки в тех или иных случаях. Однако важно подчеркнуть, что кроме всех конкретных, частных причин есть и общая предпосылка, делающая возможной утрату мотивировки слова. Это — избыточность, даже ненужность мотивировки с того момента, когда слово становится привычным. Мотивировка необходима в момент рождения слова (или в момент рождения переносного значения): без мотивировки слово (или переносное значение), собственно, не может и возникнуть. Но раз возникнув, новое слово (или новое значение слова) начинает «жить своей жизнью»: повторяясь вновь и вновь в речевых актах, оно становится более или менее общеизвестным в данном коллективе, запоминается, к нему привыкают, на нем, на его структуре перестают останавливаться мыслью. Мотивировка как бы «уходит в тень», почему и становятся возможными **красные чернила**, **розовое бельё** и т. д. Мы вспоминаем о мотивировке лишь в каких-то специальных, редких случаях. В подобном «замороженном состоянии» она может сохраняться долго, но достаточно небольшого изменения в значении производящего слова, и она забывается совсем. Показательно, что самые простые и самые важные слова языка принадлежат к немотивированным.

Естественно, что мотивировка утрачивается при заимствовании слов из другого языка (кроме случаев, когда заимствуется и слово, мотивирующее данное). Так, на почве древнегреческого языка слово **atomos** 'мельчайшая частица вещества' было мотивировано (отрицательный префикс **a-** + корень глагола **temno** 'режу', т. е. 'неразрезаемое, неделимое'); в русском и других языках, заимствовавших слово **атом**, оно с самого начала не имеет мотивировки. Русск. **студент** восходит прямо к лат. **studens** (род. п. **studentis**) — причастию действительного залога от глагола **studeo** 'стараюсь, усердно занимаюсь, изучаю', а восходящее к тому же латинскому глаголу русск.

штудировать было заимствовано через немецкое посредство (откуда / sa /); то, что / s / и /s a / в начальной позиции не чередуются, затрудняет объединение слов **студент** и **штудировать** в сознании носителей русского языка. Иное дело в немецком, где **Student** и **studieren** связаны и по звучанию (оба произносятся с / sa /), или, например, в английском с его **student** и **study** 'изучать, исследовать' и 'изучение, исследование'. Однако слово **революционер**, хотя и является в русском языке заимствованным, вполне четко мотивировано связью с тоже заимствованным, но прочно вошедшим в язык словом **революция**.

В громадном большинстве случаев слова с утраченной мотивировкой так же хорошо выполняют свои функции в языке, как и слова с «живой» мотивировкой. Немотивированное **слесарь** (заимствованное из немецкого, где соответствующее слово звучит **Schlosser** и мотивировано связью с **Schloss** 'замок') и немотивированное **суббота** (восходящее через греческое посредство к др.-евр. **sabbath**, связанному с глаголом, значившим 'кончать работу, отдыхать, праздновать') так же хорошо служат обозначением соответствующих понятий, как и мотивированные **столяр** или **пятница**. Однако встречаются случаи, когда слово, не имеющее мотивировки, оказывается не совсем удобным средством общения. Это бывает со словами редкими, непривычными, которые порой даже трудно запомнить, если не связать их в сознании с каким-то знакомым словом, т. е. если не подыскать им подходящую мотивировку. Конечно, подобное р с и-мысливание мотивировки осуществляется на базе звуковых и смысловых ассоциаций, независимо от подлинных генетических связей данного слова; Так, слово **колика**, **колики** 'резкие боли в разных частях тела, преимущественно (а раньше — исключительно) в животе' происходит от греч. **kolon** 'кишка', но в сознании современных носителей русского языка связывается с глаголом **колоть** и воспринимается как 'колющие боли'. В этом случае примысливание мотивировки не отразилось на внешней форме слова. В других случаях оно ведет к искажению звучания. Так, не имеющие в русском языке мотивировки заимствованные слова **пиджак**, **тротуар**, **бульвар** превращались в речи необразованных людей в **спинжак** (в отличие от русской рубахи одевается не через голову, а «со спины»), **плитуар** (выложен каменными плитами), **гульвар** (где гуляют).

Порой искаженная форма входит в литературный язык: в результате искажения слова **ординарный** 'обыкновенный, простой' (ср. **экстраординарный** 'из ряда вон выходящий') в русском языке появилось **одинарный** 'не двойной, состоящий из одной части' (причем произошло и некоторое сужение концептуального значения). Иногда наблюдаются случаи переосмысления первоначальной мотивировки даже вполне употребительных слов, что бывает связано с изменением значения их производящих. Так, оказалась «сдвинутой» мотивировка слова **понедельник**: сначала 'день, идущий после (по) воскресенья' (от др.-русск. **недаля** 'воскресенье' —

значение, сохраненное другими славянскими языками), а затем — 'день, идущий после (предшествующей) недели'.

Выяснением забытых, утраченных мотивировок и, таким образом, исследованием происхождения соответствующих слов занимается специальная отрасль лексикологии, а именно: этимология. Этимологией называют также и каждую гипотезу о происхождении и первоначальной мотивировке того или иного слова (в этом смысле термин этимология употребляют и во множественном числе). Наконец, этимология — это само происхождение слова и его (первоначальная) мотивировка (ср.: «Этимология такого-то слова не может считаться выясненной»). Забвение мотивировки называют дезэтимологизацией (утратой этимологических связей). Примысливание же и переосмысление мотивировки получило название народной (или ложной) этимологии. Последние термины противопоставляют Примысливание мотивировки в процессе практического использования слова, переосмысление ее рядовыми носителями языка на базе употребляемых в данную эпоху, хорошо известных слов и морфем — «подлинной», «научной» этимологии, опирающейся на специальное исследование с привлечением фактов прошлых эпох и других языков, с учетом закономерных звуковых соответствий и т. д. Хотя термин «народная этимология» условен, он широко употребителен, и отказываться от него вряд ли целесообразно. Термин же «ложная этимология» неудачен; он привносит осуждающую оценку, здесь неуместную.

Устойчивые словосочетания и фразеологизмы.

В каждом языке широко употребляются устойчивые, традиционно повторяющиеся сочетания слов. Они противостоят переменным словосочетаниям, свободно создаваемым в процессе речи.

Рассмотрим сперва примеры переменных сочетаний: **новый стол, длинный стол. отодвинуть стол. положить карандаш на стол, стол у окна.** Конечно, эти сочетания образованы по определенным правилам, по заданным заранее, до акта речи, синтаксическим моделям (ср. согласование, использование падежных форм и т. д.). Вместе с тем по конкретному лексическому составу, т. е. с точки зрения употребления именно данных, а не каких-либо других слов, все эти сочетания составлены совершенно свободно, в зависимости только от выражаемой мысли и описываемой ситуации, от стремления говорящего выделить, подчеркнуть те или иные моменты этой ситуации. Переменные словосочетания следует рассматривать как речевые комбинации языковых знаков — слов.

Приведем теперь примеры устойчивых сочетаний с тем же словом **стол**: **письменный стол, обеденный стол, накрыть на стол, убрать со стола, сесть за стол, сесть за один стол** (т. е. 'начать переговоры'), **положить на стол** (в смысле 'представить в готовом виде' — о рукописях, книгах и т. п.). **Карты на стол!** (т. е. 'раскройте ваши планы'). В устойчивых сочетаниях заранее, т. е. до акта речи, задана не только общая грамматическая модель, но и

конкретный лексический состав всего сочетания. Оно не создается заново в момент речи, применительно к данной мысли, не собирается «на ходу» из слов, а уже существует, хранится в готовом, «собранном» виде в памяти носителей языка и, подобно словам, извлекается из памяти, когда в нем возникает потребность. Устойчивые сочетания иногда называют «языковыми клише» (или «штампами»), они вставляются в нашу речь целиком. Устойчивые сочетания — это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки. Выше мы назвали их «составными лексемами».

Условия, создающие устойчивость, традиционную воспроизводимость словосочетания, могут быть разными. Есть слова, обладающие очень узкой, избирательной сочетаемостью с другими словами — вплоть до единичной сочетаемости. Так, **закадычный** нормально сочетается только с **друг**, а **заклятый** — только с **враг**; **ни зги** с абсолютной гарантией предсказывает либо **не видать**, либо **не видно**. В этих случаях устойчивость сочетания создается самим фактом единичной сочетаемости одного из компонентов. Чаще, однако, причина устойчивости заключается в другом — в более или менее отчетливом семантическом обособлении словосочетания, в том или ином сдвиге значения.

Устойчивые сочетания с подобным сдвигом (он ясно обнаруживается при сравнении с теми же словами вне рамок данного сочетания) называют фразеологизмами, а науку, их изучающую, — фразеологией.

В некоторых фразеологизмах — их иногда обозначают термином «фразема» — семантическое преобразование отмечается только в одном компоненте. Так, в составе сочетаний **письменный стол**, **обеденный стол**, **холодное оружие** существительное употреблено в своем обычном значении: ведь письменный и обеденный столы — разно-видности стола, а холодное оружие — разновидность оружия. Но прилагательное во всех трех сочетаниях обнаруживает больший или меньший сдвиг значения: ср. **письменный (стол)** — 'предназначенный для занятия письмом, вообще для занятий и соответственно

устроенный (имеющий одну или две тумбы с ящиками)' и **письменный (запрос)**

'письменно зафиксированный'; **обеденный (стол)** — 'специально предназначенный для обедов, ужинов, угощения гостей и т. п. и соответственно устроенный (не имеющий тумб, часто раздвижной)' и **обеденное (время)**, **обеденная (пора)** — 'когда обедают'; **холодное (оружие)** — 'неогнестрельное' и **холодный (воздух, ветер, песок и т. п.)** — 'имеющий низкую температуру'. Аналогично и в **накрыть на стол** слово **стол** сохраняет обычное значение, а **накрыть** значит нечто иное, чем в **накрыть стол скатертью**. В других фразеологизмах, так называемых идиомах', наблюдается общий сдвиг значения, затрагивающий все компоненты. Примерами могут служить выражения **сесть за**

один стол 'начать переговоры', **Карты на стол!**, **белый уголь** 'энергия рек, превращаемая (или способная быть превращенной) в электроэнергию', **как**

пить дать 'наверняка'. Здесь все компоненты употреблены в сдвинутых, специфических, переносных значениях либо даже (в последнем примере) вообще без какого-либо четкого значения, так что, несмотря на свою морфологическую «отдельность», даже не могут по-настоящему считаться словами. Целостное значение идиомы (как, впрочем, и фраземы) несводимо к сумме значений ее компонентов. Вот эта несводимость целостного значения к сумме значений частей и называется идиоматичностью.

Как фраземы, так и идиомы могут быть мотивированными либо, напротив, утратившими мотивировку. Все приведенные выше фраземы являются мотивированными с точки зрения данного состояния языка; примером немотивированной фраземы может служить выражение **дело табак** 'дело обстоит плохо'. Мотивированные идиомы: **сесть за один стол, белый уголь, держать камень за пазухой, выносить сор из избы**. Значение идиомы в этих случаях все же потенциально выводимо из структуры и состава идиомы — образ, лежащий в основе, более или менее ясен. А вот примеры идиом, лишенных мотивировки в современном языке: **очертя голову, черта с два, куда ни шло, (кричать) во всю ивановскую**. Мотивированные идиомы и фраземы иногда называют фразеологическими единствами, а немотивированные (с точки зрения данного состояния языка) — фразеологическими сращениями 2 .

Для восстановления утраченной мотивировки фразеологизмов нужны специальный этимологический анализ, разного рода исторические справки и т. д. Так, **очертя голову** связано с суеверным представлением, будто, «очертив» свою голову (т. е. обведя ее чертой), **можно** застраховать себя от враждебного воздействия «нечистой силы» и после этого, уже ничего не опасаясь, пускаться в любое рискованное дело; **во всю ивановскую** — первоначально имелась в виду площадь перед Иваном Великим в московском Кремле, на которой громким голосом объявлялись во всеуслышанье царские указы. Мотивировка многих фразеологизмов остается невыясненной.

Разумеется, границы между рассмотренными типами не являются резкими. Везде есть промежуточные, переходные случаи. В качестве особой группы можно выделить такие фразеологизмы, в которых наблюдается и единичная сочетаемость одного из компонентов (или уникальность грамматической формы), и явственный смысловой сдвиг, например **бить баклуши, точить лясы, турусы на колесах, краеугольный камень, сложа** (вместо обычного **сложив**) **руки, притча во языцех** 'предмет всеобщих разговоров, пересудов'. И здесь в одних случаях мотивировка является ясной (например, в **сложив руки**), в других — затемненной или вовсе утраченной.

С точки зрения их синтаксических функций среди устойчивых сочетаний

выделяются: 1) эквивалентные словам с возможными дальнейшими подразделениями — эквивалентные, глаголам (**выносить сор из избы**), существительным (**белый уголь**), наречиям (**очертя голову**) и т.д. или, в иных

терминах, «функционирующие как сказуемое», «функционирующие как обстоятельство» и т. д. и 2) используемые в качестве целых предложений (Карты на стол! Черта с два! Дело табак). Ко второй рубрике примыкают народные пословицы и поговорки, сентенции и афоризмы из литературных произведений и т. д.

Фразеологизмы очень разнообразны и с точки зрения их принадлежности к функциональным стилям. Многие из них являются разговорными, просторечными, а некоторые—даже вульгарными (дать по шапке, вожжа под хвост попала, лезть на рожон, валять дурака), другие, напротив, используются в книжных стилях (прокрустово ложе, сизифов труд, кануть в лету, дамоклов меч). Некоторые устойчивые сочетания совершенно лишены эмоциональной окраски (например, сложные термины вроде удельный вес, мягкая посадка, меченые атомы, черный ящик, народная этимология, части речи, дифференциальный признак), но другие обладают большим «эмоциональным зарядом».

Говоря о фразеологизмах, часто отмечают их национальное своеобразие.

Бесспорно, в каждом языке среди них есть много специфических и по форме, и по мотивировке, и по значению. Особенно ярко проявляется это своеобразие в тех фразеологизмах, в которых отразились специфические черты народного быта и конкретной истории народа. Ср. приведенное выше во всю ивановскую или: Хлеб да соль!; Не красна изба углами, а красна пирогами; ездить в Тулу со своим самоваром; язык до Киева доведет; шапка Мономаха; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!; потёмкинские деревни; многие «крылатые фразы» из произведений национальной литературы, например: Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь! (Грибоедов); Есть ещё порох в пороховницах! (Гоголь).

Вместе с тем и к фразеологизмам, в которых ярко проявляется национальная специфика, порой можно подобрать близкие по значению (хотя иначе построенные и иначе мотивированные) параллели среди фразеологизмов другого языка. Так, нашему ездить в Тулу со своим самоваром по смыслу вполне соответствует в английском to carry coals to Newcastle — букв. 'возить уголь в Ньюкасл' (один из центров добычи угля в Англии).

Наряду с этим существует немало «межнациональных» фразеологизмов, вошедших во многие языки в результате взаимодействия между культурами. Таковы, в частности, многочисленные «крылатые слова», восходящие к тексту Библии (так называемые библеизмы), например вавилонское столпотворение, блудный сын, умывать руки, копать другому яму, суета сует, камень преткновения, глас вопиющего в пустыне, колосс на глиняных ногах, невзирая на лица, книга за семью печатями; Нет (или Несть) пророка в своем отечестве'. Не сотвори себе кумира; цитаты из произведений мировой

литературы, например **подливать масла в огонь** (Гораций); **Аппетит приходит во время еды** (Рабле); **Порвалась связь времен** (Шекспир); «крылатые фразы» выдающихся исторических личностей, например **Пришел, увидел, победил** (Юлий Цезарь).

Лексикография.

Составляемые лексикографами словари чрезвычайно разнообразны по своему назначению, объему, по характеру и способам подачи включаемого материала.

Прежде всего нужно различать словари лингвистические и нелингвистические. Первые собирают и описывают под тем или иным углом зрения лексические единицы языка (слова и фразеологизмы). Особый подтип лингвистических словарей составляют так называемые идеографические словари, идущие от понятия (идеи) к выражению этого понятия в слове или в словосочетании. В нелингвистических словарях лексические единицы (в частности, термины, однословные и составные, и собственные имена) служат лишь отправной точкой для сообщения тех или иных сведений о предметах и явлениях внеязыковой действительности. Встречаются и промежуточные разновидности словарей. Кроме того, всякий словарь с точки зрения охватываемого им материала может быть либо общим (например, БСЭ — Большая Советская Энциклопедия), либо специальным (та или иная отраслевая энциклопедия — медицинская, философская и т. д.). Важными понятиями лингвистической лексикографии являются словарная статья, заголовочное слово и словник. Словарная статья — это абзац или несколько абзацев словаря, дающих информацию, относящуюся к одной лексической единице (иногда к не-скольким взаимосвязанным единицам). Статья начинается заголовочным словом (иногда сочетанием), обычно выделенным особым шрифтом. Совокупность всех слов, рассматриваемых в словаре, называется словником этого словаря. Рассмотрим подробнее лингвистические словари.

Толковый словарь дает толкование значений слов (и устойчивых сочетаний) какого-либо языка средствами этого же языка. Толкование дается с помощью логического определения концептуального значения (**накалиться** 'нагреться до очень высокой температуры', **рекордсмен**, 'спортсмен, установивший рекорд'), посредством подбора синонимов (**назойливый** 'надоедливый, навязчивый') или в форме указания на грамматическое отношение к другому слову (**прикрывание** 'действие по значению глаголов **прикрывать** и **прикрываться**'). В некоторых толковых словарях значения слов раскрываются иногда с помощью рисунков.

Эмоциональные, экспрессивные и стилистические коннотации указываются посредством специальных помет (неодобр., презр., шутя., ирон., книжн., разг. и т. п.). Отдельные значения иллюстрируются примерами — типичными сочетаниями, в которых участвует данное слово (**утюг накалился**, **атмосфера накалилась** — где глагол выступает уже в переносном значении

'стала напряженной'), или же литературными цитатами. Обычно толковые словари дают также грамматическую характеристику, указывая с помощью специальных помет на часть речи, грамматический род существительного, вид глагола и т. д. и приводя в нужных случаях кроме словарной и некоторые другие формы данного слова. В той или иной мере указывается и произношение слова (например, в русских толковых словарях ударение).

Обычно толковые словари являются словарями современного литературного языка и носят нормативный характер. Таковы, например, известные академические словари русского языка — 17-томный Словарь современного русского литературного языка (1950—1965) и 4-томный Словарь русского языка (2-е изд. в 1981—1984 гг.). Наиболее типичным примером строго нормативного словаря является знаменитый французский Словарь Академии (1-е изд. в 1694 г.). Иной, ненормативный характер носит знаменитый Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (в 4 т., 1-е изд. в 1863—1866 гг.), широко включающий областную и диалектную лексику и в отношении полноты охвата этой лексики и обилия народных выражений до сих пор непревзойденный.

Толковым словарям противостоят переводные, чаще всего двуязычные (скажем, русско-английский и англо-русский), а иногда многоязычные. В них вместо толкования значений на том же языке даются переводы этих значений на другой язык (**накалиться** — become heated, **назойливый**—importunate, troublesom). В зависимости от того, предназначен ли словарь для того, чтобы служить пособием при чтении текста на чужом языке или пособием при переводе с родного языка на чужой, его желательно строить по-разному. Так, русско-английский словарь для англичан может давать меньше сведений в «правой» (т. е. английской) части, чем их дает русско-английский словарь, предназначенный для русских. Например, переводя слово **обращение**, словарь для англичан может просто перечислить все возможные английские эквиваленты (**address, appeal; conversion; treatment, circulation** и т. д.), так как англичанину известны смысловые различия между этими английскими словами; в словаре же для русских придется указать, что **address** и **appeal**— это 'обращение к...', причем **appeal**—это 'обращение' в смысле 'призыв'; что **conversion**—это 'обращение в веру' и т. п., что **treatment**—это 'обращение с..., обхождение с кем-либо', а **circulation**— 'обращение товаров, денег и т. п.'; кроме того, придется указать, с какими предлогами употребляются эти английские существительные, обозначить место ударения (**address** и т. п.), т. е. снабдить английские эквиваленты разъяснениями, которые помогут правильно употребить их при переводе текста с русского языка на английский. Ясно, что в англо-русском словаре картина соответственно изменится. В словаре, рассчитанном на русских, русская часть будет менее подробной, но в словаре, предназначенном для англичан, придется подробно указывать различия в значениях и в употреблении русских эквивалентов, снабжать их грамматическими пометами, указывать ударение и т. д.

Хороший переводный словарь должен содержать также стилистические пометы.

К общим словарям мы отнесем и те, которые рассматривают (в принципе)

все пласты лексики, но под каким-либо специфическим углом зрения. Таковы, например, частотные словари. Их задача — показать степень употребительности слов в речи (что практически значит — частоту их использования в некотором массиве текстов). Эти словари позволяют делать интересные выводы о функционировании слов и грамматических категорий. Они имеют также большое практическое значение, в частности для рационального отбора лексики на разных этапах обучения неродному языку.

Далее отметим грамматические словари, дающие подробную грамматическую характеристику слова (ср. Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка); словообразовательные (деривационные), указывающие членение слов на составляющие их элементы; словари сочетаемости, приводящие типичные контексты слова. Этимологические словари содержат сведения о происхождении и первоначальной мотивировке слов. В этих словарях обычно приводятся соответствия данного слова в родственных языках, излагаются гипотезы ученых, касающиеся его этимологии. Особую группу составляют различные исторические словари. В некоторых из них ставится цель — проследить эволюцию каждого слова и его отдельных значений на протяжении письменно засвидетельствованной истории соответствующего языка. Таков, например, Немецкий словарь, начатый братьями Гримм и вышедший в течение более ста лет (1854—1961). К другой разновидности относятся словари прошлых периодов истории языка, например Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (1893—1912) И. И. Срезневского, Словарь русского языка XI—XVII вв. (выходит с 1975 г.). Словарь русского языка XVIII в. (выходит с 1984 г.), а также словари языка писателей, например Словарь языка Пушкина (в 4 т., 1956—1961) и даже отдельных памятников. Словарь языка писателя (тем более произведения) стремится быть исчерпывающим: он обязательно включает все слова, употребленные в сохранившемся тексте или текстах писателя, а нередко указывает и все встретившиеся формы этих слов; при этом не только иллюстрируются цитатами все выделенные значения и оттенки значений, но и даются «адреса» всех случаев их употребления (том, страница, строка). К общим словарям отнесем и полные диалектные словари, т. е. такие, которые в принципе охватывают всю лексику, бытующую в диалектной речи на территории одного говора (или группы говоров), как специфическую для данного диалекта, так и совпадающую с лексикой общенародного языка (ср. Псковский областной словарь с историческими данными, начатый Б. А. Лариным и выходящий с 1967 г.).

Наконец, упомянем орфографические и орфоэпические словари, преследующие чисто практические цели.

Среди специальных лингвистических словарей интересны различные фразеологические словари (они бывают переводными и одноязычными), словари

«крылатых слов» и словари народных пословиц и поговорок. Из других специальных лингвистических словарей отметим словари синонимов — одноязычные и переводные, словари антонимов, омонимов, словари так называемых «ложных друзей переводчика», т. е. слов, близких в каких-либо двух языках по звучанию и написанию, но расходящихся по значению (так, в болг. *гора* значит 'лес', а вовсе не 'гора', в англ. *magazine* 'журнал', а не 'магазин'). К специальным относятся и дифференциальные диалектные словари, т. е. те, которые содержат только диалектную лексику, не совпадающую (материально или по значениям) с общенародной. Такой диалектный словарь может быть либо словарем одного говора, либо словарем многих или даже (в принципе) всех территориальных диалектов какого-либо языка (ср. Словарь русских народных говоров, выходящий с 1965 г.). К дифференциальным диалектным принадлежат также словари сленга и арго. Упомянем, наконец, словари иностранных слов, сокращений, различные словари имен собственных (личных, географических и т. д.), словари рифм.

Важным вопросом при составлении словаря является вопрос о порядке расположения материала. Чаще всего используется алфавитный порядок. Порой применяется «гнездование», т. е. объединение в рамках одной словарной статьи слов, связанных общностью корня, даже если это нарушает алфавитную последовательность. Фактически в этих случаях происходит отступление от алфавитного порядка слов в сторону алфавитного порядка корней. Это оказывается очень удобным для некоторых типов словарей, например для словообразовательных и этимологических. Последовательное проведение гнездового принципа соответствует лексикографической традиции многих языков. Так, арабские словари принято строить именно по алфавиту корней, помещая под каждым корнем все производные (в том числе » производные с приставками). Иногда и в словарях славянских языков глаголы с приставками включают в статью соответствующего бесприставочного глагола. Особое использование алфавитного принципа имеем в обратных инверсионных) словарях. Слова в них располагаются по алфавиту не начальных, а конечных букв слова: *а, ба, биба. жаба, ..., амёба, служба, изба* и т. д. до последних слов, оканчивающихся на -яя: *передняя, безмужняя*. Обратные словари служат ценным пособием при изучении суффиксального словообразования (все слова с одним и тем же суффиксом оказываются в них собранными вместе), при исследовании фонетических закономерностей, связанных с концом слова, и т. д.

Среди неалфавитных принципов расположения материала важнейшим является принцип систематической (логической классификации) понятий, выражаемых лексическими единицами- Именно по этому принципу строятся упомянутые (§ 132) идеографические (тематические) словари. Вырабатывается та или иная классификация понятий, и все, что подлежит

включению в словарь, располагается по рубрикам этой классификации. Особую разновидность идеографических словарей составляют «картинные словари», двуязычные и многоязычные. Они содержат рисунки, изображающие тот или иной «кусочек действительности» (комнату с обстановкой, цех завода, птицеводческую ферму и т. д.) и под соответствующими номерами названия изображенных предметов

В частотных словарях слова располагаются по убывающей частоте, а иногда и по рубрикам грамматической классификации (по частям речи), но наряду с этим используется и алфавитный принцип.

Существуют также различные промежуточные, переходные и смешанные

типы словарей. Так, переходными от лингвистических к нелингвистическим словарям являются словари терминов различных наук и отраслей техники. Эти словари бывают одноязычными, двуязычными и многоязычными. Есть, наконец, тип универсальных словарей одновременно толковых и энциклопедических, включающих также этимологические и исторические справки, иногда важнейший материал иноязычных цитат, и снабженных в нужных случаях рисунками. Это различные «словари Лярусса» (по имени французского издателя, организовавшего выпуск таких словарей), в частности

Большой Лярусс, Малый Лярусс и т. д., английские словари Вебстера» (по имени первого составителя этих словарей) и др.

ЛЕКЦИЯ №4. Грамматика. Грамматические средства языков. Грамматические категории. Морфологический и этимологический состав слова. Части речи.

План:

1. Основная задача грамматики.
2. Грамматические средства языка.
3. Грамматические категории.
4. Морфологическое и этимологическое формирование слов.
5. Части речи.

Термин «грамматика» (из др.-греч. *grammatike techne*—букв письменное искусство' -- от *gramma* 'буква') неоднозначен: он обозначает и науку — раздел языковедения, и объект этой науки — объективно существующий в каждом языке грамматический строй. Последний понимается либо в широком смысле — как совокупность законов функционирования единиц языка на всех уровнях его структуры (см. § 8), либо (чаще) в более узком смысле — как совокупность правил построения: 1) лексических единиц, прежде всего слов (и их форм) из морфем, и 2) связных высказываний и их частей — из лексических единиц, отбираемых в процессе речи каждый раз соответственно выражаемой мысли.

Все эти правила построения прямо или косвенно соотнесены с какими-то чертами передаваемого содержания. Так, в русском языке употребление или неупотребление возвратной частицы на конце глагольной формы отражает отчетливое различие в значении глагола (ср. *моюсь — мою*), а выбор формы согласованного определения может зависеть от реального пола соответствующего лица и, следовательно, указывать на этот пол, например в *этот плакса* и *эта плакса*, *мой Саша* и *моя Саша*. Иначе говоря, грамматические правила входят в общую систему соответствий между планом содержания и планом выражения языка, т. е. между значением (смыслом) и особенностями внешнего облика формируемых языковых единиц. Поэтому правила построения являются одновременно и правилами понимания выражаемых смыслов, правилами перехода от воспринимаемого адресатом плана выражения высказывания к закодированному в нем плану содержания.

Те элементы содержания, которые стоят за грамматическими правилами,

называют грамматическими значениями. С этим понятием мы уже встретились выше, когда начали рассмотрение содержательной стороны слова (см. §95). Однако грамматические значения представлены, конечно, не только в отдельных словах и их формах, но в еще большей мере — в осмысленных сочетаниях знаменательных слов и в целом предложении. Если в слове грамматические значения выражаются особенностями построения слова, его отдельными частями (например, окончаниями), чередованиями, ударением и т. д., то в словосочетании и предложении к этим грамматическим средствам присоединяются другие — порядок расположения слов, интонация, служебные слова, обслуживающие все предложение или словосочетание, и т. д. Грамматические средства (или способы), применяемые в языках, являются формальными показателями соответствующих грамматических значений.

Своеобразие грамматических значений состоит в том, что они, в отличие от лексических значений, не называются в нашей речи прямо, а выражаются попутно, как бы мимоходом. Они сопутствуют лексическим значениям, которые одни только и называются прямо (именуются) в высказывании. Нетрудно, однако, убедиться в том, что в создании целостного значения высказывания, а также значения всех его осмысленных частей грамматические значения играют весьма существенную роль, ничуть не меньшую, чем лексические значения использованных в высказывании слов. Ср., например, сочетания **подарок жены** и **подарок жене** (слова те же, но изменено одно окончание и получается совсем другой смысл); или **достань палку!** и **достань палкой!**: или — с более тонким различием — **выпил воды** и **выпил воду**; **двести человек** и **человек двести** (в последнем примере словоформы те же, но изменение порядка их расположения создает добавочное значение приблизительности); ср., наконец, одно и то же **слово вперед**, употребленное в качестве однословного предложения с повелительной интонацией (**Вперед!**) и с вопросительной интонацией (**Вперед?**). Именно грамматические значения организуют высказывание, делают его адекватным выражением мысли ¹. Для того чтобы лучше понять, что такое грамматическое значение и какова его роль в языке, рассмотрим короткое, состоящее всего из двух слов, русское предложение **Петров—студент**. Слова, входящие в состав этого предложения, выражают два лексических значения: 1) имя собственное **Петров** выражает представление о конкретном лице, носящем такую фамилию, 2) нарицательное существительное **студент** выражает понятие о классе лиц, учащихся в вузах. Но значение предложения **Петров — студент** не сводится к простой сумме этих двух значений. Смысл данного предложения заключается в нарочитом (специальном, стоящем в центре внимания) сообщении того факта, что личность «Петров» есть член класса (множества) «студенты». Мы можем выделить здесь следующие грамматические значения:

1) Значение утверждения некоторого факта (ср. вопрос о факте при другой, вопросительной, интонации: **Петров студент?**).

2) Значение нарочитого отождествления (в определенном отношении) двух мыслимых единиц (ср. попутное упоминание о тождестве тех же единиц в **Студент Петров не явился на экзамен**).

3) Значение отнесенности факта к настоящему моменту (или периоду) времени, что выражено здесь отсутствием глагола (ср.: **Петров был студентом, Петров будет студентом**).

4) Значение безусловной реальности факта, также выраженное отсутствием глагола (ср.: **Петров был бы студентом, если бы не провалился на вступительных экзаменах** или **Будь Петров студентом, он получил бы место в общежитии**).

5) Значение единственного числа, выраженное и в одном, и в другом слове отсутствием окончания (ср. **Петровы—студенты**).

6) Далее оба существительных относятся к мужскому грамматическому роду, что в данном случае, поскольку это существительные, обозначающие лиц, указывает на мужской пол (ср. **Петрова—студентка**).

Мы видим, что грамматические значения (как и очень многое другое в языке) выявляются в противопоставлениях. Грамматические противопоставления (оппозиции) образуют системы, называемые грамматическими категориями. Грамматическую категорию можно определить как ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, систематически выражаемых теми или иными формальными показателями. Грамматические категории чрезвычайно разнообразны — и по количеству противопоставленных членов, так называемых граммем 1, и по способам их формального выражения, и по характеру выраженных значений и их отношению к действительности.

Так, есть категории двучленные, например, в современном русском языке число (единственное : множественное), глагольный вид (совершенный : несовершенный); трехчленные, например, лицо (первое : второе : третье); многочленные, например, в русском и многих других языках — падеж. Чем больше граммем в данной грамматической категории, тем, как правило, сложнее оппозитивные отношения (отношения логической противопоставленности) между ними, тем большее число семантических дифференциальных признаков выделяется в содержании каждой граммемы (ср. § 105).

Есть грамматические категории, находящие выражение в формах слова, простых (синтетических) или сложных (аналитических). Именно такие категории охотнее всего обозначают термином «грамматическая категория». В свою очередь они подразделяются на а) формообразовательные, т.е. проявляющиеся прямо в образовании форм данного слова (например, падеж и число в русских существительных, наклонение и время в глаголе) и б) классификационные, т.е. присущие данному слову во всех случаях его

употребления и тем самым относящие это слово к какому-то классу (разряду) слов. Классификационные категории проявляются косвенно, например, в формах других слов, связанных с данным в контексте (такова категория рода в русском имени существительном: каждому существительному присущ, как правило, какой-то определенный род — мужской, женский или средний, а проявляет себя эта принадлежность к определенному роду в формах того слова, которое согласуется с именем существительным).

Грамматическим категориям, связанным с отдельным словом, противостоят грамматические категории, проявляющиеся только в рамках целого предложения или сочетания знаменательных слов (такие, как «утверждение : вопрос» или «простое : приблизительное указание количества», см. § 141).

По характеру передаваемых значений грамматические категории можно

разделить на три типа: 1) Объективные по преимуществу отражают наблюдаемые и преломляемые сознанием человека связи и отношения объективной действительности (например, число в именах существительных). 2) Субъективно-объективные отражают соотношение между описываемой ситуацией и положением субъектов — участников общения (категории лица, времени) или устанавливают тот угол зрения, под которым рассматривается действительность (зачленение, вид, определенность/неопределенность, выражаемая в ряде языков артиклем). 3) Формальные используются главным образом для сигнализации факта связи между словами, но не отражают каких-либо различий в объективной действительности или в ее субъективном восприятии (грамматический род у тех существительных, у которых он не связан с полом).

Грани между перечисленными типами изменчивы. Граммемы большинства

категорий многозначны; из своего «с е м а н т и ч е с к о г о спектра», т. е. из набора потенциально присущих им в языке значений, они в речи, в разных случаях употребления «актуализируют» то одно, то другое. Так, в русском языке 2-е лицо может выступать и в значении 'адресат речи', и в так называемом обобщенно-личном значении, например в пословицах типа **Что посеешь, то и пожнешь**, где 2-е лицо относится к любому человеку. Множественное число чаще всего обозначает раздельное множество предметов, единиц («**Книги** лежали на столе», «**Студенты** пришли на консультацию»), а у некоторых существительных множество разновидностей, сортов данного вещества («сухие **вина**», «эфирные **масла**). Оно может экспрессивно указывать на большое количество чего-либо, не исчисляемого единицами (**снега, пески**), либо относиться к одному человеку, субъективно трактуемому как некое (фиктивное) «множество» (в официальном обращении на «**Вы**», в «авторском» **мы** и т. п.). Наконец, в таких географических названиях, как **Новосокольники, Афины, Фивы**, множественное число, собственно, вообще не выражает никакой

множественности (или «расчлененности») предмета, а выступает как чисто формальная примета, служащая лишь для согласования другого слова с данным существительным («древние Афины»). Не является всегда одинаковым и значение единственного числа. Чаще всего оно указывает на единичность («Рыба сорвалась с крючка»), но может употребляться и в собирательном смысле, когда говорят о некотором (не расчленяемом мыслью) множестве (торговля рыбой), а также и в самом общем смысле, когда противопоставление единичности и множественности оказывается несущественным («Рыба дышит жабрами», т. е. рыба как общее понятие, всякая рыба и тем самым все рыбы). Можно утверждать, что единственное число составляет в русском и во многих других языках как бы «фон» для более специфического и яркого множественного. Также и в других грамматических категориях типичны случаи большей или меньшей смысловой неравноценности составляющих их граммем.

От грамматических категорий нужно отличать грамматические разряды слов. Среди этих разрядов есть семантико-грамматические и формальные.

1. Семантико-грамматические разряды характеризуются семантическими

особенностями, проявляющимися в грамматическом функционировании соответствующих слов. Самые крупные из этих разрядов — так называемые части речи (§181 и след.). Внутри частей речи выделяются группировки помельче, например, среди существительных — личные и неличные или (в русском языке) одушевленные и неодушевленные, далее — «имена единиц» и «имена масс», или, шире, считаемые и несчитаемые, наконец, конкретные (предметные) и абстрактные (непредметные, или «фиктивно-предметные»), среди прилагательных — качественные и относительные и т. д. Особое место занимают словообразовательные разряды, проявляющиеся в словообразовательной структуре слова, например «имена действия» (ношение, несение, подписывание, подписка), «имена действующего лица» (носитель, подписчик) и др. 2. Формальные разряды различаются по способу образования грамматических форм входящих в них слов. Это деklinационные классы, т. е. разные склонения (ср. склонение слов весна и осень), конъюгационные классы, т. е. разные спряжения (например, 1-е и 2-е спряжения в русском или сильное и слабое спряжения в германских языках), разные типы образования степеней сравнения и т. д. Между формальными разрядами в принципе отсутствуют отношения смыслового противопоставления: это параллельные способы выражения одних и тех же грамматических значений, обслуживающие традиционно закрепленный за каждым способом круг лексем.

Остановимся на взаимодействии грамматических категорий с семантико-грамматическими разрядами слов. Один тип такого взаимодействия — модификация конкретного содержания граммем при их «накладывании» на слова определенного семантико-грамматического разряда.

Выше мы видели, как граммема «множественное число» наполняется разным содержанием в зависимости от ее приложения к «именам единиц» или некоторым «именам масс»; как мужской и женский род в применении к существительным, обозначающим лиц (и некоторых животных), указывают на пол, а в применении к другим служат лишь средством формального согласования. Другой тип влияния семантико-грамматических разрядов и даже лексического значения слов на грамматические категории — явление семантически обусловленной дефектности грамем: иногда значение грамемы и значение разряда (или отдельных входящих в него слов) оказываются несовместимыми или трудно совместимыми, и тогда соответствующие формы вообще не образуются (или же теоретически могут быть образованы, но на практике не употребляются). Так, многие «имена масс», названия абстрактных понятий, а также некоторые имена собственные не образуют множественного числа, например, в русском языке такие слова, как пух, молоко, молодость, гнев, Москва, Днепр — так называемые *singularia tantum* (т. е. имеющие только единственное число) 1. Другие слова этих же семантико-грамматических разрядов, напротив, не имеют форм единственного числа. Таковы в русском языке так называемые *pluralia tantum*: духи, дрова, дрожжи, хлопоты, сумерки, географические имена вроде Афины, Карпаты, имена «двуединных» предметов — ножницы, щипцы, брюки, сани и т. д. Важно то, что категория числа и в одной, и в другой группе оказалась (в данном языке) неприменимой к словам определенной семантики. Еще пример: значение сравнительной и превосходной степеней несовместимо с лексическим значением прилагательных босой (нельзя быть «более босым» или «самым босым»), полый, двойной, дедушкин — отсюда невозможность форм вроде «босее», «босейший» и т. д.

Взаимодействие лексических и грамматических значений в языке совершенно естественно. Ведь области тех и других не составляют каждая какого-то «отдельного царства». Напротив, одна и та же информация нередко может быть выражена то как грамматическое, то как лексическое значение, то как сочетание одного и другого. Ср. человек двести (грамматическое выражение приблизительности порядком слов), **приблизительно двести человек, около двухсот человек** (лексическое выражение той же идеи особым словом) и **приблизительно человек двести** (комбинация того и другого).

Числительные либо слова много, несколько, множество дублируют (и одновременно уточняют) информацию, передаваемую грамматическими формами множественного числа; слова вроде вчера, давно, в прошлом дублируют (и уточняют) информацию, даваемую формами прошедшего времени, и т. д. Некоторые языки избегают в определенных случаях подобного дублирования. Так, в венгерском, финском, тюркских и многих других языках существительное при числительном ставится всегда в форме ед. ч. (азерб. **ики адам** 'два человека') как в форме «фоновой», имеющей более общее, как бы нейтральное значение.

Грамматическая наука традиционно подразделяется на два больших отдела — морфологию 3 , или грамматику слова, и синтаксис 4 , или грамматику связной речи (и вообще единиц, больших, чем отдельное слово). Разделение на морфологию и синтаксис в известной мере условно, так как грамматические значения, стоящие за изменением форм слова, полностью раскрываются только при учете синтаксических функций этих форм, т. е. их функций в рамках словосочетания и предложения. В составе «грамматики слова» выделяются область, связанная с образованием слов как лексических единиц языка, и область, связанная с образованием грамматических форм слова. Первую область называют наукой о словообразовании (иногда дериватологией)¹ , вторую — собственно морфологией. В грамматиках многих языков немалую роль играет описание технических правил, связанных с функционированием формальных грамматических категорий, с различиями между формальными разрядами и распределением слов по этим разрядам. Но подлинную «душу» грамматики составляет не такое техническое описание, а выявление смысловых различий, стоящих за грамматическими правилами, т. е. выявление грамматических значений и категорий. Поэтому и в словообразовании, и в собственно морфологии, и в синтаксисе на первое место выдвигаются проблемы грамматической семантики (как в комплексе лексикологических дисциплин ведущее место принадлежит семасиологии).

МОРФЕМА—ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ДВУСТОРОННЯЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

а) Общее понятие о морфеме

Выше мы уже не раз имели дело с морфемой — минимальной двусторонней единицей языка, т. е. такой единицей, в которой 1) **за определенным экспонентом закреплено то или иное содержание и которая** 2) **неделима на более простые единицы, обладающие тем же свойством.**

Понятие морфемы ввел И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) как объединяющее для понятий корня, приставки, суффикса, окончания, т. е. как понятие минимальной значащей части слова, линейно выделяемой в виде некоторого «звукового сегмента» (отрезка) при морфологическом анализе. Наряду с этими, как теперь говорят, сегментными морфемами Бодуэн рассматривает и нулевые морфемы, «лишенные, — как он пишет, — всякого произносительно-слухового состава»² , выступающие, например, в формах им. п. ед. ч. **дом, стол** или род. п. мн. ч. **мест, дел** (нулевые окончания). Позже в работах многих лингвистов разных стран понятие морфемы было значительно расширено и углублено и постепенно стало одним из центральных понятий в мировом языкознании. Теперь морфема рассматривается как универсальная языковая единица. Наряду с сегментными морфемами — частями слов — выделяются сегментные морфемы, функционирующие в качестве целого слова — служебного (например, наши предлоги **к, на**, союзы **и, но**) или знаменательного (**здесь,**

увы, метро, рагу). Есть языки, например вьетнамский, в которых подобные морфемы-слова (или, как их иногда называют, «свободные морфемы») являются количественно преобладающим типом. Выделены и другие разнообразные типы морфем, описываемых как «морфемы-операции»

Вычленение морфем — частей слов — основывается на параллелизме между частичными различиями, наблюдаемыми во внешнем облике (звучании) слов и их форм, и частичными различиями в значениях (лексических и грамматических), передаваемых этими словами и формами. Так, между формами **груша**, **груши**, **грушу**, **груш** наблюдается частичное различие в звучании: начало этих форм / grusa / во всех взятых формах одинаково, а концы /a/, /ы/, /u/ и нулевое—во всех формах разные. Этому частичному различию в звучании параллельно частичное различие в значении: хотя все формы обозначают известный съедобный плод, каждая сочетает это значение с особой комбинацией грамматических значений падежа и числа. Естественно считать, что общий элемент звучания является носителем общего элемента в значении, а специфические для каждой взятой формы элементы звучания являются носителями специфических компонентов значения. Таким образом, элементу / grusa / мы можем приписать значение 'известный съедобный плод'; а элементам /a/, /ы/, /u/ и /#/ соответственно значения: им. п. ед. ч., род. п. ед., вин. п. ед. ч. и род. п. мн. ч. Этот же вывод подтверждается сравнением словоформы **груша** (и других привлеченных словоформ) с иными частично различными формами. Так, **груша** может быть сопоставлена с формами **нива**, **лампа**, **собака**. В этом ряду тождественными окажутся концы (езде /a/), а различными начала, причем параллельно мы будем наблюдать тождество грамматического значения (во всех взятых формах значение им. п. ед. ч.) и различие лексических значений. Сравнивая, далее, **груша**, например, с **грушка**, мы отмечаем в звучании **грушка** добавочный элемент /k/ и параллельно в значении этой формы тоже добавочный элемент — значение малого размера (или эмоциональный оттенок «ласковости»). Естественно, что именно это /k/ мы будем считать носителем этого значения или эмоционального оттенка. Так, путем сравнения форм, частично различных (и тем самым частично сходных) по звучанию и по значению, мы выявляем различия (и сходства) в звучании, параллельные различиям (и, соответственно, сходствам) в значении, и таким образом устанавливаем единицы, в которых за определенным экспонентом (отрезком звучания, иногда нулем звучания и т. д.) закреплено определенное содержание (значение). Если эти единицы окажутся **минимальными**, т. е. не поддающимися дальнейшему членению на основе того же принципа, то это и будут морфемы. Во взятых нами примерах это именно так: выделенный элемент / grusa / уже не обнаруживает частичного различия по звучанию и одновременно по значению (и, соответственно, частичного сходства по звучанию и одновременно по значению) ни с каким другим элементом современного русского языка. Есть формы, частично сходные по звучанию (скажем, **грубый**, **грусть**, **рушить**), но по значению они не имеют ничего

общего с **груша**. Есть в языке в той или иной мере близкие значения (скажем, названия других съедобных плодов), но они выражаются звуковыми комплексами, не имеющими ничего общего с / grusa /. Следовательно, единица, представленная отрезком звучания / grusa /, неделима далее на двусторонние, «звукосмысловые» единицы, т. е. это элементарная двусторонняя единица — морфема. Морфемами являются и другие единицы, выделенные в приведенных примерах, представленные однофонемными отрезками /a/, /ы/, /u/, /к/ и /#/.

Как абстрактная единица в системе языка, всякая морфема есть инвариант, но очень многие морфемы выступают в виде ряда (набора) языковых вариантов — а л л о м о р ф е м (или алломорфов) ¹. В тексте, в потоке речи морфема, как уже упоминалось (§30), представлена своими конкретными речевыми экземплярами — морфемами. Поскольку морфема — единица двусторонняя, ее языковое варьирование оказывается двояким. Это может быть варьирование в плане выражения, т. е. варьирование экспонента, либо варьирование в плане содержания, т. е. полисемия морфемы, аналогичная полисемии слова. Пример экспонентного варьирования: глагольный префикс **над-** в русском языке выступает в вариантах /nad/, /nat/, /nado/, /nada/ (ср. **надрежу**, **надстрою**, **надорван**, **надорву**). Пример содержательного варьирования: тот же префикс вносит в глагол либо значение прибавления сверху к чему-то, уже имеющемуся (**подрисую**, **надстрою**, **надошью**), либо значение проникновения на малую глубину, на небольшое расстояние от поверхности предмета (**надрежу**, **надкушу**, **надорву**). Между экспонентными вариантами морфемы наблюдаются либо отношения неперекрещивающейся дистрибуции (так обстоит дело с рассмотренными экспонентными вариантами префикса **над-**), либо отношения «свободного варьирования» (ср. варианты окончания /oj/ и /oju/ в формах тв. п. ед. ч. вроде **рукой** и **рукою**). Соответственно двум указанным типам дистрибутивных отношений можно говорить об обязательных экспонентных вариантах морфемы (/nad'-, /nat/- и т. д.) и о вариантах факультативных (-/ oj/ и -/oju/) (ср. §55). Что касается содержательного варьирования, т. е. полисемии морфемы, то, как и всякая полисемия, она разграничивается и снимается контекстом, прежде всего с помощью соседних морфем: **над-** реализует одно из своих значений в сочетании с **-рисую**, и другое значение — в сочетании с **-режу**.

б) Корни и аффиксы

Сегментные морфемы — части слов (части простых, синтетических словоформ) — разделяются на два больших класса: 1) корни и 2) некорни, или аффиксы ¹. Эти классы противопоставлены друг другу прежде всего по характеру выражаемого значения и по своей функции в составе слова.

В составе знаменательных слов корни являются носителями лексических значений, обычно совпадающих с лексическими значениями слов, содержащих эти корни и наиболее простых по морфологической структуре. Так, значение корня **рук-** совпадает с лексическим значением

слова **рука**. В знаменательных словах более сложной структуры корень (или каждый из корней, если их в слове несколько) несет какую-то часть целостного лексического значения слова или же выступает как «опора» мотивировки. Ср. значение того же корня **рук-(руч-)** в **ручка** 'маленькая рука' и **ручка** (дверная, для писания и т. д.), **рукомойник**, **ручной**, **рукав**, **приручить**, **выручить** и др., а также значение второго корня **мой- (мы-)** в **рукомойник**. Аффиксы не несут самостоятельных лексических значений, их значения либо лексико-грамматические (словообразовательные, деривационные), либо собственно грамматические (как иногда говорят, реляционные, т. е. выражающие отношения), либо, наконец, они выполняют формально-структурные и формально-классифицирующие функции. В приведенных словоформах представлены все три типа аффиксов. Так, деривационными аффиксами являются **-к-** в **ручка**, **-ник** в **рукомойник**, **при-** и **вы-** в **приручить** и **выручить**; реляционными — **-а** в **рука** и **ручка**, **-ой** в **ручной**; формально-структурным — соединительный гласный, связывающий два корня в сложном слове **рукомойник**; формально-классифицирующим — показатель формального разряда (типа спряжения) **-и-**, стоящий в **приручить** и **выручить** перед реляционной морфемой — показателем инфинитива **-ть /t'/**.

Корень (или сочетание корней) образует смысловое ядро и структурный организующий центр слова 2. Деривационные аффиксы участвуют вместе с корнем (сочетанием корней) в формировании целостного лексического значения слова. Так, лексическое значение слова **ручка** 'маленькая рука' складывается из значения корня и значения уменьшительности (или ласкательности), вносимого аффиксом **-к-**; в **ручка** (дверная, для писания и т. д.) значения корня и особенно аффикса менее отчетливы, они почти растворены в целостном лексическом значении слова, развившемся как переносное; можно сказать, что значения корня и аффикса превратились здесь в компоненты мотивировки. Вполне отчетливо значение аффикса **-ник** 'орудие, приспособление для ...' в слове **рукомойник**; значение же деривационного аффикса **-н-** 'относящийся к ...' в **ручной** является очень общим.

Грамматические значения, присущие словоформе и слову в целом, выражаются разными способами — реляционными аффиксами, нулевыми морфемами (например, в род. п. мн. ч. **рук**) и другими типами несегментных морфем (см. ниже), отчасти также деривационными аффиксами, а в некоторых случаях даже и самими корнями. Последнее наблюдается в супплетивных рядах, когда разные грамматические формы одного слова образуются от разных корней 1. Так, в ряду **хорошо** — **лучше** значение сравнительной степени выражено не только аффиксом **-ш-** (как в **раньше**), но и заменой корня **хорош-** корнем **луч-**.

Что касается формально-структурных (соединительных) и формально-классифицирующих аффиксов, то они несут чисто вспомогательные функции, не связанные, по крайней мере прямо, с передачей каких-либо смысловых противопоставлений. Можно сказать, что аффиксы эти не

обладают значениями в обычном смысле слова, даже такими «формальными» значениями, как значение грамматического рода, где оно не связано с полом. Содержательная сторона этих аффиксов сводится к их соединительной функции, к указанию на принадлежность слова к тому или иному формообразовательному разряду и т. д. Такого рода содержание беднее, чем у обычных грамматических морфем, и все же структурные и формально-классифицирующие морфемы вычленяются как отдельные единицы.

Экспонент сегментной морфемы — части слова — включает следующие

характеристики: 1) он представлен сегментом определенной протяженности (фонемой или некоторой последовательностью фонем), причем фонемный состав сегмента может быть постоянным (например, у префиксов **при-**, **у-**, **вы-**, у корня **груш-**) или же переменным (например, у префикса **над-**, у корня **рук-**), а сегмент — непрерывным (в приведенных примерах) или прерывистым (см. ниже); 2) этот сегмент занимает определенную позицию в линейной последовательности сегментов, представляющих морфемы, на чем основано выделение понятий префикса, окончания и т. п.; 3) этот сегмент может воздействовать на фонемный состав соседних сегментов, вызывая в них те или иные чередования фонем. Например, суффикс прилагательных **-н-** вызывает в корне чередования /k/ □ /č/ , /g/ □ /p/ , /h/ □ /š/ , /l/ □ /l'/ (ср. **рука** — **ручной**, **нога** — **ножной**, **смех** — **смешной**, **дело** — **дельный**); 4) во многих языках (в частности, и в русском) сегмент, представляющий морфему, обладает определенной супрасегментной, просодической характеристикой, проявляющейся как в нем самом (скажем, он может быть всегда ударным или, напротив, всегда безударным), так и в рамках других сегментов того же слова; так, суффикс **-ша-/-ыва-**, оформляющий образования несовершенного вида, перетягивает ударение на слог, который непосредственно предшествует этому суффиксу: ср. **прочитать** — **прочитывать**, **перебаллотировать** — **перебаллотировывать** (ср. также §80,1). Между экспонентами корней и аффиксов наблюдаются различия, которые могут относиться к любому из указанных пунктов.

Различия в линейной протяженности и фонемном составе. В среднем протяженность корневого сегмента оказывается больше средней протяженности сегмента аффиксального, а наиболее короткими являются сегменты формально-структурных и формально-классифицирующих морфем. Бывает так, что набор фонем, используемых в аффиксальных сегментах, уже полного набора фонем, имеющих в данном языке. В арабском, иврите и других семитских языках экспонент корня, как правило, содержит одни только согласные фонемы (обычно в количестве трех). Эти согласные составляют «скелет» слова (и ряда слов, связанных словообразовательными отношениями) и в реальных словоформах бывают разделены вставкой гласных, принадлежащих аффиксам. Так, в араб. **kataba** 'он написал', **kutiba** 'был написан', **kdtibun** 'пишущий', 'писец', 'секретарь', **kitabun** 'книга, письмо', **maktabun** 'школа, кабинет, контора, письменный стол' (вообще 'место, где

пишут') выделяется трехсогласный корень **k...t...b** и разные аффиксы, экспоненты которых состоят либо из одних гласных, либо из гласных и немногих согласных.

Различия в позиционной характеристике. В соответствии с ролью корня как смыслового ядра слова, сегмент, представляющий корень, служит ориентиром, по отношению к которому определяется позиция всех аффиксальных сегментов. В русском языке (и ряде других) возможны три позиции и, сообразно этому, три главных позиционных класса аффиксов:

1) позицию перед корнем или корнями (нередко, исходя из письменного облика слова, говорят «слева от корня») занимают **префиксы**, или приставки, что особенно типично для глаголов и отглагольных имен, но широко наблюдается и в других частях речи (ср., например, префикс **най-** в превосходной степени прилагательных);

2) позицию после корня или корней («справа») занимают **постфиксы** (в широком смысле), нередко представленные в русском языке цепочками из нескольких единиц в одной словоформе;

3) позиция между двумя корнями нередко бывает заполнена **интерфиксом**; в качестве интерфиксов выступают формально-структурные, соединительные аффиксы, например орфографическое **-о-** (собственно **-/а/-**) в **лесоруб** или орфографическое **-е-** (собственно **-/и/-**) в **бурелом 1** .

Постфиксы в широком смысле в свою очередь подразделяются дальше, исходя из смешанных функционально-позиционных критериев. Так, выделяют окончания (или флексии), которые в большинстве случаев (а в некоторых языках всегда) занимают позицию на самом конце простой словоформы, а главное выражают те или иные синтаксические связи данного слова с другими словами. Поэтому говорят о падежных, личных и родовых (например, в **несла, несло**) окончаниях, но обычно не считают окончанием стоящий всегда на конце показатель инфинитива. Большинство постфиксов, не попадающих в число окончаний, называют суффиксами 1 . В русской грамматике выделяют еще одну группу — постфиксы в узком смысле. Это возвратная морфема **-ся/-сь**, которая всегда ставится после окончания, также **-то, -либо** в **какой-то, какой-либо**. Префиксы и постфиксы разного рода широко представлены во многих языках, однако есть языки, в которых один из этих типов почти вовсе отсутствует или используется редко (см. § 264). Интерфиксы есть, в частности, в немецком («соединительное **-s-**»), например, в **Arbeitstag** 'рабочий день') 2 . В некоторых языках система позиционных классов морфем является более сложной. В частности, встречаются так называемые прерывистые морфемы, представленные сегментом, способным расщепляться (или всегда расщепляемым) вставкой «постороннего» сегмента, представляющего другую морфему. Продолжая начатую нумерацию, мы выделим еще следующие классы аффиксов:

4) если непрерывный аффиксальный сегмент вставляется внутрь прерывистого корневого, перед нами **инфикс**, например инфикс настоящего времени (и производных от него форм) **-n-** в лат. **findo** 'раскалываю' (ср.

перфект *fidi* 'я расколол', корень *fi...d-*); инфиксы используются в ряде глагольных форм древних и некоторых современных индоевропейских языков (древнегреческого, латыни, литовского), в тагальском (на Филиппинских островах) и в некоторых других языках 3;

5) если прерывистый аффиксальный сегмент охватывает с двух сторон корень, перед нами конфикс, или, лучше, **циркумфикс**, например *ge...t* и *ge...en* в причастии (втором) немецкого языка: *gemacht* 'сделанный', *gelesen* 'прочитанный' (корни *mach-*, *les-*); исторически циркумфикс есть сочетание префикса и постфикса, слившихся в смысловом и функциональном отношении в одно целое, в одну морфему (в грамматическом значении причастия невозможно выделить компонент, который бы передавался именно частью *ge...* или именно частями *...t*, *...en*) 4 ;

6) наконец, если прерывистый аффиксальный и прерывистый корневой сегменты взаимно сцеплены друг с другом (как в примерах § 154), такой аффикс принадлежит к классу **трансфиксов**¹. Так, в ряде арабских существительных единственное число выражено трансфиксом *-a...#-*, а множественное—трансфиксом *- u ...u“ -*; ср. (при корне *b...j... t*) *bajt* 'дом'—*bujut* 'дома', (при корне *d...r...s*) *dors* 'урок'—*durū“ s* 'уроки', так же и в заимствованном из европейских языков *bank* 'банк' выделяется корень *b...n...k* (ср. мн. ч. *bunu“ k*).

Различия в воздействии на фонемный состав соседних сегментов и в просодических характеристиках. В русском и многих других языках последующая морфема чаще воздействует на предыдущую (корень — на префикс, постфикс, следующий сразу за корнем,— на корень и т. д.). В немецком постфикс множественного числа существительных *-er* всегда вызывает так называемый умлаут (перегласовку), если только гласный корня способен подвергаться перегласовке (например, *Dorf* 'деревня'—*Dörfer*, *Wald* 'лес'—*Wälder*, *Buch* 'книга' — *Bücher*, *Haus* 'дом' — *Häuser* и т. д., без единого исключения). Во всех подобных случаях воздействие на соседние сегменты составляет столь же существенную и неотъемлемую характеристику экспонента воздействующей морфемы, как и фонемный состав ее собственного сегмента. В ряде тюркских и финно-угорских языков наблюдается регулярное воздействие корня (в сложных словах — последнего по порядку корня) на фонемный состав постфиксов. Это явление так называемой гармонии гласных.

Что касается просодических характеристик, то, например, в древних германских языках роль корня как смыслового ядра слова подчеркивалась его ударностью. Это проявляется еще и сейчас, если отвлечься от позднейших заимствований.

Мы рассмотрели сегментные морфемы — части знаменательных слов. Однако корни и аффиксы могут быть выделены и во многих служебных словах, в частности в таких, как вспомогательные глаголы — русск. *буду*, англ. *has*, *had*, французский определенный артикль *le*, *la*, *les* и т. п. В этих случаях и корень и аффикс выражают грамматические значения, хотя и

разные: корень **буд-** — значение времени, а аффикс **-у** — значение лица и числа или корень **l-** — 'определенность', а аффиксы **-ĭ /, -/a/, -/e/** или **-/ ez/** (перед гласным)— значение рода и числа. Здесь корень утратил лексическое значение (сохраненное корнями соответствующих знаменательных слов — знаменательных глаголов **быть** 'существовать', **to have** 'иметь', корнем личного местоимения **le** 'его' и т. д.). Однако корень и в служебном слове остается смысловым ядром: он несет то грамматическое значение, которое является общим для всех форм, образованных с данным служебным словом.

С учетом функциональной и смысловой близости между аффиксами и служебными словами рассмотренные типы морфем группируют еще и по-другому. Среди них выделяют:

1) лексические (знаменательные) морфемы, включая а) корни знаменательных слов и б) морфемы — знаменательные слова;

2) грамматические (служебные) морфемы, куда входят а) аффиксы знаменательных слов, б) морфемы — служебные слова и в) морфемы — части (в том числе корни) служебных слов.

Лексических морфем в каждом языке значительно больше, чем грамматических. Но в речи, в тексте средняя частота употребления грамматической морфемы (особенно реляционной) существенно выше средней частоты употребления морфемы лексической.

Кроме того, лексические морфемы входят в состав «неограниченных инвентарей», для живого языка их нельзя задать списком; грамматические же морфемы образуют «замкнутые системы», и в каждом языке их исчерпывающее перечисление вполне осуществимо.

в) Нулевые морфемы и морфемы-операции

Нулевые морфемы — это морфемы с нулевым экспонентом, передающим то или иное грамматическое значение. Нулевой экспонент есть значащее отсутствие аффикса или служебного слова, регулярно противопоставляемое наличию аффикса или служебного слова в соотносительных случаях. Так, отсутствие окончания в форме **бел** рассматривается как нулевая морфема, поскольку эта форма противопоставлена форме **белый** и, с другой стороны, формам **бела, бело, белы**.

В зависимости от того, чему именно противопоставлен нулевой экспонент, различают несколько видов нулевых морфем. Самый известный из них — нулевое окончание, или нулевая флексия (ср. только что приведенный пример). Нулевой суффикс имеем в формах мн. ч. **болгары, крестьяне** — при ед. ч. **болгарин** и т. д. с суффиксом **-ин-**; в формах совершенного вида **решу, одолею, оценю, расскажу** — при несовершенном виде с суффиксами **-а-** (решаю), **-ва-** (одолеваю), **-ива-/ -ыва-** (оцениваю, рассказываю). Нулевых префиксов в русском языке нет, поскольку префиксы не создают у нас таких регулярных противопоставлений, которые позволили бы говорить при отсутствии префикса о нулевой морфеме. В болгарском языке префиксы **по-** и **най-** являются обязательными и единственными

морфемами, передающими значение сравнительной и превосходной степени соответственно, поэтому в положительной степени с полным правом может быть выделен нуль префикса: #\хубав 'хороший'—по-хубав—най-хубав.

Пример нулевой морфемы, противопоставленной служебному слову: отсутствие вспомогательного глагола в *Ему пора идти* при наличии такого глагола в *Ему было (будет) пора идти*.

Морфемы-операции (иначе супрасегментные морфемы) описываются как операции, производимые над сегментными морфемами (или их сочетаниями) с целью выразить то или иное грамматическое значение. Сейчас мы рассмотрим морфемы-операции, «привязанные» к отдельному слову,— значащие чередования фонем, изменения ударения и тона, а также стоящие особняком морфемы-повторы.

Супрасегментные морфемы, которые проявляются только в словосочетании и предложении (интонация и порядок слов), мы рассмотрим ниже. Все морфемы-операции (как и нулевые морфемы) являются грамматическими, т. е. своеобразными аналогами аффиксов и служебных слов.

Значащее чередование превращается в экспонент особой морфемы, если это чередование становится главным или даже единственным показателем грамматического противопоставления.

Здесь в прилагательном (во всех его формах) на конце корня стоит непалатализованный согласный /r/, /n/, /l/, а в производном существительном (тоже во всех словоформах) — соответствующий палатализованный /r'/, /n'/, /l'/. Важна именно четкая закреплённость определенного альтернанта за определенной грамматической функцией (а не наличие «минимальных пар» типа *стар: старь*, составляющих частный случай). При указанном распределении альтернантов непалатализованный согласный становится показателем прилагательного, а палатализованный — показателем существительного (вместе с соответствующими наборами окончаний отдельных форм). Таким образом, дифференциальный признак палатализованности последней фонемы корня выполняет здесь функцию, аналогичную той, которую в других случаях выполняет суффикс (ср. слова *старость, новизна, слепота* и т. д.). Можно сказать, что в фонеме /r'/ слова *старь* все, кроме палатализованности, принадлежит корню, а палатализованность составляет супрасегментный экспонент грамматической морфемы, иногда называемой «симульфиксом» (от лат. *simul* -одновременно, вместе с'), либо что грамматической морфемой является здесь самый факт замены непалатализованного согласного палатализованным (/r □r'/, /n □n'/ и т. д.), т. е. определенная операция над фонемным составом корня.

Другим аналогичным примером могут служить англ. *house* /haus / 'дом' и *house* /hauz / 'поселить', *extent* /'ikst'ent / 'протяжение, степень' и *extend* /'ikst'end / 'простирается, протягивать' и т. д.; здесь звонкость последнего согласного отличает глагол от существительного.

Таким же образом используются и чередования гласных. В немецком языке формы множественного числа многих существительных образуются с умлаутом (перегласовкой) гласного в корне. В ряде случаев умлаут выступает не в качестве «сопроводителя», а самостоятельно:

<i>Mutter</i> /mʏtɐr/	‘мать’ — мн. ч.	<i>Mütter</i> /mʏtɐr/
<i>Bruder</i> /brʏlʊ:ɔdɐr/	‘брат’ — -»-	<i>Brüder</i> /brʏlʏ:ɔdɐr/
<i>Tochter</i> /tɔxɪtɐr/	‘дочь’ — -»-	<i>Töchter</i> /tɔɕɪtɐr/
<i>Ofen</i> /ɔ:fɛn/	‘печь’ — -»-	<i>Öfen</i> /ø:fɛn/

В этих случаях принадлежность корневого гласного к заднему или к переднему ряду выступает как основной показатель соответственно единственного или множественного числа (хотя «по совместительству» на число указывают также формы артикля и окончания некоторых надежей). ДП ряда оказывается здесь экспонентом грамматической морфемы, тогда как остальные ДП гласной фонемы (лабиализованность, степень подъема, долгота или краткость) принадлежат экспонентам соответствующих корней. В английском языке, где артикль не изменяется по числам, перегласовка может оказаться даже единственным показателем множественного числа. Ср., например, *tooth* | tu : T | ‘зуб’ — мн.ч. *teeth* [ti:T], *mouse* [maʊs] ‘мышь’ — мн.ч. *mice* [maɪs] и др. Еще более разнообразные чередования гласных (так называемый аблаут) используются в германских языках в формах сильных глаголов, а также при образовании от этих глаголов других слов; ср. англ. *sing* [sɪŋ] ‘петь, пою’ и т.д.—*sang* [sŋŋ] ‘пел’—*sung*[sʏŋ] ‘спетый’—*song* [soŋ] ‘песня’; нем. *binden* ‘связывать’— прош. *band* — прич. II *gebu _ nden* (в сочетании с циркумфиксом *ge...en*) — *Binde* ‘повязка’— *Band* ‘связь, лента, том’— *Bu _ nd* ‘союз’. Внешне факты такого рода несколько похожи на трансфиксацию (§ 155,6) и нередко объединялись с нею в понятии «внутренняя флексия».

В ряде случаев используется усечение какой-либо части слова или корня, т. е. чередование соответствующих фонем с нулевой. Во французском языке так образуются формы мужского рода некоторых прилагательных. Ср. *longue* /lɔŋ/ ‘длинная’—муж. р. *long* /lɔ̃/, *fraîche* /frɛʃ/ ‘свежая’—муж. р. *frais* /frɛ/, *douce* /dus/ ‘сладкая’ — муж. р. *doux* /du/ и т. д. Согласный, стоящий здесь на конце формы женского рода (/g/, /ʃ/, /s/ и т. д.), принадлежит корню, как показывают, в частности, производные слова (*longueur* /lɔŋœ:r/ ‘длина’, *longuement* /lɔ̃:gmɑ̃/ ‘долго, пространно’ и т. д.). Отсюда явствует, что не женский род образуется от мужского прибавлением, а, напротив, мужской от женского отбрасыванием последнего согласного. Иногда в таких случаях говорят об «отрицательной» или «вычитательной» морфеме.

Сдвиг ударения рассматривается как морфема в тех случаях, когда он становится основным показателем какого-либо грамматического значения. Например, в английском языке глагол и существительное могут различаться местом ударения: *progress* /prou'gres/ ‘прогрессировать’ — *progress* /'prougres/ ‘прогресс’; *import* /imp'o:t/ ‘импортировать’ — *import* /'impo:t / ‘импорт’ *increase*

/ inkri :i :s/ 'увеличивать' — **increase** / :Inkri :s/ 'прирост'; **forecast** / f'kʃk:ɑst / 'предсказывать'—**forecast** / f:Kʃkɑst / 'предсказание'. Ударение на втором слоге сохраняется во всех глагольных формах (**progr' esses, progr'essed, progr'essing**) и составляет их общий признак, противостоящий ударению на первом слоге как признаку существительного. Таким образом, ударение выполняет здесь ту же функцию, которую в русском языке выполняют аффиксы отыменного глагола (например, суффикс **-иру-/-иров-** в **прогрессирую**) или отглагольного существительного (например, **-an'ij/-** в **предсказание**): слово одной части речи образуется от слова другой части речи операцией сдвига ударения.

В русском языке у многих существительных наблюдается четкая противопоставленность по ударению всех форм единственного числа всем формам множественного числа. Ср., с одной стороны, **мОре— морЯ, пОле — полЯ, кОлокол — колоколА**, а с другой — **селО — сёла, колесО — колёса, бедА — бЕды, трубА — трУбы** и т. д. Эти противопоставления дают в отдельных случаях «минимальные пары», различающиеся только местом ударения при тождественном составе фонем, вроде **пАруса — парусА, хУтора — хуторА** или **лицА — лиЦа, трубЫ — трУбы**. Важнее, однако, то, что независимо от совпадения отдельных окончаний все формы единственного числа противопоставлены здесь по ударению всем формам множественного числа. Именно это и делает определенный тип ударения основным показателем числа (конечно, наряду, с соответствующим набором окончаний).

Как морфему-операцию можно рассматривать также устранение (или ослабление) ударения при превращении знаменательного слова в служебное (например, наречия — в предлог, местоимения — в артикль).

Роль грамматической морфемы могут играть и различия слогового акцента

(тонов). Так, в америндейском языке тлингит (южное побережье Аляски) многие глаголы, например **hun** 'продавать', **sin** 'прятать', **tin** 'видеть', произнесенные с низким тоном, информируют о прошедшем, а с высоким тоном — о будущем времени. В западноафриканском языке Игбо глагол **ivu** 'нести' и существительное **ivu** 'груз' (и другие подобные пары) различаются тем, что в глаголе первый слог произносится с высоким, а второй — со средним тоном, а в существительном — оба слога с высоким тоном.

Своеобразным типом морфем-операций являются повторы тех или иных

отрезков — частей слов или целых словоформ, так называемая редупликация (удвоение). Редупликация может быть полной (повтор целой единицы — слова или морфемы) или частичной (например, удвоение начального согласного); она может сочетаться с заменой в повторяемом отрезке отдельных фонем другими.

Как морфему мы можем квалифицировать повтор там, где с этим повтором четко связывается то или иное грамматическое значение. Таковы

повторы со значением интенсивности качества (синий-синий), интенсивности, длительности и многократности действия (ходишь-ходишь, просишь-просишь). Далее — повторы, передающие значение множественного числа, например в малайском языке: *orang* 'человек' — *orang-orang* 'люди'; в языке хауса: *iri* 'сорт, вид' — мн.ч. *iri-iri*, *dabara* 'совет' — мн.ч. *dabarbara*, *fari* 'белый' — мн.ч. *farfaru*, *nagari* 'хороший' — мн.ч. *nagargaru*; в корейском языке с особым «разделительным» оттенком значения: *saram* 'человек' — *saram-saram* 'каждый из людей'.

В древних индоевропейских языках частичная редупликация — удвоение начального согласного корня в сопровождении гласного — использовалась в глаголе для выражения значения перфекта (значение состояния, а позже — действия, создающего состояние). Ср. греч. *ke/kthmai* 'владею, имею' — от *ktwmai* 'приобретаю', *te/qnhka* 'я мертв, умер' — от *qnhsko* 'умираю' (в перфекте *t* вместо *th* в порядке диссимиляции); лат. *cecidi* 'я упал' — от *cado* 'падаю', *momordi* 'я укусил' — от *mordeo* 'кусаю'. Изолированный остаток редупликации (не связанной с перфектом) сохранен в русских формах *дадим*, *дадите*, *дадут*.

Редупликация во многих случаях может быть описана и иначе — как прибавление особого сегмента, так называемого «аффикса-хамелеона». Фонемный состав экспонента этого аффикса является переменным и определяется каждый раз в зависимости от состава экспонента того корня, к которому аффикс присоединяется.

От повторов — грамматических морфем нужно отличать те случаи, в которых повтор служит средством организации корня (например, в «детских» словах *мама*, *папа*, *баба*, *дядя*, *тетя*, *няня*, *цаца*, в звукоподражательных вроде *ку-ку*, *динь-динь*, *пиф-паф*, также *колокол*) либо средством создания аффективных, эмоционально-насыщенных образований (*тары-бары*, *тяп-ляп*, нем. *Mischmasch* 'мешанина', *Wirrwarr* 'путаница', фр. *peu le-mieu le* 'всякая всячина', *rififi* 'потасовка').

2) Пределы варьирования морфемы. Омосемия, полисемия и омонимия морфем

В предшествующем изложении мы не раз сталкивались с фактами варьирования морфем. Чем же обеспечивается единство морфемы при наличии расхождений между ее вариантами?

Рассмотрим этот вопрос сперва применительно к экспонентному варьированию. Некоторые лингвисты считают, что единство морфемы создается только единством ее функции, что при тождестве значения экспонентов характер самих этих экспонентов безразличен. При таком подходе вариантами одной и той же морфемы оказываются, например, в английском языке в прошедшем времени общего вида (Past Indefinite) суффикс *-ed* в *worked* 'работал' и операция чередования в *wrote* 'писал' (ср. наст. вр. *write*). Другие авторы (в частности, большинство отечественных языковедов) полагают, что о вариантах одной и той же морфемы можно говорить лишь там, где кроме единства функции (тождества значения) есть и

определенные формальные связи между различающимися экспонентами: принадлежность к одному типу, тождество позиционной характеристики, закономерные чередования фонем. Если же при общности функции формальные связи отсутствуют, нужно говорить не о вариантах одной морфемы, а об омосемии 1 (равнозначности) разных морфем.

Омосемичными морфемами как раз и являются упомянутые сейчас суффикс **-ed** и операция чередования в английских формах прошедшего времени; омосемичными являются и функционально тождественные морфемы, принадлежащие к одному типу, если они не связаны чередованиями. Примером такой омосемии могут служить в русском языке суффиксы страдательного причастия **-n/-** (**дан**) и **-t/-** (**взят**), или окончания 1-го л. ед. ч. **-u/** (**сичу**) и **-t/** (**ем**), или тв. п. **-om/** (**столом**), **-ju/** (**костью**) и **-oj/** (**горой, слугой**). Омосемия флексии вообще типична для параллельных конъюгационных и деклинационных разрядов.

При содержательном варьировании единство морфемы создается единством экспонента. Границы содержательного варьирования, т.е. полисемии морфемы, определяются на основании довольно зыбкого критерия смысловой связи между значениями, опирающегося на языковое чутье и не поддающегося формализации. Между двумя значениями глагольного префикса **над-** «чувствуется» момент связи: и в том, и в другом действие глагола оказывается ограниченным в пространстве областью, представляемой как «верх» предмета (в прямом или переносном смысле), что перекликается с пространственным значением предлога **над** и именного префикса **над-**(ср. **надкостный**). Там же, где смысловой связи между значениями нет, следует говорить об омонимии морфем.

Примеры морфем-омонимов: суффикс **-к-** с уменьшительно-ласкательным значением (**головка, ягодка, ручка**); суффикс **-к-** со значением женского пола (**соседка, односельчанка, лентяйка**) и суффикс **-к-** с общим значением 'носитель признака' (**невидимка, кожанка, двустволка, неотложка, также заколка, стружка, выскочка** и др.). Формально все три суффикса-омонима совпадают (ср. появление у всех беглого гласного в род. п. мн. ч.), но резкое различие значений не позволяет объединять их в качестве вариантов одной единицы. Омонимичные префиксы: **с-/со-** в значении 'сверху вниз', 'прочь' (**спрыгнуть, сойти, сбрызнуть**) и **с-/со-** в значении соединения, движения к одной точке (**скрепить, созвать, сжимать**).

Грамматическая структура слова и вопросы словообразования.

Морфемы, рассмотренные в предыдущем разделе, являются «строительным материалом» для более высокой единицы языка — слова. Этот строительный материал используется по-разному в зависимости от грамматической структуры каждого данного типа слов. По наличию/отсутствию формообразования все слова большинства языков разбиваются на два структурных типа — многоформенные (изменяемые) и одноформенные (неизменяемые). С этим делением перекрещивается другое:

по своей словообразовательной структуре слова делятся на производные и непроизводные.

а) Одноформенные и многоформенные слова. Формообразующая основа и форматив.

Одноформенным словом мы называем такое, которое представлено в языке

только одной словоформой, иначе — слово с отсутствующим формообразованием. Примеры: вчера, вприпрыжку, здесь, увы, над, из-за, иг.

Многоформенное слово — это такое, которое существует в виде ряда (набора) словоформ. Лексема не совпадает здесь со словоформой, а представляет собой абстракцию от всех словоформ данного набора (синтетических и аналитических). Например, лексема **читать** — это не только инфинитив **читать**, но и **читаю, читаешь, читал, читавший, буду читать, читал бы** и т. д.

Особо нужно сказать о словах типа **кенгуру, пальто**, традиционно квалифицируемых как неизменяемые. Так как нормой для русского языка является изменяемость существительного по падежам, то и эти слова по их функционированию в предложении должны быть признаны многоформенными (ср. **кенгуру прыгает**—им. п., **вижу кенгуру**— вин. п., **прыжок кенгуру**— род. п. и т. д.), только все словоформы их (кроме аналитических, например о **кенгуру**) омонимичны друг другу, так что лексема и словоформа здесь материально совпадают.

Одноформенное слово может быть одноморфемным (**вчера, здесь, увы, над, и**) или многоморфемным (**из-\за, в\новь, в\при\прыж\к\у**). И в том и в другом случае его морфемный состав является постоянным.

Многоформенное слово строится в разных своих словоформах частично, а иногда и полностью из разных морфем. При анализе такого слова может быть выделена его постоянная часть, построенная во всех словоформах из одних и тех же морфем и называемая формообразующей (или лексической) основой этого слова (сокращенно ФОС), и переменная часть, строящаяся в разных словоформах из разных морфем. Эта переменная часть в каждой словоформе представлена специфическим формативом (или формантом). Так, у слова **стол** постоянную часть, или ФОС, составляет корень **с/пол-**(выступающий в фонетических вариантах /st : ol/-, /stal/- и /stal'/-), а переменную часть — набор окончаний: **-#, -а, -у, -#, -ом** и т. д. Набор формообразовательных формативов, с помощью которых образуются все словоформы данного слова, называется формообразовательной (или словоизменительной) парадигмой этого слова (о более широком значении термина «парадигма» см. § 33). ФОС может состоять из одного корня, как у слова **стол**, или же из корня (корней) и одного или нескольких аффиксов (например, у слова **настольный** — из корня **стол** в варианте **столь-**, префикса **на-** и суффикса **-н-**, точнее **-(i)n/-**, где в скобки взят «беглый гласный»). ФОС может включать «симульфиксы» (например, у слова **старь**, согласно §161, морфему, выраженную признаком палатализованности последнего

согласного). Основа слова (ФОС) может быть определена как часть слова, обязательно содержащая ко-рень (или корни) и повторяющаяся без изменения своего морфемного состава во всех грамматических формах этого слова.

Форматив синтетической (простой) словоформы тоже может быть либо одноморфемным, например, состоящим из одного окончания (в частности и нулевого), как в словоформах слова **стол**, либо многоморфемным, состоящим из двух и более аффиксов, что типично для русского глагола: ср. **-и\шь** в **видишь**, **-л\а** в **пела**, **-/o|m|t'i/-** в **пойдем-те**. Форматив может включать также супрасегментные морфемы. Так, формативы словоформ единственного числа слова **рог** включают как показатель числа ударенность корня, т. е. могут быть записаны так: **--Ы #**, **--Ы а** и т. д.

Есть случаи, когда многоформенное слово не имеет единой основы, так как разные его словоформы образуются от разных корней — случаи супплетивизма (§152). Так, у глагола **идти** часть форм (инфинитив, наст. вр., повелит, накл., прич. и дееприч. наст. вр.) образуется от корня **ид-** (в разных вариантах), а другая часть форм (прош. вр., прич. и дееприч. прош. вр.) — от корня **ш(ед)-**(собственно / sa et /-, / sa o/-, / sa /-). В этих случаях вместо ФОС мы имеем несколько частичных, или парциальных, формообразующих основ. В нашем примере их две, но может быть и больше; например, **их** по три в др.-греч. **hor** оЯ 'вижу' — будущее **о Ы psomai** — аорист **е Я idon** или в лат. **bonus** 'хороший' — **melior** 'лучший' — **optimus** 'самый лучший' 1 .

Иногда парциальные основы отдельных групп форм бывает удобно выделить наряду с ФОС. Так, у слова **зайчонок** кроме общей ФОС **зайч-** можно выделить две парциальные основы — одну для всех форм ед. ч. **зайчон(о)к-** (ср. **зайчонок#**, **зайчонка** и т. д.), а другую—для всех форм мн. ч. **зайчат-** (**зайчата**, **зайчат#** и т. д.) 2 . Одна из парциальных основ может внешне совпадать с ФОС, отличаясь от нее лишь наличием нулевого аффикса. Так, у слов типа **крестьянин**, парциальная основа единственного числа равна ФОС + суффикс **-ин-**, а парциальная основа множественного числа равна ФОС + нуль суффикса. Парциальные основы могут различаться не сегментными аффиксами, а супрасегментными морфемами, как это видно у так называемых сильных глаголов германских языков (например, у нем. **binden** 'связывать' три парциальные основы: **bind-**, **band-** и **-bund-**, от которых с разными аффиксами образуются все его словоформы, см..

2) Аналитические образования

Особой грамматической структурой обладают аналитические образования. Они представляют собой сочетания знаменательного и служебного слов (иногда знаменательного и нескольких служебных), функционирующие как одно знаменательное слово — отдельная словоформа, ряд словоформ или целая лексема.

1. Аналитические образования, которые функционируют в качестве словоформ того или иного слова, имеющего и неаналитические

(синтетические) словоформы, называются аналитическими формами. Мы уже встречались выше с аналитическими формами глагольных времен (русск. **буду писать**, англ. **I'll write**, нем. **ich werde schreiben** и т. п.) и наклонений (русск. **писал бы**, англ. **I should write** и т. д.). Имеются аналитические формы глагольного вида, например так называемый Progressive в английском языке (**I am writing** 'я пишу в данный момент', **I was writing** 'я писал в тот момент'), аналитические формы залога, в частности страдательного (нем. **der Brief wird geschrieben** 'письмо пишется'), у прилагательных и наречий — аналитические формы степеней сравнения (фр. **plus fort** 'сильнее', **le plus fort** 'самый сильный'). Сочетания знаменательных слов с предлогами правомерно рассматривать как аналитические формы падежей (ср. нем. **mit dem Bleistift** или болг. **смолив**, равнозначное русскому тв. п. **карандашом**, англ. **of my friend** или фр. **De mon ami**, равнозначное русск. род. п. **моего друга**; русск. в **город**, равнозначное финскому так называемому иллативу **kaupunkiin**). Сочетания с артиклем в английском, немецком, французском, испанском и в некоторых других языках суть аналитические формы выражения «определенности» и «неопределенности».

Иногда аналитическая форма может быть более или менее синонимична параллельно существующей синтетической. Так, «Эта комната — **более теплая**» = «Эта комната **теплее**», англ. «**the son of my friend**» == «**my friend's son**». В других случаях аналитическая форма не имеет даже приблизительного синонима в числе синтетических форм, но противопоставлена синтетической форме в рамках грамматической категории. Так, в русском языке сложное будущее несовершенного вида и сослагательное наклонение, в английском языке — конкретно-процессный вид (Progressive), во французском — сравнительная и превосходная степени не имеют синтетических параллелей, но участвуют в грамматических категориях, противопоставляясь синтетическим формам. Ср.:

буду писать : пишу : писал (категория времени)

писал бы : пишешь (и др.) : пиши (категория наклонения)

I am (was) writing : **I write (wrote)** и т. д. (категория вида)

(le) plus fort : **fori** (категория степеней сравнения)

Бывает и так, что в словах одного разряда какая-то граммема выражается посредством синтетической, а в словах другого разряда — посредством аналитической формы. Ср. англ. **strong** 'сильный' — сравнит, **stronger**—превосх. **strongest**, **easy** 'нетрудный'—**easier**—**easiest** и т. д., но у многосложных прилагательных: **interesting** 'интересный'—сравнит, **more interesting**—превосх. **the most interesting**.

Формативы аналитических форм имеют сложную структуру: обычно они

представлены сочетанием служебного слова (или нескольких служебных слов) и тех или иных аффиксов в составе знаменательного слова. Так, в русск. **на столе** форматив состоит из предлога **на** и окончания **-е/**, а в **на стол** — из того же предлога и нулевого окончания. Отдельные компоненты такого

сложного формата могут быть соотнесены с отдельными компонентами сложного грамматического значения формы.

2. Аналитические образования, которые функционируют в качестве целой лексемы во всей совокупности ее форм, естественно назвать аналитическими словами. Примером могут служить глаголы типа англ. *to pride oneself* 'гордиться', нем. *sich schämen* 'стыдиться', фр. *s'enfuir* 'убегать', употребляемые всегда только с возвратным местоимением, которое (в отличие от русского возвратного аффикса *-ся/-сь*) является служебным словом.

Глагол *to pride oneself* образован соединением 1) производящей основы / *prai*» d /, представленной в существительном *pride* 'гордость' (глагола «*to pride*» в английском языке нет, как нет в русском глагола «гордить»), и 2) словообразовательного формата, состоящего из двух частей: а) меняющегося по лицам и числам возвратного местоимения и б) набора аффиксальных и аналитических форматов отдельных форм глагола.

Части речи.

Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, т. е. выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризующихся теми или иными грамматическими признаками 1. Учение о частях речи складывается еще в античности. В славянские земли оно проникает только в средние века, причем в порядке буквального перевода возникает большинство церковнославянско-русских наименований частей речи, употребляемых нами и по сей день.

С развитием языкознания в XIX и XX вв. традиционная система частей речи перестает удовлетворять ученых. Появляются указания на непоследовательности и противоречия в существующей классификации, на отсутствие в ней единого принципа деления. Оживленные споры о рациональных принципах выделения частей речи развернулись, в частности, в отечественном языкознании. Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), а затем его ученики, представители так называемого формального направления, разработали классификацию слов русского языка, построенную на учете одних только синтетических, различающихся окончаниями «форм словоизменения». Эта классификация не принимала во внимание сложных, аналитических форм, случаев косвенного выражения грамматического значения, а главное смысловых и синтаксических функций частей речи.

Более перспективный путь решения проблемы наметил Л. В. Щерба, подчеркнувший, что в языке «форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения» и, с другой стороны, «нет категорий, не имеющих формального выражения» и. В вопросе о частях речи исследователь «должен разыскивать... под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение», причем нужно учитывать, что «внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные». И далее:

«Какаду не склоняется, но сочетания мой **какаду**, **какаду** моего брата, **какаду** сидит в клетке достаточно характеризуют **какаду** как существительное» .

Очевидно, ошибка «формальной школы» заключалась не в требовании учитывать форму; требование это правильное, языковед всегда должен учитывать формальную сторону, если не хочет оторваться от объективных фактов языка. Ошибка была в том, что форма понималась, во-первых, узко, только как наличие окончания в составе самого данного слова, и, во-вторых, рассматривалась как нечто самодовлеющее, между тем как форма есть всегда форма какого-то содержания, внешнее проявление какой-то сущности.

Пусть слова вроде **какаду**, **такси** не имеют в русском языке падежно-числовых окончаний. Значит ли это, что они не имеют грамматических категорий падежа и числа? Вовсе нет! Достаточно употребить такое слово в контексте, и мы по поведению окружающих слов сразу обнаружим, что этому слову присущи все грамматические категории и синтаксические функции, свойственные имени существительному.

Грамматические категории, характеризующие слова той или иной части речи, не совпадают или не вполне совпадают в разных языках, но они в любом случае обусловлены общим грамматическим значением данного класса слов, т. е. обусловлены тем, что Щерба назвал, как мы видели, «общей категорией», под которую «подводятся лексическое значение». Так, из общей категории «предметности», составляющей грамматическое значение имени существительного, вытекают отдельные акциденции данной части речи', в частности в русском языке—категории падежа, числа и рода, выражаемые соответствующими формальными показателями.

В некоторых случаях главным формальным признаком определенной части речи является та или иная сочетаемость соответствующих слов с другими. Так, в китайском языке глаголы и прилагательные, выступая в функции сказуемого, могут непосредственно сочетаться с подлежащим, например **Ta lalle** 'он пришел', **Tianqi leng** 'по-года холодная', существительное же в функции сказуемого сочетается с подлежащим только при посредстве связки **shi**, например **Ta shi xuesheng** 'он студент' (сказать просто «**Ta xuesheng**» нельзя). И именно эта неспособность быть сказуемым без помощи связки является основным формальным признаком китайского существительного. Подчеркнем, что синтаксические функции частей речи обнаруживают при сравнении языков большее сходство, чем типы формо- и словообразования. Ведущим же и определяющим моментом является общее грамматическое значение. Остальные моменты так или иначе подчинены ему и должны рассматриваться как прямые или косвенные формы его проявления, специфичные для каждого языка.

Принцип общего грамматического значения и лежит в основе традиционной системы частей речи. Только этот принцип не проведен в ней последовательно, не разграничены разные типы общих грамматических значений, вследствие чего некоторые рубрики, которые фактически

перекрещиваются, оказываются расположенными в этой системе в одну линию. Задача состоит не в том, чтобы отбросить традиционную систему частей речи и заменить ее какой-то совершенно новой классификацией, а в том, чтобы вскрыть логику противопоставлений, зафиксированных традиционной схемой, очистить эту схему от непоследовательностей, отделить в ней глубинное и существенное от случайных черт, резко изменяющихся от языка к языку.

Начинать нужно с выделения более крупных классов слов, чем отдельные части речи. Это прежде всего уже не раз встречавшиеся нам классы знаменательных и служебных слов, охватывающие каждый по несколько частей речи традиционной схемы. Внутри класса знаменательных слов прежде всего выделяются слова-названия и указательно-заместительные слова. Об основном различии между этими типами слов. Особое место в ряду знаменательных слов занимают междометия — слова, служащие выразителями эмоций (ай, ой, ба, тьфу, ура, дудки) или сигналами волевых побуждений (эй, алло, цыц, брысь, стоп). Для междометий характерна синтаксическая обособленность, отсутствие формальных связей с предшествующим и последующим в потоке речи'.

Отдельную группу, промежуточную между знаменательными и служебными словами, составляют «оценочные», или модальные, слова, выражающие оценку достоверности факта (несомненно, вероятно, по-видимому, кажется, как будто, может быть, вряд ли, едва ли и ф. п., также говорят, слышать, якобы и др.) либо оценку его желательности или нежелательности с точки зрения говорящего (к счастью, к сожалению, на беду и др.). Модальные слова используются в предложении в качестве вводных элементов.

Имя существительное 1, как упоминалось, выражает грамматическое значение предметности. Историческим ядром существительных были названия предметов в прямом, физическом смысле (слова вроде камень, копье, названия животных, растений, людей и т. п.). Затем развились существительные с «непредметными» значениями — названия отрезков времени (вроде день, год), свойств в отвлечении от носителей свойства (белизна), действий и состояний в отвлечении от их производителей (бег, рост), отношений (связь, зависимость) и т. д. Во всех таких «непредметных» существительных мы имеем дело с предметностью в особом смысле, можно сказать — с фиктивной предметностью. Человеческая мысль способна сделать своим предметом, отдельным предметом мысли все, что доступно человеческому сознанию. Мы можем говорить или думать о реальном предмете, отмечая (попутно) его свойство (белый снег), но можем выделить это свойство, поставить его в центр внимания, оттеснив носителя свойства на второй план (белизна снега), или же рассмотреть свойство само по себе, в отвлечении от его носителя (просто белизна).

Далее мы можем оперировать в наших мыслях и в нашей речи этим свойством так, как если бы это был отдельный предмет, выделять в нем, в

свою очередь, новые свойства (**интенсивность белизны**), ставить его в разные отношения к другим предметам мысли (**наслаждение белизной, разговор о белизне** и т. д.). Легкость, с которой мы превращаем в предмет (фиктивный предмет, предмет «по названию») любое свойство, действие, состояние, отношение и т. д., проявляется в языке в неограниченной способности практически всех слов производить абстрактные существительные (ср. **белый** -> **белизна, белизность, белиз**; **бегать** □ **бег, беганье, беготня**) или превращаться в такие существительные (ср. «Сейте **разумное, доброе, вечное*** (Некрасов); «Разница между **тогда** и **теперь**»).

Первичные синтаксические функции существительного — функции подлежащего и дополнения. Существительные используются также в качестве сказуемого (в ряде языков они выступают при этом в особой предикативной форме), в качестве определения к другому существительному, иногда обстоятельства. Типичными грамматическими категориями существительного являются падеж и число.

Категория падежа выражается с помощью аффиксов либо с помощью аналитических средств — предлогов (или послелогов) и порядка слов 1 . В принципе она многочленна, хотя система аффиксального выражения падежа может состоять всего из двух членов (например, в английских существительных: общий падеж с нулевой флексией — притяжательный падеж с флексией **-s**), а может и вовсе отсутствовать. Содержание категории падежа составляют разнообразные отношения между существительным и другими словами в предложении, своеобразно отражающие отношения между реальными предметами, предметом и действием и т. д. Это могут быть отношения, обусловленные логическими и структурными схемами предложения (сюда входят значения субъекта действия, прямого объекта, объекта-адресата, орудия действия и др.), либо пространственные и иные отношения. В русском языке пространственные отношения передаются в основном аналитически, предложными сочетаниями, но в финском и эстонском они выражаются окончаниями специальных местных и направительных падежей — инессива (пребывание внутри), иллатива (движение внутрь), аллатива (движение к) и некоторых других. Еще более сложную систему местных падежей имеют дагестанские языки. Так, в лакском и табасаранском языках число флективных падежей доходит до сорока. Во многих языках для падежей характерна многозначность: в одном падеже совмещаются различные функции, например, в русском творительном — значение орудия (**пишу пером**) и переносно «образа действия» (**пишу небрежным почерком**), значение так называемого предикативного падежа («его выбрали **председателем***, «он был еще **ребенком***) и ряд других.

Категория числа выражается аффиксацией, редупликацией и другими средствами. Содержание категории числа составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка. В языках мира кроме единственного и множественного встречается двойственное,

иногда тройственное число, множественное небольшого количества, собирательное множественное и т. д. С другой стороны, в некоторых языках выражение числа в существительном вообще необязательно.

Из других грамматических категорий существительного широко распространена категория определенности/неопределенности (обычно выражаемая артиклем, который может быть служебным словом, как в английском, французском, немецком, древнем и современном греческом, арабском, или же аффиксом — как определенный артикль скандинавских языков, румынского, болгарского, албанского). Неопределенность может выражаться отсутствием артикля (например, в болгарском) или специальным неопределенным артиклем. В языках, не имеющих определенности/неопределенности как развитой грамматической категории, выражение соответствующих значений могут брать на себя другие грамматические категории, например категория падежа (ср. **выпил воды** — **выпил воду**).

Встречающиеся в ряде языков классификационные категории имени существительного, такие, как грамматический род в индоевропейских и семитских языках или именной класса ряде языков Африки, некоторых кавказских и др., служат главным образом средством оформления синтаксической связи (согласования) разных слов с именем существительным.

Имя прилагательное 1 выражает грамматическое значение качества или свойства, называемого не отвлеченно, само по себе, а как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете: не **белизна**, а **белое** что-то, **белый** (снег, или хлеб, или мел — вообще какой-то предмет, который мог бы быть обозначен существительным мужского рода) или **белая** (шаль, стена и т. д.— вообще какой-то предмет, обозначенный существительным женского рода) и т. д. Как говорит Щерба, «без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» 2 . Или же: будучи употребленным без существительного, прилагательное само становится названием предмета (по одному из его признаков), т. е. существительным (ср. **слепой старик** и **слепой**), либо названием свойства в отвлечении от носителя, т. е. опять существительным, только другого типа (**новое** в смысле 'новизна'). Грамматическая подчиненность прилагательного существительному проявляется в одних языках в его согласовании с существительным, в других — в его линейной позиции в составе атрибутивной группы перед существительным (например, в английском языке между артиклем и существительным) или, напротив, после него.

Первичные функции прилагательного — функция определения и сказуемого (его именной части). Иногда эти функции разграничиваются употреблением специальных рядов форм. Так, в немецком языке атрибутивным формам прилагательного, различающимся (в порядке согласования) по роду, числу и падежу, противостоит предикативная форма, единая для всех родов и для обоих чисел (например, **krank** 'болен, больна' и т.

д.). В русском языке в атрибутивной функции нормально используется полная форма (**больной** и т. д.), а в предикативной возможна и полная и краткая (**болен**), иногда со смысловой дифференциацией: **он болен** (временное, преходящее свойство) — **он больной** (постоянное свойство), **он зол** ('раздражен') — **он злой** (вообще). Признаки, обозначаемые прилагательными, во многих случаях могут варьироваться по степени интенсивности. Отсюда специфическая грамматическая категория качественных прилагательных, категория степенейсравнения. Во многих языках мира прилагательное в формальном отношении слабо отграничено от существительного. Исторически это понятно. В основе и прилагательного и существительного лежало недифференцированное имя с предметно-качественным значением, становившееся в дальнейшем либо названием предмета (по его типичному признаку), либо названием признака. В индоевропейских языках это прослеживается довольно четко. Например, одно и то же слово доисторической эпохи превратилось в литовском в существительное **krantas** 'берег', а в славянских языках в прилагательное **крутой** (русск.). В современном немецком сравните прилагательные **licht** 'светлый', **laut** 'громкий' и существительные **Licht** 'свеча' (и 'свет'), **Laut** 'звук'. Первоначально склонение прилагательных не отличалось в индоевропейских языках от склонения существительных. В других языках, например в китайском, прилагательное по своим формальным признакам сближается скорее не с существительным, а с глаголом.

Глагол в большинстве языков состоит из двух рядов образований: из собственно глагола (лат. *verbum finitum*), например **читаю, читал, читай, читал бы**, и так называемых вербоидов, например **читать, читающий, читанный, читая**, совмещающих признаки глагола с признаками некоторых других частей речи 1 .

Собственно глагол — это глагол-сказуемое, вершина и организующий центр предложения, как это подробнее будет рассмотрено в разделе синтаксиса. Собственно глагол выражает грамматическое значение действия, т. е. признака динамического, протекающего во времени, причем называет этот признак не отвлеченно, а, как выразился А. А. Потебня, «во время его возникновения от действующего лица» 2 . «В понятие о глаголе,— продолжал Потебня,— непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное». Отношение к «неизвестному лицу» мы имеем в неопределенно-личном употреблении глагола (**говорят**, нем. **man sagt**, фр. **on parle** с тем же значением), также в обобщенно-личном употреблении (**что посеешь, то и пожнешь**), отношение к «фиктивному лицу», в частности, в безличных глаголах (**светает, смеркается**, нем. **es dämmert** 'смеркается', англ. **it is raining** 'идет дождь' — букв. 'дождит'). В грамматическое понятие «действующее лицо», разумеется, входит и «действующий предмет», и «страдающее» лицо или предмет, и т. д., короче, все то, что может обозначаться подлежащим при данном глаголе. Наиболее типичными грамматическими категориями

глагола-сказуемого являются время, наклонение и залог. Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом; граммы этой категории выражают различные типы отношений между временем действия и моментом речи, а иногда между временем действия и каким-то другим моментом, помимо момента речи. В последнем случае мы имеем дело со специальными «относительными временами» (такими, как плюсквамперфект — прошедшее, предшествующее другому прошедшему, «будущее предварительное», «будущее в прошедшем» и т. п.) либо с относительным употреблением «основных» времен (**Ему показалось, что в доме кто-то ходит**, где форма настоящего времени выражает одновременность действию главного предложения **показалось**). Особо выделяют переносное употребление времен, например распространенное во многих языках «настоящее историческое» в рассказе о прошлом (**Иду я вчера по улице...**).

Категория наклонения выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к действительности, а в ряде случаев — к воле и желанию, иногда к личному опыту говорящего. Соответственно различают наклонение реальности — изъявительное (индикатив) и те или иные противопоставленные ему граммы, представляющие глагольное действие как вовсе нереальное или как возможное, предполагаемое, допустимое, обусловленное в своем осуществлении другим действием; как желательное и даже прямо требуемое от адресата речи либо как запрещаемое и т. д. Прямое побуждение к действию во многих языках выражается формами императива (повелительного наклонения). Более разнообразен состав, функции и номенклатура других «наклонений неполной реальности». В ряде языков (например, болгарском, албанском, эстонском) есть специальные формы «заочного» наклонения, указывающие, что говорящий не был свидетелем действия, о котором говорит. Ср. болг. **Тя пееше хубаво** 'Она хорошо пела' — «очное» наклонение (говорящий сам слышал ее пение и высказывает свою оценку) и **Тя пеела хубаво** 'Она, говорят, хорошо пела (или поет)' — «заочное», «пересказывательное» наклонение.

К наклонениям можно отнести специальные вопросительные и отрицательные формы глагола, например в английском языке — аналитические вопросительные и отрицательные формы со вспомогательным глаголом **to do** (**Do you speak English?** 'Говорите ли вы по-английски?'), в некоторых финно-угорских языках — аналитические отрицательные формы глагола. Ср., например, финск. **luen** 'я читаю', **tuet** 'ты читаешь', но **en lue** 'я не читаю', **et lue** 'ты не читаешь'. **En** содержит отрицательную частицу **ei** и показатель 1-го л. ед.ч. и (**ei + n > en**); соответственно **et** происходит из **ei + t**. Категория залога тесно связана со структурой предложения, и поэтому мы рассмотрим ее в разделе синтаксиса.

Особое место среди глагольных категорий занимает грамматическая категория вида, противопоставляющая друг другу разные типы протекания и распределения действия во времени. Так, в русском и в других славянских

языках противопоставлены совершенный вид (решил, взобрался), выражающий действие как неделимое целое (обычно действие, достигающее своего предела), и несовершенный вид (решал, взбирался), выражающий действие без подчеркивания его целостности, в частности направленное к пределу, но не достигающее его, действие в процессе протекания или повторения, неопредельное (имел), общее понятие о действии и т. д. В английском языке противопоставлены конкретно-процессный вид (Progressive), например *he is writing* 'он пишет в данный момент', и общий вид—*he writes* 'он пишет вообще'.

Рассмотренные глагольные категории могут по-разному комбинироваться, скрещиваться между собой и взаимодействовать в языках мира. Так, времена более или менее четко разграничиваются обычно лишь в рамках изъявительного наклонения, причем некоторые формы времени совмещают временные значения с модальными; например, формы будущего времени нередко выражают также предположение, возможность («сюда **войдет 3** литра»— 'может войти', нем. «er **wird** das **wissen**» не только 'он будет это знать', но и 'он, должно быть, это знает'). Очень широко представлены в языках формы, совмещающие временное и видовое значения (таковы, например, формы прошедшего времени французского глагола *imparfait* и *passé simple*).

Будучи сказуемым, глагол всегда, как было отмечено, соотносится с «действующим лицом», а в известных случаях — и с другими «лицами» в предложении. Если соотнесенность с различными лицами выражается в самом глаголе тем или иным формальным различием, мы говорим, что глагол имеет категорию лица (в широком смысле, включая число, а также род и грамматический класс). Наличие глагольной категории лица иногда делает ненужным подлежащее (так, в **пойду, пойдешь** и так ясно, кто выполняет данное действие). При использовании же подлежащего глагол, имеющий категорию лица, согласуется с подлежащим в лице и числе, иногда также (например, в арабском языке, в прошедшем времени и сослагательном наклонении современного русского языка) в роде или же (во многих языках Африки, в некоторых кавказских и др.) в классе. В языках с так называемым полиперсональным спряжением в глагольной форме обозначается не только лицо субъекта, но одновременно и лицо объекта (иногда даже нескольких объектов) действия. Соответственно глагол согласуется и с подлежащим, и с дополнением, прямым или даже косвенным. Так, в адыгейском **сэ о у\с\шагь** 'я тебя повел' первый префикс в глаголе указывает на дополнение о 'ты, тебя', а второй— на подлежащее **сэ** 'я'.

Вместе с тем есть языки, в которых глагол вовсе не вступает в отношения согласования и вообще не имеет категории лица (и числа). Таково положение, например, в китайском, вьетнамском, бирманском, а также датском, шведском и в некоторых других языках. Однако и в этих языках,

выступая как сказуемое, глагол соотнесен с (абстрактным) действующим лицом (оно уточняется подлежащим). Швед. *skriver*, взятое в отрыве от подлежащего, значит '(кто-то) пишет' (причем этим «кто-то» могут быть я, ты, он, мы и т. д.). Форма *skriver* (в отличие, например, от инфинитива *skriva*) есть собственно глагольная форма, которая однозначно определяется как сказуемое, а не какой-либо другой член предложения и несет значения наклонения (изъявительного—ср. повелительное *skriu* 'пиши, пишите') и времени (настоящего—ср. прошедшее *skrev* 'писал, писала').

Вербоиды могут выполнять различные синтаксические функции, а также

участвовать в образовании аналитических форм собственно глагола. Есть вербоиды, совмещающие свойства глагола и существительного. Это инфинитивы русского и многих других языков и функционально близкие им формы (супин в латыни и старославянском, герундий в английском, масдар в арабском и т. д.). Эти вербоиды называют действие отвлеченно, не в связи с его конкретным производителем, но обычно с сохранением некоторых грамматических категорий глагола, например в русском— категории вида (ср. *решить* : *решать*) и залога (*выплачивать* : *выплачиваться*), и с соблюдением форм синтаксической связи, характерных для глагола.

Наречие 1 по его грамматическому значению определяют как «признак признака». Как отметил Потебня, наречие называет «признак... связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь чрез его посредство относимый к предмету» 2 . Так, в *очень сладкий виноград, снаружи красивый дом, поезд шел быстро, железо накаляется докрасна* существительные называют предметы, прилагательные и глаголы — признаки предметов (данные — *сладкий, красивый* или возникающие — *шел, накаляется*), а наречия — признаки этих признаков. Наречия функционируют в предложении как обстоятельства, относимые к глаголу, к прилагательному, к неглагольным предикативам (*он спозаранку начеку*). Лишь реже наречие относится прямо к существительному (*яйца всмятку, совсем ребенок*). Предикативная функция, как правило, несвойственна наречию, что и служит важным доводом в пользу выделения в особую часть речи неглагольных предикативов, часто омонимичных наречию. Для наречия характерно отсутствие каких-либо грамматических категорий (и соответствующего им формообразования), кроме категории степеней сравнения (у качественных наречий).

Последняя часть речи внутри слов-названий — имя числительное 3. Грамматическое значение числительного — значение количества, представляемого как количество чего-то (*пять столов, пять чувств*) или же как абстрактное число (*пятью пять — двадцать пять*); как точно определяемое количество или как количество неопределенное (*много, мало столов*). Называя количество предметов, числительные вступают в сочетание с существительными, объединяясь с ними той или иной формальной связью.

Иногда числительные получают различное оформление в зависимости от семантического (или формального) разряда существительного. Так, при личных

существительных мужского рода в русском языке употребляются формы **двое, трое, пятеро** и т. д. (**пятеро студентов**), невозможные в других случаях (не говорят «пятеро студенток» или «пятеро столов»). В китайском многие существительные соединяются с числительными только при посредстве особых классификаторов, например **ge** 'штука', **ba** 'ручка', **tiao** 'ветвь': **san ge ren** 'три человека' (букв. 'три штуки людей'), **san ba dao** 'три ножа' (букв. 'три ручки ножей'), **san tiao dengz** 'три скамьи' (букв. 'три ветки скамеек')¹.

Порядковые числительные (**пятый** и т. п.) являются разновидностью прилагательных: они называют не количество предметов, а место предмета в ряду, т. е. один из признаков, данных в предмете, как это делают и все другие прилагательные.

Указательно-заместительные слова, т. е. традиционные местоимения 2 и местоименные наречия, образуют особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в «миниатюре» своеобразно дублирующую ее. Так, слова **я, ты, он, она, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, себя, себе** указывают на предметы в грамматическом смысле и потому являются своего рода существительными. Слова **мой, твой, такой, какой, никакой, некий, чей, свой** указывают на свойства как на признаки, данные в предметах, и потому оказываются своего рода прилагательными. Слова **столько, сколько** указывают на количество и потому должны рассматриваться как своего рода числительные. В том же ряду стоят и указательно-заместительные наречия: **там, здесь, туда, сюда, тогда, так, где, куда, когда, как, нигде, никуда, никогда, никак, когда-нибудь, где-нибудь** и т. д. Существуют также заместители глаголов. Иногда это так называемые «местоглаголия» (и, шире, «местопреди-кативы»), например англ. **do**, датск. **gøre**, шведск. **göra** (все три собственно значат 'делать'), кит. **lai** (букв. 'приходить'). Ср. англ. **Yes, I do (he does, I did** и т. д.)—букв. 'Да, я делаю' ('он делает', 'я делал' и т. д.) как ответ на любой вопрос, содержащий знаменательный глагол в простом настоящем или простом прошедшем времени. Русское **делать**, хотя не само по себе, а в сочетании с местоимением **это** или другими подобными, выступает как заместитель знаменательного глагола, например в **Не делай этого!** Но в общем в русском языке «местоглаголие» не получило развития 3. Для всех указательно-заместительных слов, независимо от того, заместителем какой части речи они являются, а также независимо от их традиционного разделения на личные, притяжательные, (собственно) указательные, вопросительные, отрицательные и т. д., типичны общие черты—чрезвычайная абстрактность значения в системе языка и чрезвычайная конкретность употребления в речи.

Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных

частей речи, однако, как правило, с известными добавлениями. Специфической категорией личных местоимений, отраженной и в некоторых других группах, является категория лица; типичны также грамматические противопоставления: 1) далекое : близкое, ср. **то** : **это**, **там** : **здесь**, **тогда** : **теперь**; 2) лицо : вещь (или одушевленное : неодушевленное), ср. **кто** : **что**, **никто** : **ничто**. Есть и свои особенности в синтаксической сочетаемости, например, личные и некоторые другие местоимения-существительные обычно не сочетаются с определением-прилагательным.

Служебные слова образуют отдельную подсистему служебных частей речи, которая сильно видоизменяется от языка к языку. Могут быть выделены «морфологические» и «синтаксические» служебные слова. Первые участвуют в образовании аналитических форм. Это — предлоги (или послелоги), артикли, вспомогательные глаголы, слова степени (англ. **more**, **most**; фр. **plus** и т. д.), частицы типа русск. **бы** и т. д. К ним же примыкают и служебные слова, оформляющие аналитические лексемы, например возвратное местоимение ряда языков как составная часть некоторых глаголов. Синтаксические служебные слова обслуживают словосочетания и предложения.

ЛЕКЦИЯ №5. Синтаксис. Синтаксические единицы языка. Предложение и актуальное членение предложения.

План:

1. Объект изучения синтаксиса.
2. Предложение и словосочетание. Типы предложения.
3. Члены предложения.
4. Средства синтаксической связи.
5. Актуальное членение предложения.

1. Объект изучения синтаксиса.

Синтаксис был определен выше как грамматическое учение о связной речи, о единицах более «высоких», чем слово. Синтаксис начинается там, где мы выходим за пределы слова или устойчивого сочетания слов, где начинается связная речь с ее свободной комбинацией лексических единиц в рамках переменного словосочетания и предложения. Конечно, эпитет «свободная» не означает отсутствия правил. Комбинация лексических единиц осуществляется по определенным законам и моделям, изучение которых и составляет задачу синтаксиса. «Свобода» состоит в непредусмотренности конкретного лексического наполнения этих моделей, в том, что все синтаксические модели принадлежат языку только как абстрактные модели, а их конкретное наполнение той или иной лексикой бесконечно разнообразно и относится к речи. Правда, и на других уровнях языка мы различаем абстрактное (языковое) и конкретное (речевое). Но, например, слово **железнодорожный** принадлежит русскому языку не одной только моделью, по которой оно построено, но и всем своим индивидуальным составом морфем, тогда как любое, даже самое простое предложение (**Солнце взошло**) и любое переменное словосочетание (**высокое дерево**) принадлежат языку лишь как модель построения, а то, что в этой модели использованы именно эти, а не какие-либо другие слова, есть факт речи, определяемый содержанием данного высказывания, намерением и задачей говорящего. В компетенцию синтаксиса входит рассмотрение и однословных предложений вроде **Пожар!**, так как в них к лексическому и грамматическому значениям, заключенным в данной словоформе, присоединяется специфически синтаксическое грамматическое значение, выраженное интонацией предложения.

2. Предложение и словосочетание. Типы предложения.

Центральным понятием синтаксиса является предложение — основная ячейка, в которой формируется и выражается человеческая мысль и с помощью которой осуществляется речевое общение людей.

Специфика предложения по сравнению с «нижестоящими» языковыми единицами заключается в том, что оно есть высказывание, оно коммуникативно. Это значит, что оно 1) соотнесено с определенной

ситуацией и 2) обладает коммуникативной установкой на утверждение (или отрицание), на вопрос или на побуждение к чему-либо. Коммуникативность предложения конкретизируется в синтаксических категориях модальности и времени. Эти последние выражаются в глагольных формах наклонения и времени, а также (особенно при отсутствии глагола) с помощью интонации, модальных слов, слов, обозначающих локализацию во времени. По своей структуре предложения очень разнообразны. Они могут реализоваться с помощью одного слова (**Пожар! Воды! Светает. Иду! Великолепно! Домой?**), в частности аналитической формы слова (**По коням! Буду рад!**), но чаще реализуются с помощью более или менее сложного сочетания слов.

От слова однословное предложение внешне отличается интонацией. По содержанию же между словом **пожар** и однословным предложением **Пожар!**

— громадное различие. Слово **пожар** есть просто название определенного класса реальных явлений (и соответствующего понятия), способное в речи обозначать и каждое отдельное явление этого класса. Предложение **Пожар!** — уже не просто название, а утверждение о наличии данного явления, т. е. пожара, в данной конкретной ситуации, в данный момент времени, утверждение, сопровождаемое также теми или иными эмоциональными коннотациями и т. д. Аналогичным образом словоформа **воды** есть название известного вещества, поставленное в определенное отношение к другим словам потенциального контекста. Предложение **Воды!** есть просьба, требование, побуждение к реальному действию в данной конкретной ситуации.

Взяв однословные предложения, содержащие собственно глагольную форму (**Иду! Иди! Пришел? Светает. Светало.**), мы обнаружим, что здесь различие между предложением и соответствующим словом (словоформой) более тонкое. Все эти словоформы уже и сами по себе содержат указание на наклонение, а при изъявительном наклонении — и на время; они предикативны, т. е. предназначены быть либо сказуемым, либо, при отсутствии в предложении других членов, целым предложением. И все же различие между словоформой и предложением, состоящим из одной этой словоформы, есть и здесь. Можно сказать, что слово **иду** (также **светало** и т. д.) лишь потенциально соотносено с любой подходящей ситуацией, тогда как предложение **Иду!** (**Светало** и т. д.) соотносено с какой-то ситуацией, действительной или вымышленной, имеющей или имевшей место в определенный момент времени, в определенной точке пространства и т. д. Словоформа **иди** выражает побуждение, но побуждение, потенциально обращенное к любому собеседнику, а предложение **Иди!** — побуждение, реально обращенное к определенному адресату, в определенной ситуации, в определенный момент времени, притом конкретизированное (интонацией) как просьба, настойчивое требование, категорический приказ и т. д. Словоформа **пришел** не выражает ни утверждения, ни вопроса, а предложения **Пришел?** и **Пришел!**, в зависимости от интонации, выражают

либо вопрос, либо утверждение. Ту же картину мы имеем и в отношении неглагольных предикативов (*Жарко. Пора!* и т. п.), только в этих случаях формы наклонений (кроме изъявительного) и времен (кроме настоящего) являются аналитическими.

Предложение, реализуемое сочетанием слов, чаще всего обладает предикативной структурой, т. е. содержит либо предикативную словоформу («Солнце *взошло*», «*Летят журавли*», также с неглагольным предикативом «Здесь *жарко*»), либо, и без подобной формы, два четко соотнесенных главных члена — подлежащее и сказуемое (*Он — студент университета. Снег бел. Факт налицо*). Всюду здесь уже сама конструкция свидетельствует о том, что перед нами предложение. И все же по-настоящему эти конструкции становятся предложениями благодаря интонации, с которой они произносятся (ср. «Солнце *взошло*» с повествовательной и «Солнце *взошло?*» с вопросительной интонацией). Наряду с этим и сочетания слов, не обладающие предикативной структурой и нормально не являющиеся предложениями (*белый снег, писать письма, ты и я*), могут, как и отдельное непредикативное слово (*пожар* и т. д.), становиться предложениями, но лишь в более специальных условиях, например в контексте других предложений (ср. начало «Двенадцати» Блока: «Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек»), в назывных предложениях (названиях литературных произведений и т. п.), в диалоге (*Что ты будешь делать вечером? — Писать письма*). Становясь предложением, такое сочетание (как и отдельное непредикативное слово, становящееся предложением) получает ту или иную коммуникативную установку, связь с определенной ситуацией, а в плане выражения — соответствующую интонацию.

Некоторые языковеды, подчеркивая различие между сочетаниями, содержащими предикативное слово, и сочетаниями, такого слова не содержащими, предпочитают обозначать термином «словосочетание» только последний вид сочетаний. Уместнее представляется, однако, другая точка зрения: словосочетание определяется как любое соединение двух или более знаменательных слов, характеризуемое наличием между ними формально выраженной смысловой связи. Словосочетание может совпадать с предложением или быть частью предложения, а предложение, как сказано, может реализоваться в виде снабженного той или иной интонацией словосочетания, ряда связанных между собой словосочетаний или отдельного слова (также отдельного знаменательного слова, сопровождаемого служебным, например *Придешь ли?*). Языковеды, изымающие все предикативные словосочетания из объема понятия «словосочетание», разумеется, определяют словосочетание иначе. Например, они включают в свои определения указание на «назывную функцию», на то, что словосочетание «служит обозначением единого, хотя и расчлененного понятия».

4. Синтаксические связи и функции. Способы их формального выражения

Синтаксической связью мы называем всякую формально выраженную смысловую связь между лексическими единицами (словами, устойчивыми словосочетаниями), соединившимися друг с другом в речи, **в акте коммуникации**. Обычно выделяют два главных типа синтаксической связи — **сочинение и подчинение**. Примеры сочинительной связи слов: **стол и стул; я или ты; строг, но справедлив**. Для сочинительной связи характерна равноправность элементов, что проявляется в возможности перестановки без существенного изменения смысла (хотя при союзах **и, или** первое место в сочетании обычно обладает большим «весом», чем второе: ср. **жена и я — я и жена**). При сочинении связанные элементы однородны, функционально близки; обычно не отмечается, чтобы один из них как-то изменял свою грамматическую форму под влиянием другого.

Примеры подчинительной связи: **ножка стола, подушка из пуха, пуховая подушка, читаю книгу, читаю вслух**. Здесь отношения неравноправные: один элемент (**ножка, подушка, читаю**) является главенствующим, определяемым (в широком смысле), другой элемент (**...стола, ...из пуха, пуховая, ...книгу, ...вслух**)—подчиненным, зависимым, определяющим, уточняющим значение первого. Элементы здесь либо вообще нельзя поменять ролями (например, в **читаю книгу, читаю вслух**), либо нельзя поменять ролями без коренного изменения смысла (**пух из подушки** имеет другое значение, чем **подушка из пуха**, ср. **брат учителя и учитель брата**). В русском и во многих других языках выбор грамматической формы подчиненного слова (если оно многоформенное) обычно диктуется формой или фактом наличия слова главенствующего. Впрочем, как мы увидим, маркировка подчинительной связи может даваться и в главенствующем слове. Некоторые лингвисты называют словосочетания с подчинительной связью синтагмами.

Спорным является вопрос о характере связи между подлежащим и сказуемым. К нему мы вернемся ниже (см. § 205).

В связной речи синтаксические связи взаимно переплетаются, причем подчинение используется шире и играет более существенную роль в организации высказывания, чем сочинение.

Синтаксической функцией данной единицы (слова, устойчивого словосочетания) называется отношение этой единицы к тому целому, в состав которого она входит, ее синтаксическая роль в предложении или в переменном словосочетании. Имеются в виду функции членов предложения, а также вставных элементов речи (вводных слов, обращений) и т. д. Некоторые из этих функций мы рассмотрим ниже. А сейчас займемся способами формального выражения синтаксических связей и синтаксических функций.

Выражение синтаксических связей и функций с помощью форм с л о в а, т. е. морфологическим путем. Сюда входят: 1) согласование, 2) управление, 3) сочетание согласования и управления, 4) обозначение подчинительной связи в главенствующем слове.

1. Согласование состоит в повторении одной, нескольких или всех граммем одного слова в другом, связанном с ним слове. Сюда относится согласование сказуемого с подлежащим в русском и многих других языках, например: **Я читаю. Ты читаешь. Она поет, Мы работаем** и т. д. (в глаголе повторены граммемы лица и числа, содержащиеся в подлежащем); **Он читал. Она писала. Они работали, Книга оказалась интересной. Книги оказались интересными** (в сказуемом повторены граммемы рода и числа) и т. д.² В ряде языков, как упоминалось, глагол-сказуемое подвергается двойному и тройному

согласованию — не только с подлежащим, но и с прямым и даже косвенным дополнением. Согласование широко используется как средство выражения определительных связей, причем граммемы определяемого (господствующего) слова повторяются в определяющем. В русском языке в этом случае повторяются граммемы рода, числа и падежа: **новая книга, новую книгу, о новой книге, новые книги** и т. д. Особое использование согласования наблюдается при замене слова-названия словом-заместителем, например «Брат купил книгу. **Она** оказалась интересной» (повторение в слове-заместителе граммем рода и числа).

2. Управление состоит в том, что одно слово вызывает в связанном с ним другом слове появление определенных граммем, не повторяющих, однако, граммем первого слова. Управление широко используется как средство выражения подчинительных связей. Так, переходный глагол требует в русском и во многих других языках постановки дополнения в винительном падеже («читаю **книгу**»); другие разряды глаголов управляют другими падежами без предлогов — дательным («радуюсь **весне**»), родительным («добиваюсь **ре-зультатов**», «лишился **покоя**», «хотел **добра**»), творительным («шевелю **губами**», «казался **счастливым**») и различными предложными сочетаниями («бороться **против пошлости**», «участвовать **в концерте**» и т. д.). Постановки зависимых от них слов в определенных падежах и с определенными предлогами требуют и другие слова — существительные (ср. «жажда **знаний**», «исключение **из правила**»), прилагательные («полный **сил**», «довольный **покупкой**», «склонный **к авантюрам**»), наречия («наравне **со мной**»), неглагольные предикативы («было жаль **беднягу**). Свои особенности управления имеют (в частности, в русском и других славянских языках) отрицательные предложения (ср. **пишу стихи — не пишу стихов**).

3. Сочетание согласования и управления имеет место, например, в русском языке в группах «числительное + существительное», в которых числительное управляет существительным, требуя его постановки в одних случаях в род. п. мн. ч. (**пять столов**), в других — в особой «счетной форме» (**два шага**)¹, и одновременно согласуется с ним (**пяти столам, пятью столами, два окна, но две двери**). В языках так называемого эргативного строя глагол-сказуемое не только согласуется с подлежащим, но одновременно и управляет им, требуя его постановки в «абсолютном» падеже при непереходном глаголе и в «эргативном»² падеже — при глаголе

переходном (причем подлежащее непереходного глагола оформлено тем же падежом, что и дополнение переходного). Вот примеры из грузинского языка, в котором, однако, картина усложнена еще тем, что подлежащее при переходном глаголе выступает не в одном эргативном, а в трех разных падежах, в зависимости от того, в какой видовременной форме употреблен

глагол. Ср.:

Настоящее время		
(1)	<i>deda</i> 'мать (абс. п.)	<i>švils(a) zrdis</i> сына (дат. п.) растит, воспитывает'
(2)	<i>deda</i> 'мать	<i>me m-zrdis</i> меня растит, воспитывает'
(3)	<i>me</i> 'я ³	<i>v-zrdi</i> ращу, воспитываю'
«Прошедшее основное» (аорист)		
(4)	<i>dedam</i> 'мать (эрг. п.)	<i>švili ga-zarda</i> сына (абс. п.) взростила'
(5)	<i>dedam</i> 'мать	<i>me ga-m-zarda</i> меня взростила'
(6)	<i>me</i> 'я	<i>ga-v-zarde</i> взрастил'
Перфект (результатив), или «прошедшее заочное»		
(7)	<i>dedas</i> 'мать (дат. п.)	<i>švili gauzrdis</i> сына (абс. п.) оказывается, взростила'.

Мы видим, что глагол согласуется с подлежащим (ср. префикс 1-го лица субъекта и- в примерах 3 и 6 и постфиксы 3-го лица субъекта -s и -a в остальных примерах) и что он вместе с тем управляет подлежащим (требуя его постановки то в абсолютном, то в эргативном, то в дательном падеже) и дополнением (требуя его постановки то в дательном, то в абсолютном падеже).

4. Случаи морфологического обозначения связи в главенствующем слове представлены в ряде языков. Так, существительное, определяемое другим словом, может выступать в специальной форме, указывающей, что при этом существительном есть зависящее от него слово. В арабском языке такой специальной формой является «сопряженное состояние» (форма, при которой невозможен ни определенный, ни неопределенный артикли), например *iawbu* 'платье' в *iawbu hanrîn* 'платье из шелка' (ср. форму с определенным артиклем 'аи-*iawbu*, с неопределенным — *iawbun*). Здесь использование специальной формы определяемого сочетается с управлением (*hanrî* Б п—форма род. п.). В более чистом виде, вне сочетания с управлением, рассматриваемый способ связи встречается в персидском, турецком, азербайджанском и в некоторых других языках. Ср. перс. *ketabe xub* 'хорошая книга' (*ketab* 'книга'+показатель связи -e и прилагательное *xub* 'хороший' без каких-либо морфологических показателей), турецк. *ûniversite kütûphanesi* 'университетская библиотека' или 'библиотека университета' (*ûniversite* в им. п. и *kütûphane* 'библиотека' с показателем связи -si), азерб. *am başı* 'голова лошади' (*am* 'лошадь' в им. п. и *baş* 'голова' с показателем связи -и) и т. д.

Выражение синтаксических связей и функций с помощью аранжировки (порядка слов). Различаются следующие случаи.

1. С о п о л о ж е н и е (т. е. постройка рядом) того, что связано по смыслу, выражение смысловой связи слов через их позиционную близость. Когда соположение оказывается единственным средством обозначения синтаксической связи, его называют позиционным примыканием. Ср. в русском языке примыкание наречия: «Он громко спорил, долго не соглашался, но наконец уступил»; «Очень старательный, но неопытный»; «Старательный, но очень неопытный» и т. д.; в английском — примыкание прилагательного-определения к существительному: *an English book* 'английская книга', *a sweet smell* 'сладкий запах', *red roses* 'красные розы'.

В рамках соположения в ряде случаев существенно различать препозицию и постпозицию. В русском языке постпозиция числительного служит выражению оттенка приблизительности (см. § 141). Для определения-прилагательного в одних языках правилом является препозиция по отношению к существительному (русск. Красный флаг), а в других — постпозиция (фр. *drapeau rouge* с тем же значением); отступления от этого правила, где они возможны, несут стилистические функции, служат для особого подчеркивания определения и т. п. При совпадении форм существительного и прилагательного общее правило, предписывающее ту или иную их расстановку, создает возможность их разграничения: ср. *сладкое второе*, т. е. 'второе блюдо, являющееся сладким на вкус', и *второе сладкое*, т. е. 'вторая порция сладкого'. В сочетаниях типа англ. *stone wall* 'каменная стена' существительное, стоящее в препозиции к другому существительному, выполняет функцию определения и практически не отличается от прилагательного.

2. Тенденция к закреплению определенных мест в предложении за определенными членами предложения наблюдается во многих языках, однако там, где члены предложения четко разграничены морфологическими средствами, тенденция эта может постоянно нарушаться. Именно такова картина в русском языке: рядом с наиболее привычным «прямым» порядком слов (подлежащее — глагол — дополнение, или S — V—O)¹ широко представлена инверсия, или «обратный» порядок в разных вариантах. Например, не только *Отец любит дочку*, но еще пять разновидностей: *Дочку любит отец*. *Отец дочку любит*. *Дочку отец любит*. *Любит отец дочку* и *Любит дочку отец*. Но иногда и в русском языке роль порядка слов в разграничении членов предложения оказывается решающей, например, если у существительных, выступающих в качестве подлежащего и дополнения, именительный падеж совпадает с винительным: *Мать любит (любила) дочь*, *Весло задело (заденет) платье*. *Бытие определяет сознание*. *Мотоцикл обгоняет (обогнал) грузовик* и т. д.

Во всех этих предложениях ни окончания падежей, ни согласование глагола не указывают, которое из двух существительных является подлежащим. Только порядок слов заставляет нас понимать первое существительное как подлежащее, а второе — как прямое дополнение. В примерах такого типа инверсия подлежащего и дополнения либо вовсе не

применяется, либо возможна лишь в особых случаях, когда разграничение этих членов предложения обеспечивают какие-то дополнительные факторы: параллелизм построения соседних предложений (поддержанный параллелизмом интонационным) в примерах типа «В этой семье сына любит отец, а дочь любит мать» (мать остается подлежащим) либо лексические значения слов, подсказывающие одно определенное направление связи как единственно естественное («Весло порвало платье», с инверсией — «Платье порвало весло», поскольку платье рвется, а весло нет). В языках, в которых падеж подлежащего и падеж дополнения не разграничиваются морфологически у всех или у громадного большинства слов, определенный порядок следования этих членов предложения уже не является только «тенденцией». Он становится обязательным правилом, и мы говорим, что для данного языка характерен фиксированный порядок слов. Так, в англ. *The father loves the son* 'Отец любит сына' или фр. *Le père aime le fils* с тем же значением инверсия подлежащего и дополнения невозможна (перестановка соответствующих слов создаст другой смысл: 'сын любит отца'), хотя некоторые другие виды инверсии (выдвижение в начало предложения обстоятельства времени, обстоятельства места, косвенного дополнения и т. п.) в этих языках встречаются.

3. Порядок слов характеризует типы предложений. Так, в русском и в некоторых других языках в бессоюзных условных придаточных предложениях глагол всегда ставится на первое место: «Назвался груздем, полезай в кузов» (т. е. «Если назвался...»), «Окажись он поблизости, все обошлось бы благополучно» (т. е. «Если бы он оказался...») и т. д. В немецком языке в главном предложении собственно глагол стоит на втором месте, а в придаточном предложении (кроме бессоюзных условных) — на самом конце. В ряде языков в общевопросительном предложении, т. е. таком, которое содержит запрос о правильности или ложности некоторого допущения и рассчитано на ответ да или нет, глагол всегда выдвигается на первое место. Ср. повествовательное и общевопросительное предложения: англ. «The house has a garden» 'При доме есть сад' — «Has the house a garden?» 'Есть ли при доме сад?', нем. «Er kommt morgen» 'Он придет завтра' — «Kommt er morgen?» 'Придет ли он завтра?' В русском языке, как показывают переводы примеров, такое изменение порядка слов тоже наблюдается, но оно не стало у нас обязательным правилом.

4. О порядке слов как средстве выражения актуального членения см. § 210 и след.

О роли фразовой интонации и ее отдельных компонентов в оформлении предложения и его членении на синтагмы, как и в особом подчеркивании каких-то частей высказывания, речь была выше (см. § 84). Здесь мы остановимся на использовании интонации в некоторых типах предложений и синтаксических конструкций.

1. Интонация вопросительных предложений. Как отмечал А.М. Пешковский (1878— 1933), вопросительная интонация в русском языке чаще всего характеризуется «особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос».

Если это слово стоит в середине или в начале вопросительного предложения, то за резким повышением тона на его ударном слоге неизменно следует понижение (например, «Ты вчера **был с** ним в театре?» при главном ударении на **был**). Но если соответствующее слово является последним по порядку, все предложение заканчивается с повышением тона (особенно, если само это слово заканчивается ударным слогом), например: **Ты пойдешь? Он пришел?** «Ты вчера был с ним **в кино?**» (при главном ударении на **в кино**). В специально-вопросительном предложении, т. е. в таком, которое содержит вопросительное слово — член предложения и предполагает ответ, дающий конкретную информацию соответственно значению этого слова (например, **Кто пойдет?**), мелодический рисунок оказывается сходным с мелодическим рисунком повествовательных предложений: поскольку вопросительность выражена специальным словом, необходимость в ее интонационном выражении отпадает. Даже и там, где вопросительность передается инвертированным порядком слов (**Пришел он?**), вопросительная интонация не является обязательной. Зато она совершенно обязательна в таких вопросительных предложениях, которые ничем, кроме интонации, не отличаются от невопросительных (**Это ты? Он пришел?** и т. п.).

2. Интонация перечислительных конструкций характеризуется однородными движениями тона на каждом члене перечисляемого ряда (повторением мелодического рисунка), паузами, отделяющими каждый член от предыдущего, в русском языке обычно дополнительным удлинением гласных ударных слогов. Ср. **Швед, русский колет, рубит, режет** (Пушкин); **Ночь, улица, фонарь, аптека** (Блок).

3. Интонационное примыкание создается паузой между поставленными рядом словами, заставляющей слушателя воспринимать их как не связанные между собой и относить одно из них по смыслу к слову, более отдаленному в тексте. Ср. позиционное примыкание в «**Вечно нахмуренная свекровь | портила ей настроение**» (вертикальной чертой обозначаем паузу) и примыкание интонационное в «**Вечно | нахмуренная свекровь портила ей настроение**» (т. е. вечно портила).

Выражение синтаксических связей и функций с помощью синтаксических служебных слов. Имеются в виду сочинительные союзы, оформляющие связи между словами, словосочетаниями и целыми предложениями: **и, а, или, но, однако, ни...ни** и т. д.; подчинительные союзы, вводящие разного рода придаточные предложения (причинные, целевые и т. д.): **потому что, так как, чтобы, так что, хотя, если**; «относительные слова» (местоимения и наречия): **который, когда, где, куда** и т. д. Синтаксическими служебными словами являются также вопросительные частицы вроде **ли, разве, неужели** и слова,

оформляющие сказуемое, например связка **есть, был, будет** и т. д., связка **это** («Наши дети — **это** наше будущее»), Иногда бывает трудно провести грань между синтаксическим служебным словом и словом знаменательным. В частности, это относится к так называемым «полусвязочным» глаголам (или «знаменательным связкам») вроде **стать, становиться, оказаться**.

Выражение синтаксических связей с помощью синтаксического основосложения. Обычно сложение используется как словообразовательный прием, средство создания новой номинативной единицы — слова. Возникая на базе словосочетания, сложное слово может в той или иной мере сохранять синтаксические отношения между своими компонентами (**каменоломня** == 'место, где ломают камень', **пылесос** = 'то, что сосет пыль', **целеустремленный** = 'устремленный к цели', **плодоносить** == 'приносить плоды'), но эти отношения оказываются как бы окаменевшими, они не участвуют в синтаксическом построении предложения или словосочетания. Наряду с такими сложными словами — номинативными единицами словаря — встречаются сложные слова иного типа: эквиваленты переменных синтаксических сочетаний. В русском языке таковы сложные слова с первым компонентом — числительным, например: **девяти-, двенадцати-, шестнадцатипятиэтажный, тридцатипятиметровый, тридцатисемирублевый, двухсотпятидесятистраничный** и т. д., и т. п. Можно сказать, что в принципе все такие слова не узואальны, а окказиональны 1 . Как и равнозначные им словосочетания (**дом**) **высотой в... этажей, (что-то) длиной в 35 метров, ценой в 37 рублей, толщиной в 250 страниц**, эти сложные слова строятся по определенной модели в самом процессе высказывания, они не существуют «заранее», до акта речи в памяти говорящего (вернее, существуют там лишь как модель и образец, т. е. таким же образом, как и все другие синтаксические конструкции. Если угодно, мы имеем здесь известное противоречие между структурной и функциональной стороной: по структуре — слово, а по функции — словосочетание.

В русском языке синтаксическое основосложение применяется на сравнительно узких участках языковой структуры (кроме сочетания с числительными можно указать на слова типа **бело-розовый, красно-белозеленый**, на известные явления в технической терминологии). Но в некоторых языках синтаксическое основосложение получило широкое развитие. Так, в немецком языке определительное сочетание из двух (или нескольких) существительных всегда может быть заменено окказиональным сложным существительным. Например, вместо **die Reise nach Harz** 'поездка в Гарц' Гейне употребил сложное существительное с первым компонентом — именем собственным: **die Harzreise**. Совершенно нормально звучат по-немецки и другие подобные существительные: **Londonreise** 'поездка в Лондон', **Afrikareise** 'поездка в Африку' и т. д. Возможны **Goethebeispiel, Shillerbeispiel** 'пример из Гете (из Шиллера)', **Beethovenstraße** 'улица Бетховена' и т. д.

Есть языки, в которых синтаксическое основосложение используется еще шире, не только при выражении определительных отношений, но и при выражении отношений между действием и его объектом, и даже такие, в которых целое предложение может быть оформлено наподобие сложного слова. В этих случаях говорят об инкорпорации 3 — полной (если все предложение строится как единый «инкорпоративный комплекс») или частичной.

Вот пример полной инкорпорации из языка индейского племени нутка:

ура-нивх *пила-тьо-кьу-дь*
 1 2 3 4 5 6

Значения частей: а) в первом комплексе — 1) 'хороший', 2) 'человек, нивх'; б) во втором комплексе — 3) 'большой', 4) 'рыба', 5) 'ловить, убивать на охоте', 6) аффикс предикативности. Значение всего предложения: 'Хороший нивх большую рыбу ловит'. Во всех этих случаях инкорпоративный комплекс не дан в языке заранее, не воспроизводится подобно слову, а как переменное словосочетание конструируется в процессе речи.

Кроме того, описываемая в предложении ситуация обладает множеством

разнообразных признаков (время, место, темп протекания и т. д.), которые, однако, не обусловлены лексическим значением соответствующего глагола. Признаки, важные для смысла высказывания, могут быть названы в предложении с помощью разного рода обстоятельственных слов — сирконстантов («писал вчера, пишу за столом, старательно» и т. д.), а некоторые признаки (обычно время, часто — характер протекания) получают грамматическое выражение с помощью форм времени и вида.

Выше (см. § 168) было разъяснено понятие валентности. Способность глагола сочетаться с актантами, «открывать» для них «места» называется валентностью глагола. В зависимости от количества этих мест различают одновалентные глаголы (лежит — кто или что?), двухвалентные (любит — кто? кого или что?), трехвалентные (дает — кто? что или кого? кому?) и т. д. Есть и нульвалентные глаголы, обозначающие некую нечленимую ситуацию и потому неспособные иметь хотя бы один актант (светает). С этой классификацией пересекается другая — по характеру отношений между глаголом и его актантами. Так, среди трехвалентных глаголов выделяют глаголы с адресатом (пример выше), глаголы с орудием (рубит — кто? что? чем?), глаголы лишения (берет кто? что? у кого?) и т. д.

Приведенные примеры иллюстрируют содержательную валентность. От нее отличается валентность формальная, определяющая внешнюю форму актантов. Так, содержательно нульвалентные глаголы в некоторых языках требуют фиктивного актанта — формального подлежащего (англ. «It is raining», нем. «Es regnet», фр. «Il pleut» — все со значением 'идет дождь') 1. Среди одновалентных глаголов одни требуют именительного падежа актанта (Собака бежит; Я мерзну, Я не сплю), другие — косвенного падежа (Меня знобит; Мне не спится). Ср. и среди двухвалентных; люблю кого? или что?,

но люблюсь кем? или чем? или еще: хочется кому? чего? но везет кому? в чем? и т. д.

Далее валентность может быть реализуемой обязательно или лишь факультативно. По-русски можно сказать «пойду» и «я пойду», а по-английски только *III go*: в русском актант, называющий агенса, здесь факультативен, а в английском — обязателен (что, конечно, связано с морфологической выраженностью агенса в русском глагольном окончании и отсутствием такой выраженности в английском глаголе). Иногда тот или иной партиципant прямо назван уже в корне глагола, ср. *пилить*== 'разрез^оть пилой'. В этих случаях соответствующий актант возможен только со специфическим, но не с общим значением: *пилить тупой пилой*, но не «пилить пилой» (кроме случаев специального противопоставления: *пилить не напильником, а пилой*). Обязательность или необязательность актанта может носить чисто традиционный характер. Так, в русском языке писать может употребляться без актантов (*Пишу*), а нарушать обязательно требует актанта — дополнения в винительном (при отрицании — в родительном) падеже: *нарушать правила* (*Он не нарушил правил*).

Если глагол способен иметь два и более актантов, между ними обязательно

существует иерархия: один из них противопоставляется другим как подлежащее — дополнениям 2 . Подлежащее — главный актант. Чем же определяется его грамматическое «первенство» среди прочих актантов? Опять-таки оно определяется глаголом. Кроме валентности всякий более чем одновалентный глагол обладает так называемой *о р и е н т а ц и е й* — способностью ориентировать свое значение на один из актантов и тем самым выделять этот актант в качестве грамматически «первого».

Глаголы, описывающие одну и ту же ситуацию, но различающиеся своей ориентацией, называются взаимноконверсивными. Таковы, например, *давать* и *получать*, *покупать* и *продавать*, *обладать* и *принадлежать*, *(я) имею* и *(у меня) есть*. Адресат действия *давать* по существу остается тем же адресатом, когда мы употребляем глагол *получать*, и вместе с тем, благодаря иной ориентации глагола, этот адресат осмысливается как своего рода агенса и выражается с помощью подлежащего. Наряду с лексическими конверсивами — разными глаголами — используется грамматическая категория, создающая конверсивы, — категория залога. В ряде языков выступает система двух противопоставленных залогов — актива и пассива. Активом, или действительным залогом, называется такая форма глагола, при которой подлежащее соответствует агенсу («*Рабочие строят дом*»), а пассивом, или страдательным залогом, — такая, при которой подлежащее, напротив, соответствует пациенсу («*Дом строится рабочими*», «*Дом строится*», «*Дом был построен*» и т. п.) или — в некоторых языках — также адресату (англ. «*He is given a book*» "Ему дали книгу"). В языках мира известны и другие залоговые маркирующие в формах глагола иные типы отношений между партиципантами и актантами.

Дополнения обычно классифицируются по их форме на прямые и косвенные, беспредложные и предложные и т. д., а **сирконстанты** — по их значению на обстоятельства времени, места, образа действия, цели, причины и т. д. Спорным является вопрос о границе между дополнениями и обстоятельствами в некоторых случаях, в частности о том, как квалифицировать приглагольный член со значением места в предложениях вроде «Он проживает в **Ленинграде**», «Он отправился **домой**». Выделенные курсивом слова традиционно рассматриваются как обстоятельства места. Но глаголы, к которым они относятся, без подобных «обстоятельств» не употребляются. «Обстоятельство» принадлежит здесь к числу обязательных «восполнителей» глагола, а потому часто трактуется как особый актант.

По традиции в число членов предложения включают еще атрибут (определение). Но обычное определение (словоформа **больной** в **Она помогала больной матери**) по существу не член предложения, а только член (непредикативного) словосочетания: такое определение никогда не подчинено непосредственно глаголу-сказуемому. Напротив, предикативное определение (**больная** в **Мать вернулась домой больная**) — компонент сложного глагольно-именного сказуемого, и соответствующие предложения не являются чисто глагольными, а представляют собой контаминацию глагольного и именного предложений (**мать вернулась домой** + **мать была больная**). В заключение приведем обобщенное графическое изображение грамматической структуры предложения с трехвалентным глаголом (рис. 4).

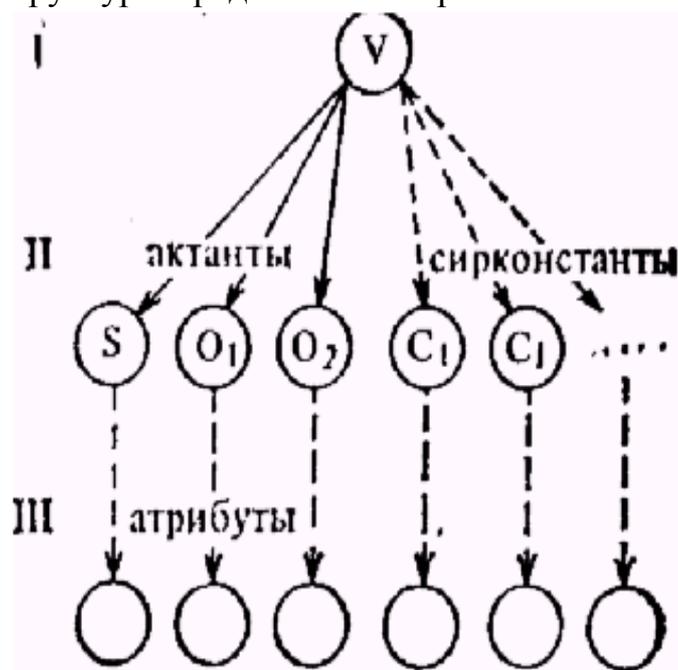

Рис. 4. Грамматическая структура предложения с трехвалентным глаголом

I — доминанта предложения, II — члены предложения, подчиненные непосредственно, III — подчиненные этим членам члены определительных словосочетаний; V (лат. *verbum*—сказуемое, выраженное глаголом. S (лат.

subjctum) — подлежащее. O1 (лат. objectum) — прямое дополнение, O2 — косвенное дополнение. Ct (лат. Circumstantia temporis) — обстоятельство времени, Cl (лат. circumstantia loci) — обстоятельство места, многоточия — другие возможные сирконстанты и атрибуты. Размещение узлов схемы не отражает линейной последовательности элементов в реальных предложениях. Сплошные стрелки соответствуют валентностям глагола-сказуемого, пунктирные — остальным синтаксическим связям

Актуальное (коммуникативное) членение предложения

Кроме определенной формально-синтаксической структуры каждое предложение (исключая однословные) характеризуется той или иной линейно-динамической структурой, воплощающей его так называемое актуальное членение. Для того чтобы уяснить себе эти понятия, сопоставим следующие русские предложения:

- (1) *5 четверг я дам тебе книгу.*
- (2) *Книгу я дам тебе в четверг.*
- (3) *В четверг я дам книгу тебе.*
- (4) *В четверг книгу дам тебе я.*
- (5) *В четверг книгу я тебе дам.*

Во всех пяти случаях говорится об одном и том же факте действительности; все пять предложений передают одну и ту же вещественную информацию. Содержание этой информации явствует из грамматической структуры данного предложения и из его лексического наполнения, которые во всех пяти вариантах остаются теми же. Во всех вариантах *дам* является сказуемым, *я* — подлежащим, *книгу* — прямым дополнением, *тебе* — косвенным дополнением, а *в четверг* — обстоятельством времени. Вместе с тем любой носитель русского языка отчетливо чувствует, что каждое из пяти предложений отличается по смыслу от четырех других. В чем же здесь дело? Какова природа этих смысловых различий?

Совпадая по передаваемой ими вещественной информации, эти предложения различаются по содержащейся в них актуальной информации. Цель, которую ставит перед собой говорящий, здесь каждый раз другая. Избирая первый вариант, он либо хочет сообщить о факте в целом, не выделяя особо отдельных моментов, либо, при более сильном ударе на последнем слове, подчеркнуть, что даст он именно книгу (а не, скажем, конспект лекций и т. п.). Во втором — четвертом вариантах выделяются другие моменты: что книга будет дана в четверг (а не в другой день), будет дана адресату сообщения (а не другому лицу), что даст ее именно говорящий (а не кто-либо другой). В пятом варианте подчеркивается, что передача книги действительно состоится, что факт этот будет иметь место непременно (такой вариант уместен, например, в случае, если было высказано сомнение или был задан вопрос, будет или не будет дана книга).

Очевидно, варианты второй — пятый (и первый при усиленном ударении на слове **книгу**) используются в тех случаях, когда говорящий хочет информировать о какой-то стороне факта, в остальном уже известного собеседнику. Только ради сообщения об этой еще неизвестной стороне факта и реализуется данное высказывание. Таким образом, актуальная информация есть как бы тот угол зрения, под которым подается вещественная информация, то, без чего сама вещественная информация теряет свою целенаправленность.

Актуальная информация передается линейно-динамической организацией предложения, т.е. последовательностью его элементов и местом логического ударения, а также использованием некоторых других грамматических и лексических средств, обслуживающих членение предложения на две взаимно соотнесенные части — так называемые тему и рему.

Тема — это то, что служит отправной точкой, своего рода «трамплином» для развертывания актуальной информации и что обычно (но не всегда) в какой-то мере известно адресату сообщения или самоочевидно для него. Рема — это то, что сообщается о теме, что составляет «ядро» и основное содержание высказывания.

В простейших случаях тема может совпадать с подлежащим, а рема — со сказуемым, например «Брат **уехал**», но нередко отношение оказывается обратным: «Уехал **брат**» (ответ на вопрос «Кто уехал?»).

Ср. далее:

«Молоко **привезли**», «У девочки **грипп**», «В доме **кто-то был**». Тема, как правило, дана ситуацией общения или предшествующим контекстом и потому даже может быть опущена без ущерба для понятности предложения (все приведенные примеры можно превратить в неполные предложения, сохранив в них только часть, набранную курсивом). Рема, напротив, не может быть опущена. Так, если указание на лицо говорящего или собеседника не входит в рему, соответствующее личное местоимение в им. п. в русском и в некоторых других языках часто опускается: «**Книгу дам тебе в четверг**»; «**Эту работу можете закончить**». Однако, если указание на лицо входит в рему, пропуск личного местоимения — подлежащего абсолютно невозможен: «**Книгу дам тебе я**»; «**Работу закончишь ты**».

Иногда рема целиком состоит из одного только нового, неизвестного для собеседника:

«Секретаря зовут **Михаил Семенович**»; «Сойдите **на четвертой остановке**». Часто, однако, рема содержит элементы, уже известные, и новизна заключается только в их соотнесении с темой: «**Это сделаю я**»; «**Я еду в Москву**».

Существуют предложения, в которых и тема и рема состоят из «нового» (обычно в начале речи), например «**Жили-были дед и баба**»; «**Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова**» (первые слова «Пиковой дамы» Пушкина). В русском языке в подобных предложениях

глагол часто стоит на первом месте или, во всяком случае, предшествует подлежащему. В языках с фиксированным порядком слов нередко перед глаголом ставится «формальное подлежащее», а основное подлежащее (являющееся ремой) следует за глаголом: нем. «Es war einmal ein K o_ nig» 'Жил-был однажды король'.

В связном повествовании, в диалоге и т. д. рема предшествующего предложения обычно становится темой последующего.

В рассмотренных до сих пор примерах тема линейно предшествует реме. Такую последовательность чешский языковед В. Матезиус (1882—1945), разработавший основы теории актуального членения предложения, называл «объективным порядком», при котором «мы движемся от известного к неизвестному, что облегчает слушателю понимание произносимого»¹. Существует и обратный порядок — «субъективный» (по Матезиусу), когда рема выдвигается в начало, что придает ей особую значимость. В этом случае предложение всегда характеризуется особым интонационным контуром, специальным подчеркиванием ремы, а в плане содержания — большей эмоциональностью и экспрессивностью. Ср. «Я дам тебе книгу» — с усиленным ударением на я.

Помимо интонации и порядка слов есть и другие средства передачи актуальной информации: некоторые лексические элементы (усилительно-выделительные частицы, местоимения), специальные синтаксические конструкции, артикли, залоговые трансформации (например, замена актива пассивом и наоборот) и т. д. Так, частица **даже** выделяет и подчеркивает рему: «**Даже она** этого не знала»; «Она **даже этого** не знала»; «Она этого **даже не знала**»; а энклитическая частица **-то** иногда подчеркивает тему: «**Я-то** этого не знал», «**Ему-то я** говорил». Неопределенные местоимения чаще сопровождают рему, а указательные — тему. Ср. «**Такую** (или **эту**, или **вот какую**) историю рассказал мне **один** знакомый (или **кто-то** из друзей)».оборот с **что касается** оформляет тему («Что касается меня, то я этого не знал»). А примером синтаксических конструкций, оформляющих рему, когда она оказывается подлежащим в предложении, могут служить англ. **thai is he who...**, фр. **c'est lui qui...** и т. п., например «**Thai was Mr. Brown who** told me this story» 'Эту историю рассказал мне мистер Браун'; «**C'est moi qui ai fini le premier**» 'Первым кончил я'. Значительная распространенность подобного выделительного оборота в ряде языков связана с тем, что в этих языках порядок слов служит средством в первую очередь формально-синтаксического членения предложения (§ 201,2) и лишь в очень ограниченных размерах может привлекаться для передачи актуального членения. Подобным же образом строятся выделительные конструкции для ремы, выступающей в функции других членов предложения. Ср. фр. «**C'est le style que j' admire**» 'Я восхищаюсь стилем' (именно стилем, а не чем-либо другим.)

Употребление неопределенного артикля нередко характерно для ремы, а определенного артикля — для темы. Ср. нем. «Die T ur offnete sich, und ein Greis trat ins Zimmer» 'Дверь открылась, и в комнату вошел старик' — «Die T ur offnete sich, und der Greis trat ins Zimmer» 'Дверь открылась, и старик вошел в комнату'.

Замена залога может быть связана с изменением актуального членения предложения. В английском предложении John loves Mary всегда, а в аналогичном русском Ваня любит Машу при отсутствии логического ударения на Ваня первое слово составляет тему или входит в нее. Если же по ситуации темой должны быть Mary и Маша, а ремой John и Ваня, то в русском языке мы можем изменить либо место логического ударения (Ваня любит Машу), либо порядок слов (Машу любит Ваня), либо еще и залог (Маша любима Ваней), причем последнее вовсе не обязательно. В английском языке изменение порядка слов без изменения залога в данном случае невозможно, а потому трансформация в пассив становится главным средством, с помощью которого может быть передано изменение актуального членения: «Mary is loved by John» (иной способ — использование приведенной выше выделительной конструкции «That is John who loves Mary»). Сходным образом обстоит дело во французском, немецком и в ряде других языков.

ЛЕКЦИЯ № 6. Письмо и этапы его развития.

Специальные виды письма.

План:

1. Возникновение письма и его исторические виды.
2. Графика.
3. Орфография. Принципы правописания.
4. Специальные виды письма.

Вступительные замечания.

Письмо является вторым по важности — после звукового языка — средством общения людей. Оно возникло значительно позже языка в раннеклассовом обществе в связи с усложнением хозяйственной жизни и появившейся потребностью как-то фиксировать информацию для сохранения ее во времени и для передачи на расстояние. Предшественниками письма были знаки, не связанные с языком и выполнявшие чисто мнемонические функции, т. е. служившие средством напоминания о тех или иных фактах (событиях, количестве каких-либо предметов и т. п.) совершенно независимо от языковой формы воплощения соответствующей информации. Но постепенно такое «предписьмо» превращалось в письмо: оно все теснее связывалось с языком, начинало все полнее и точнее передавать языковое сообщение, и притом не только его содержание, но и его внешнюю (звуковую) форму. Со временем письмо начинает оказывать влияние на язык, что становится особенно ощутимым с распространением грамотности.

§ Аналогично тому, как мы различаем язык и речь, так, говоря о письме, мы должны различать, с одной стороны, систему письма (инвентарь начертательных знаков и правила их функционирования), а с другой — конкретные акты использования этих знаков и возникающие при этом письменные тексты. Начертательные знаки, составляющие инвентарь письма, — это буквы, цифры, знаки препинания и разные другие фигуры и изображения. Каждый знак может рассматриваться как определенный элемент в данной системе письма, т. е. как абстрактная, многократно повторяющаяся в текстах единица — графема 1. В конкретном тексте мы имеем дело с экземплярами графемы — отдельными графами. Граф относится к графеме так же, как фон — к фонеме, морф — к морфеме и т. д. По своему начертанию графема может быть составной; такова, например, графема **ch**, выступающая с разным значением в латинском письме ряда народов.

Графема обычно имеет варианты — аллограф±мы, в частности и такие, которые по начертанию мало похожи друг на друга и объединяются в одну графему только функционально. Среди аллографем следует различать

стилистические (например, печатные и соответствующие рукописные буквы), факультативные (например, русские рукописные позиционные (греческая «сигма» в форме у в начале и середине слова и в форме т на конце слова), комбинаторные (например, в арабском письме, где многие буквы имеют до 4 вариантов, используемых в зависимости от наличия или отсутствия справа и слева определенных других букв).

д * у : дядя * дядя),

Что касается отношений (например, в современном русском письме) между прописной и соответствующей строчной буквами, то с точки зрения своих звуковых значений эти буквы должны были бы рассматриваться как аллографемы одной графемы; вместе с тем наличие у прописных букв ряда специальных функций обособляет их в отдельный подкласс, противостоящий подклассу строчных букв, и тем самым до некоторой степени придает прописным буквам качество отдельных графем.

В зависимости от того, какого рода языковая единица обозначается письменным знаком, различают два вида письма — фонографию, т. е. «запись звуков», и идеографию, т. е. «запись идей», и соответственно два главных типа графем — фонограммы и идеограммы.

Фонограммы — такие письменные знаки, которые обозначают звуковые единицы или звуковые особенности языка. Они только косвенно — через передачу звучаний — связываются со смыслом. Среди фонограмм могут быть выделены: 1) фонемограммы, соответствующие отдельным фонемам (например, все буквы в слове рука); 2) силлабограммы, соответствующие слогам (от др.-греч. *syllabe* 'слог') или по крайней мере сочетаниям согласной и гласной фонем в рамках слога (русские буквы я, ю, е, ё в положении не после согласных букв, например в я, пою, её, также и в яд, поют и т. д., где конец того же слога обозначен фонемограммой, знаки письма кана, применяемые японцами для записи грамматических морфем слова и в некоторых других случаях); 3) знаки для сочетаний фонем, не соотносимых с делением на слоги (латинское х /ks/); 4) знаки для дифференциальных признаков фонем (буква ь, указывающая в русском письме на палатализованность согласного, например в конь, мальчик; надстрочный знак Ъ, указывающий в чешском, словацком, венгерском письме на долготу гласного); 5) разного рода просодемограммы, например знаки ударения, применяемые в отдельных случаях в русском письме, знаки тонов в современном вьетнамском письме (^ над гласной буквой); 6) знаки удвоения (цифра 2 после слова в индонезийском письме, например *orang 2 = orang orang* 'люди'). Встречаются и смешанные типы фоно-грамм (например, в русском письме буквы я, е, ю, ё после согласной буквы обозначают определенную гласную фонему и одновременно ДП предшествующей согласной фонемы,

Идеограммами мы называем письменные знаки, передающие значащие единицы языка непосредственно (не через передачу звучания этих единиц). Типичными примерами идеограмм являются цифры, знаки \square , \square , \square и т. п. Когда мы пишем цифру 5, мы передаем некоторую идею, не обращаясь к звучанию и к фонемному составу слова 'пять' в том или ином языке, будь то русск. **пять**, англ. **Five** или узбек, **беш**. Поэтому русский, англичанин и узбек, читая цифру 5, «озвучат» (произнесут) ее по-разному, но поймут одинаково. В отличие от фонограмм идеограммы, как правило, не предполагают точного соответствия определенным формам языка. Так, знак = может быть прочитан и как 'равно' ($a = 1$ 'a равно единице'), и как 'равняется', и в соответствующем контексте как форма того или иного косвенного падежа слова **равный** (например, в сочетании **при a = 1** 'при a, равном единице').

Важнейшим типом идеограмм являются **логограммы** (лексемограммы), соотносимые с целыми словами (примеры были только что приведены). Встречаются также **морфемограммы**, служащие обозначениями морфем: так, в немецком письме точка после цифры соответствует суффиксу порядкового числительного (9 без точки читается **neun** 'девять', а **der 9.** как **der neunte** 'девятый'). Особое место занимают идеограммы-разделители (пробел между словами, знаки препинания) и идеограммы-классификаторы, выделяющие какой-либо класс значащих единиц, например прописная буква, когда она указывает, что перед нами имя собственное (город **Орел** в отличие от нарицательного **орел**) или, в немецком письме, что перед нами имя существительное (**Kraft** 'сила' в отличие от **kraft** 'в силу'). Наконец, есть знаки, соответствующие целым сообщениям, их можно назвать **фразограммами**: стрелки — указатели направления, знаки собственности, знаки запрета, торговые знаки (значения таких знаков: 'этот предмет или животное принадлежит такому-то роду или такому-то хозяину', 'этот предмет неприкасаем' и т. д.). Но фразограммы, строго говоря, стоят уже вне собственно письма, всегда предполагающего так или иначе расчлененную передачу языкового сообщения.

Идеограммы можно разделить на разновидности и по иному принципу. Некоторые из них содержат элементы наглядной изобразительности, т. е. своим начертанием как-то напоминают предмет, обозначаемый данным словом или словосочетанием. Таковы некоторые фразограммы, например «предметные» вывески (изображение очков как знак магазина оптики), и логограммы, например римские цифры I, II, III, также цифра V, схематически изображающая контур руки с растопыренными пальцами, цифра Ч — соединение двух цифр V. С другой стороны, есть чисто условные идеограммы, например арабские цифры, знаки арифметических действий и др.

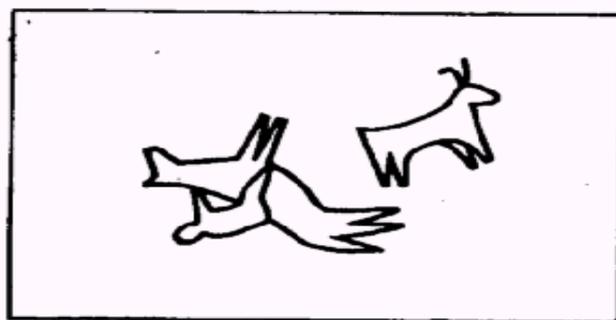
Основные вехи в историческом развитии письма.

Рассмотренные выше типы письменных знаков не только сосуществуют в разных системах письма в той или иной пропорции, но и выстраиваются в определенную стадиально-историческую

последовательность. Идеограммы как тип возникают в принципе раньше, чем фонограммы, а внутри каждого класса знаки, соотнесенные с высшими, более сложными единицами языка, возникают раньше, чем знаки, соотнесенные с единицами низшими и более простыми. Так, первые фразограммы предшествуют возникновению собственно письма, которое начинается с логограмм. Возникающие позже силлабограммы старше фонемограмм, а фонемограммы старше, чем знаки для отдельных ДП. Связано это с тем, что люди лишь постепенно научились анализировать свою речь, причем смысловые единицы были осознаны раньше, чем звуковые, и осознание более сложных единиц, таких, как предложение, слово, а также слог, произошло раньше, чем осознание простейших, элементарных единиц—морфемы и фонемы, а тем более ДП фонемы.

Рис. 8. Индейский наскальный рисунок вблизи крутой горной тропы в штате Нью-Мексико.

Предупреждает, что по этой тропе вскарабкается горная коза, лошадь же здесь свалится в пропасть.

Кроме того, в историческом развитии идеограмм прослеживается движение от изобразительных знаков к знакам условным, но еще сохраняющим наглядную мотивировку, а затем уже к чисто условным знакам, утратившим всякий след наглядной изобразительности.

Предшественниками письма были, с одной стороны, как сказано выше, мнемонические знаки (бирки, зарубки и т. д.), с другой—так называемая пиктография (от лат. *pictus* 'нарисованный'), т. е. наскальные и иные рисунки, служившие, помимо магической и, возможно, уже зарождавшейся эстетической функции, средством напоминания о содержании информации безотносительно к языковой форме передачи этого содержания. Пример информативной пиктографической композиции воспроизводится на рис. 8. Другой пример (рис. 9) содержит кроме изображений предметов также знаки с чисто условным значением.

Первые системы письма в подлинном смысле слова, как можно думать, были по значению используемых знаков логографическими: они передавали речевое сообщение более или менее пословно, слово за словом, но еще сохраняли в начертании и во «внутренней форме» знаков связь с пиктографией предписьменного периода.

Однако древнейшие системы письма, известные науке,—древнеегипетская

иероглифическая (с конца IV тысячелетия до н. э.)¹, шумерская (с начала III тысячелетия до н. э.), древнекитайская (со II тысячелетия до н. э.) и ряд других в

Старом Свете, а в Новом Свете система майя (I тысячелетие до н. э.) — уже не представляют в чистом виде логографическую стадию, а носят в той или иной мере переходный характер. Как и типологически более примитивные (хотя относящиеся к недавнему прошлому) факты из практики некоторых народов Африки, аборигенов Америки и Австралии, они позволяют в общих чертах проследить основные этапы становления и ранней эволюции письма.

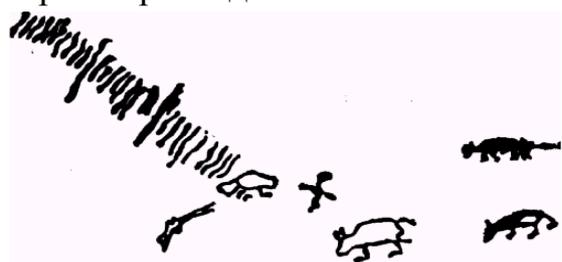

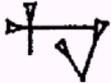
Рис. 9. Деловое письмо индейцев Северной Америки. Запись условий обмена (косой крест) шкурок 30 бобров, убитых на охоте (изображение ружья), на бизона, выдру и еще какое-то животное.

Так, мы можем отметить внешнюю эволюцию знаков: их форма постепенно упрощалась, изображения становились все более схематичными и условными (табл. 3). Менялось также (и остается разным в разных существующих сейчас системах письма) направление строки: слева направо, справа налево (в арабском и еврейском письме), сверху вниз (у китайцев, корейцев) или попеременно направо и налево (так называемый бустрофедон). Но более существенна внутренняя эволюция систем письма, заключавшаяся прежде всего в формировании знаков для «непредметных» слов — глаголов, прилагательных и абстрактных существительных либо путем использования изобразительных знаков в «переносных» значениях, либо путем образования новых, в частности сложных, знаков (табл. 4, 5).

Не является случайностью то, что логографический принцип не стал ни в одной системе письма единственным и всеобъемлющим. Последовательно проведенная логография потребовала бы колоссального количества знаков (отдельный знак для каждой лексемы!) и при этом — особенно для языков с синтетическим формообразованием — осталась бы все равно очень неточным средством передачи устной речи, так как не могла бы передавать всех тех грамматических отношений между словами, которые выражаются служебными морфемами — частями слов. В действительности люди не стали придумывать для каждой лексемы новую логограмму, а начали на основе самых разнообразных ассоциаций широко использовать уже имевшиеся знаки для обозначения с их помощью новых слов, как производных от того же корня или связанных с данным словом по смыслу, так и для тождественных или даже только близких по звучанию.

Таблица 3. Внешняя эволюция некоторых изобразительных логограмм

а) В шумерском письме и в более поздней месопотамской клинописи

Первоначальное начертание	Дальнейшая эволюция в			Значение
	шумерской	ранневавилонской клинописи	ассирийской	
				птица
				рыба
				осел
				бык
				колос, зерно
				сад
				нога, идти, стоять
				солнце, день

Продолжение табл. 5

б) В древнеегипетском письме 1

Иероглиф (классическая форма)	Первоначальное значение	Позднейшее развитие начертания	
		в иератическом письме	в демотическом письме
	лист тростника		
	нога		
	вода		
	пьедестал		
	сова		

в) В китайском письме

Древняя форма (письмо инь)	Современная форма *	Значение	Древняя форма (письмо инь)	Современная форма	Значение
		солнце			ребенок
		гора			собака
		глаз			лошадь
		рот			рыба

Таблица 4. Использование изобразительных знаков в переносных значениях

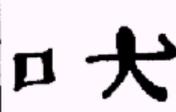
Знак	Его значение	Мотивировка	Знак	Его значение	Мотивировка
а) В пиктографическом письме североамериканских индейцев					
	ловкость	человек с крыльями вместо рук		любовь	соединенные сердца
	дружба	соединенные руки		смерть	животное вниз головой
				внимание, слух	голова с линиями от ушей
б) В древнеегипетском письме					
	старый, старость, возраст	человек с посохом		идти	шагающие ноги
	свежий, свежесть	кувшин и струя воды		властвовать	посох как знак власти
в) В китайском письме					
	пленник	человек в ограде		рвать	рука над деревом
	граница	межа на поле		лаять	рот и собака
	слово	рот с выходящим дыханием		петь	рот и птица
	светлый	солнце и месяц		слышать	дверь и ухо

Таблица 5. Некоторые составные логограммы в шумерском письме

	=		+		'дикий бык' (= бык + гора)
	=		+		'есть' (= рот + хлеб)
	=		+		'госпожа' (= женщина + платье)
	=		+		'родить' (= птица + яйцо)

Переносы знака на целые ряды связанных смысловыми ассоциациями слов

(например, 'нога' □ 'идти, стоять' или 'глаз' □ 'видеть, смотреть, внимание, зоркость' и т. д.), естественно, создавали и увеличивали полисемию знаков логографического письма. Там же, где логограмму начинали употреблять для обозначения слова, тождественного или близкого по звучанию, возникала принципиально новая ситуация: ведь такой перенос вел к фонетизации логограммы, к превращению ее из знака слова в знак определенного комплекса звуков, соответствующего двум или нескольким совершенно разным по значению словам. Фонетизованные логограммы широко представлены уже в древнейших, исторически известных системах письма. Например, древние египтяне передавали глагол 'становиться' изображением навозного жука

так как корни соответствующих слов содержали одинаковые согласные, а прилагательное 'большой' (на таком же основании)—изображением ласточки

Дальнейший шаг состоял в том, что знак, указывавший на слово как на "некий звуковой комплекс, начинал применяться уже не только для сходно звучащих слов, но и для сходно звучащих частей слова и в таком употреблении уже вообще переставал быть логограммой. Он мог теперь, указывая на определенное звучание, передавать ту или иную часть слова, значащую (суффикс, окончание и т. д.) или незначащую (звуковой отрезок

той или иной протяженности, слог, наконец, и отдельный звук). Так у письменных знаков появляется функция настоящих фонограмм, совмещающаяся в одном знаке со старой, лого-графической функцией (табл. 6).

Таблица 6. Совмещение логографических и фонографических функций в знаках древнеегипетского письма.

Иероглиф	Логографическое значение	Фонографическое значение	Иероглиф	Логографическое значение	Фонографическое значение
Примеры «одногласных» знаков					
	лист тростника	j + любой гласный ¹		рот	г + любой гласный
	птенец, цыпленок	w + »		тростниковая ограда	h + »
	нога, идти	b + »		водоем	š + »
	цоколь, табурет	p + »		корзина	k + »
	рогатая змея	f + »		пьедестал	g + »
	сова	m + »		хлеб	t + »
	волна, вода	n + »		ладонь	d + »
Примеры «двусогласных» знаков²					
	горшок	pw		заяц	wp
	лев	gw		опахало	mš

Выступая в фонографическом значении и комбинируясь с логограммами, такие знаки позволяют дифференцировать на письме разные грамматические формы одного слова и разные производные одного корня. Это существенно повышает точность письма, полноту его соответствия языковой форме высказывания. У разных народов в той или иной мере развивается тенденция — корни слов записывать идеографически

(логограммы превращаются при таком использовании в своего рода морфемогаммы), а аффиксы — фонографически, соответственно их звучанию.

Картина развития усложнялась там, где письмо заимствовалось народом, говорившим на другом языке. Классический пример— заимствование шумерского письма аккадцами, пришедшими в долину Тигра и Евфрата в середине III тысячелетия до н. э. У аккадцев заимствованные письменные знаки используются как «гетерогаммы» (от др.-греч. *heteros* 'другой, чужой'), т.е. сохраняют традиционное шумерское звуковое чтение и вместе с тем начинают читаться по-аккадски. Так, знак, представлявший собой первоначально изображение звезды и имевший у шумеров значение 'небо' (шум. *an*) и 'бог' (шум. *dingir*), а наряду с этим значение слогового знака 'an', стали читать еще как *šam* и *ili*, соответственно звучанию аккадских слов, обозначавших 'небо' и 'бог' (а также и в качестве слогового знака 'il').

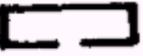
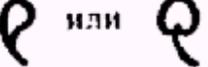
Широко представлены в письме разных народов и другие формы сочетания логографии и фонографии. Так, добавляя фонограмму («фонетический комплемент») к многозначной логограмме, можно было указать, какой из возможных синонимов имеется в виду в данном случае (табл. 7). Можно было заменить логограмму одного слова сочетанием логограмм других (более коротких) слов по принципу ребуса: в этих случаях используемые логограммы выступали как фонограммы, обозначая (точно или приблизительно) отдельные звуковые сегменты передаваемого слова. Подобные «ребусные» написания особенно широко применялись там, где логографическая передача слова была затруднительной или даже — невозможной, в частности при письменной фиксации более абстрактных понятий и некоторых имен собственных.

Примером может служить написание в ацтекской рукописи термина *teocaltitlan* 'храмовый персонал' комбинацией знаков *ten*- 'губы', *o*- 'дорога', *cal*- 'дом' и *tlan*- 'зубы' (причем предпоследний слог *ti*- остается необозначенным, а конечный носовой слова 'губы' игнорируется). Китайцы, сохранившие архаическую систему лого- или морфемогаммического письма, и сейчас пользуются ребусным принципом при передаче иностранных имен, так что, например, русская фамилия *Алексеев* пишется по-китайски шестью знаками, которые читаются как «*a-le-ke-se-e-fu*» и в своем прямом логографическом значении дают следующий «смысл» (или, скорее, бессмыслицу): холм + ряд + одолеть + благодарить + дело + прозвание.

Стремление сделать более надежным правильное прочтение многозначных логограмм вело также к выработке так называемых семантических классификаторов, или ключей (детерминативов). Ключ сопровождает в тексте логограмму, указывая, к какой смысловой сфере, к какой области действительности относится данное слово. Обычно в качестве ключей выступали логограммы с наиболее широкими значениями (соответствующие гиперонимам для данной группы гипонимов), такими, как 'дерево', 'растение и т. п. Ключи широко применялись в древнеегипетском,

шумерском и аккадском письме и в других сходных системах. Более 200 ключей используется в современном китайском письме. Близкие по звучанию различающиеся только тоном китайские слова 'мать', 'конопля', 'лошадь' (см. § 83) передаются модификациями одного и того же знака, первоначально означавшего 'лошадь' (этот знак приведен в табл. 3-в).

Таблица 8. Некоторые семантические детерминативы, использовавшиеся в древнеегипетском

				
мужчины	женщины	млекопитающие	деревья	растения
				
города	водные пространства	здания	сосуды, жидкости	корабли
				
земли	орошаемые земли	пустыни, чужие страны	части тела	свет, время
	 или 			
камни	сыпучие тела	огонь	абстрактные понятия	
				
ремесла, занятия	режиие	связывание	ломание, разделение	

Модификация создается добавлением соответствующих ключей: для 'матери' добавляется ключ 'женщина', для 'конопли' — ключ 'травы'.

Магистральная линия развития состояла, однако, не в использовании семантических классификаторов, а во все более последовательной и полной фонетизации письма. Решительный скачок происходит тогда, когда основная часть графем, употребляемых в данной системе, утрачивает логографические функции (кроме «цифровой» — функции обозначения чисел). Этому скачка еще не проделали древние египтяне, хотя у них уже фактически

выработались знаки для каждой (или почти каждой) согласной фонемы их языка, точнее — для сочетаний типа «определенный согласный + любой гласный (или нуль гласного)» 1 . Но эти же знаки параллельно продолжали употребляться и в своих старых логографических значениях, и потому древнеегипетское письмо, даже на самой поздней стадии, еще не стало фонографическим.

Не проделало решающего перехода к фонографии и традиционное китайское письмо. Оно до сих пор остается иероглифическим (т. е. лого- или морфемографическим), хотя в нем до 90% используемых знаков составляют фонетические логограммы (или фонетические морфемограммы). Сохранению архаического характера письма способствовали здесь типологические особенности китайского языка (невозможность морфемной границы внутри слога, частое совпадение слога и слова). Конечно, такое письмо сопряжено с громадными неудобствами, и прежде всего с большой трудностью овладения грамотой. Для того чтобы быть в состоянии только читать китайскую газету, необходимо знать 6—7 тысяч графем.

Первыми известными науке чисто фонографическими системами письма являются древние западносемитские системы, из которых наиболее важной оказалась финикийская (надписи с XII—X вв. до н. э.). Графемы финикийского письма обозначают звуковые последовательности типа «определенный согласный + любой гласный или нуль гласного». Каких-либо логографических функций эти графемы уже не имеют (кроме цифровых значений, связанных с алфавитным порядком графем). Письмо такого типа обычно называют консонантным, или безогласовочным. Необозначение гласных в финикийской и в других близких системах, как и у египтян, обычно объясняют тем, что в ряде афразийских языков (особенно в семитских) корень слова обычно состоит из одних согласных, тогда как гласные, вставляемые в корень в качестве трансфикса (см. § 155, б), являются в слове изменчивым, непостоянным элементом с грамматическим значением. Поэтому на стадии, на которой письмо давало только пословную, а не помор-фемную запись текста, обозначение гласных было еще ненужным.

В дальнейшем постепенно вырабатывались те или иные способы обозначать гласные. Пути этого развития в разных системах оказались разными.

1. В одних случаях безогласовочный характер письма в основном сохраняется, например в современном еврейском и арабском письме. В этих системах гласные обозначаются лишь отчасти (причем, так сказать, «по совместительству» — буквами для некоторых согласных) и в значительной мере факультативно (дополнительными значками над и под строкой, регулярно используемыми в школьных учебниках, в священных текстах — Библии и Коране, и т. п.).

2. В других случаях на базе или под влиянием безогласовочного древнесемитского письма развиваются системы, которые принято считать

силлабографическими. Таковы индийские системы, из которых наиболее широко известно письмо деванагари, развившееся к XI— XIII вв. н. э. и являющееся сейчас официальным государственным письмом республики Индия. Существуют и такие силлабографические системы, в которых (в отличие от индийского письма) слоговой знак не членится на элементы, которые можно было бы соотнести с фонемами в составе слога. Именно таково японское письмо к а н а́ '.

3. Третья линия эволюции консонантного письма — постепенное превращение его в полную фонемографию. Классическим примером такого развития является греческое письмо (древнейшие известные надписи относятся к VIII в. до н. э.). Греки заимствовали буквы у финикийцев, причем некоторые буквы они стали использовать для обозначения гласных уже не «по совместительству», а специально и исключительно (А, Е, Н, I и O), а две гласные буквы — **Х** и **Щ** — ввели дополнительно (табл. 9). Так возникла система, в которой каждый знак обозначает либо гласную, либо согласную фонему, причем фонемы обоих классов фиксируются на равных основаниях, в одной строке, и весь текст записывается пофонемно (фонема за фонемой), так что последовательность букв соответствует последовательности фонем 2.

К греческому письму так или иначе восходят и другие европейские и некоторые неевропейские системы фонемографического письма: прежде всего (через этрусское посредство) латинское письмо (табл. 10) и, по-видимому, руническое письмо древних германцев, далее славянское письмо в его двух разновидностях — кириллице и глаголице, готское письмо, коптское письмо в Египте и др.; греческое влияние во многом определило также характер армянского и грузинского письма.

Из двух вариантов письма, возникших у славян, **глаголица** в какой-то мере связана с греческим минускулом (скорописным письмом), но в ряде отношений самостоятельна и в общем представляет собой очень продуманную и тонко разработанную систему. По-видимому, именно она и была создана творцом славянской письменности Кириллом (до принятия монашества — Константин) во второй половине IX в. Однако в силу ряда причин глаголица постепенно вышла из употребления. О времени возникновения кириллицы идут споры. Ее буквы по большей части воспроизводят начертания букв греческого «унциального» (уставного) письма (использовавшегося в богослужебных книгах). Греческие буквы sporadически применялись для записи славянского текста, вероятно, еще до создания глаголицы, но кириллица как система сформировалась уже после глаголицы и под ее явным воздействием. Для фонем старославянского языка, не имевших аналогий в греческом, были созданы новые буквы.

Таблица 9. Соотношение между финикийским и греческим письмом

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв			Названия букв	
финикийские	греческие					у финикийцев ¹	у греков		семитские (еврейские) ²	греческие
	архаичные	восточные	западные	классические	соврем. печатные					
𐤀	ΑΔ	ΧΔ	ΔΑ	Α	Α	·x 1	a (или ā)	1	'алеф	альфа
𐤁	ΒΓΥ	ΒΒ	Β	Β	Β	b ^x 2	b	2	бет	бета
𐤂	ΓΓΑ	ΛΛ	Λ	Γ	Γ	g ^x 3	g	3	гимел	гамма
𐤃	Δ	ΔD	ΔD	Δ	Δ	d ^x 4	d	4	далет	дельта
𐤄	ΕΕ	ΕΕ	ΕΕ	Ε	Ε	h ^x 5	e (первонач. и e)	5	хе	эй, позже эpsilon ³
𐤅			𐤆	Ζ		w ^x 6	v или w ^A	6	вав	вау, позже дигамма ³
𐤆	Ζ	Ζ	Ζ	Ζ	Ζ	z ^x 7	z (d ^z)	7	зайин	дзета
𐤇	ΗΒ	ΗΒ	Β	Η	Η	h ^x 8	e (первонач. и западн. h)	8	хет	эта
𐤈	ΘΘ	ΘΘ	ΘΘ	Θ	Θ	t ^x 9	t ^h	9	тет	тета
𐤉	ΙΙ	Ι	Ι	Ι	Ι	j ^x 10	i (или i)	10	йод	йота

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв			Названия букв	
финикийские	греческие					у финикийцев	у греков		семитские (еврейские)	греческие
	архаичные	восточные	западные	классические	соврем. печатные					
𐤊	ΚΚΚ	ΚΚ	Κ	Κ	Κ	k ^x 20	k	20	каф	каппа
𐤋	ΛΛ	Λ	Λ	Λ	Λ	l ^x 30	l	30	ламед	лямбда
𐤌	ΜΜ	Μ	Μ	Μ	Μ	m ^x 40	m	40	мем	ми (мю)
𐤍	ΝΝ	ΝΝ	ΝΝ	Ν	Ν	n ^x 50	n	50	нун	ни (ню)
𐤎		ΞΞ	Χ	Ξ	Ξ	s ^x 60	ks	60	самех	кся
𐤏	ΟΟ	Ο	Ο	Ο	Ο	·x 70	o (первонач. и o)	70	'айин	омикрон ³
𐤐	ΠΠ	ΠΠ	ΠΠ	Π	Π	p ^x 80	p	80	пе	пи
𐤑	Ρ			Ρ		ts ^x 90	s	90	цаде	сан ⁵
𐤒	ΦΦ	Φ		Φ		k ^x 100	k	90	коф	коппа ⁵

Формы букв						Звуковые и цифровые значения букв			Названия букв	
финикийские	греческие					у финикийцев	у греков		семитские (еврейские)	греческие
	архаичные	восточные	западные	классические	соврем. печатные					
𐤓	ΡΡΡ	ΡΡD	ΡΡΡ	Ρ	Ρ	r ^x 200	r	100	реш	ро
𐤔		ΣΣ	ΣΣ	Σ	Σ	s ^x 300	s	200	шин (син)	сигма
𐤕	ΤΥ	ΤΤ	Τ	Τ	Τ	t ^x 400	t	300	тав	тау
	ΥΥV	VY	ΥΥV	Υ	Υ		y (или y, в дифтонгах y)	400		ипсилон ³
		ΦΦ	Φ	Φ	Φ		p ^h	500		фи
	Ψ	Χ+	ΨΥ	Χ	Χ		k ^h (зап. ks)	600		хи
		ΨΥ		Υ	Ψ		ps (зап. k ^h)	700		пси
	Ω	Ω		Ω	Ω		ō	800		омега ³

Примечания к таблице 9

Таблица 10

Отношение латинского письма к западногреческому и этрусскому

западно-греческие	Формы букв				Звуковые значения букв			
	этрусские		латинские		западно-греческие	этрусские	латинские (первоначальные)	
	ранние	классические	первоначальные	добавленные позже				
ΑΑ	Α	ΑΑ	ΑΑ	Α		a	a	a
ΒΒ	Β		Β Β	Β		b	(b) ¹	b
ΓΓ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	g	k/g	k, g ²
ΔΔ	Δ		Δ	Δ		d	(d)	d
ΕΕ	Ε	Ε	Ε	Ε		e	e	e
ΦΦ	Φ		Φ	Φ		v	v	f ³
ΖΖ	Ζ	Ζ±		(Ζ)	Ζ	z	z	z ⁴
ΗΗ	Η	Η Η	Η	Η		h	h	h
ΘΘ	Θ	Θ				t ^h	t ^h	
ΙΙ	Ι	Ι	Ι	Ι	Ι	i	i	i, i ⁵
ΚΚ	Κ	Κ	Κ	Κ		k	(k)	k ⁶
ΛΛ	Λ	Λ	Λ	Λ		l	l	l
ΜΜ	Μ	Μ	Μ	Μ		m	m	m
ΝΝ	Ν	Ν	Ν	Ν		n	n	n
ΞΞ	Ξ						(s)	
ΟΟ	Ο	Ο	Ο	Ο		o	(o)	o
ΠΠ	Π	Π	Π	Π		p	p/b	p
ΡΡ	Ρ	Ρ	Ρ	Ρ			(s)	
ΧΧ	Χ	Χ	Χ	Χ		k	(k)	k ⁷
ΦΦ	Φ	Φ	Φ	Φ		r	r	r
ΣΣ	Σ	Σ	Σ	Σ		s	s	s

Продолжение табл. 10

Формы букв						Звуковые значения букв		
западно-греческие	эрусские		латинские			западно-греческие	эрусские	латинские (первоначальные)
	ранние	классические	первоначальные	добавленные позже				
Т	τ	†	TT	T		t	t/d	t
ΥV	ΥΥ	∨∨	V	V	YU	u	u	u, u ^a
Χ+	+		X	X		ks	ks	ks
Φφ	φ	Φ				p ^h	p ^h	
Ψ↓	Ψ	Ψ↓ 888				k ^h	k ^h	f

При Петре I в России была осуществлена реформа кириллицы, устранившая ряд ненужных для русского языка букв и упростившая начертания остальных. Так возникла русская «гражданка» («гражданская азбука» в противоположность «церковной»). В «гражданке» были узаконены некоторые буквы, не входившие в первоначальный состав кириллицы — э, я, позже й и затем ё; а в 1918 г. из состава русского алфавита были изъяты буквы і, ъ «ять», и («фита») и л («ижица») и одновременно отменено употребление «твердого знака» на конце слов. Различным изменениям подвергалось на протяжении веков и латинское письмо: были разграничены i и j, u и v (см. примечания к табл. 10), добавлялись отдельные буквы, отчасти разные для разных языков (w, œ, å, š, č, ó, ä и др.).

Более существенное изменение, касавшееся всех современных систем, состояло в постепенном введении обязательного словораздела, а затем и знаков препинания, в функциональном разграничении (начиная с эпохи изобретения книгопечатания) прописных и строчных букв (впрочем, последнее разграничение отсутствует в некоторых современных системах, например в грузинском письме).

В современном мире наибольшее распространение получила, как известно, латиница, выступающая в ряде национальных вариантов. Она принята в большинстве стран Европы (кроме Греции, Болгарии, отчасти Югославии и большей части СССР), в Америке и Австралии, во многих странах Африки (кроме Эфиопии и арабских стран), в нескольких странах Азии, в частности в Турции, Индонезии и Вьетнаме. Кириллица, выступающая также в ряде национальных вариантов, принята в СССР (кроме Эстонии, Латвии и Литвы, использующих латиницу, и кроме Грузии и Армении), а также в Болгарии, в Монголии, отчасти в Югославии. Арабское письмо, имеющее также ряд вариантов, применяется во всех арабских странах Азии и Африки, а также в Иране, Афганистане и Пакистане. Свои особые системы письма имеют, как сказано выше, Китай, Япония и Индия, а также Бирма, Таиланд, Шри Ланка, КНДР, Южная Корея, Израиль, Эфиопия, Греция и некоторые другие страны, а в СССР — Армения и Грузия.

АЛФАВИТ, ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

При рассмотрении фонемографических систем письма выделяют понятия

«алфавит», «графика» и «орфография». 1. Алфавит 1 — это та часть инвентаря графем фонемографического письма, которая упорядочена в стандартной последовательности, в определенном «алфавитном порядке». Так, в современный русский алфавит входят все буквы, используемые в русском письме, включая **ь** и **ъ**, но не входят знаки ударения и переноса, знаки препинания. Для алфавита важно не столько то или иное звуковое значение графемы, сколько самый факт ее прикрепления к определенному месту в условной последовательности графем. Например, для русского алфавита существенно не столько то, что буква **ю** имеет разное звуковое значение в словах **юг** и **люк**, сколько место этой буквы относительно других при традиционном перечислении букв.

2. Графика и орфография вместе охватывают всю совокупность правил функционирования графем фонемографического письма. Правила эти распадаются на два цикла: а) Первый цикл составляют правила графики — правила о соответствиях, связывающих в данной системе письма отдельные графемы и их комбинации с теми или иными звуковыми, фонологически существенными единицами языка (фонемами, слогами, ДП фонем, просодемами) и их сочетаниями. Соответствия эти могут формулироваться двояко: либо в виде правил чтения графем и их комбинаций (на-пример, в русском письме буква **у** всегда читается как /u/; в английском письме сочетание **ea** может читаться как /i:/, /e/, /ei/ или /ie/), либо в виде правил обозначения на письме фонем, их сочетаний, просодических явлений и т. д. (например, фонема /u/ после парного мягкого согласного всегда передается в русском письме буквой **ю**). б) Второй цикл составляют правила орфографии — правила написания значащих единиц языка, прежде всего морфем и слов, а также письменного оформления

словосочетаний и предложений. Орфография предполагает наличие соответствующих орфоэпических предписаний, устанавливающих «правильное произношение», т. е. более или менее строго определенное прочтение («озвучивание» в процессе чтения) значащих единиц, записанных по ее нормам.

Правила орфографии строятся на базе правил графики, поскольку во всяком фонографическом письме господствует принцип передачи значащих языковых единиц путем передачи их звучания. Там, где правила графики указывают на то или иное соответствие как на единственное в известных фонетических условиях, орфография ничего не добавляет к этим правилам: ср. написание слов **кум**, **трюм**, в которых употребление всех букв исчерпывающе определяется одной только графикой. Но там, где правила графики указывают на наличие нескольких параллельных возможностей, не зависящих от различия в фонетических условиях, орфографическое правило обычно выбирает для каждой данной значащей единицы какую-то одну

возможность и предписывает только ее, отбрасывая все остальные. Так фонема /a/ в безударном слоге обозначена по предписанию русской орфографии в одних словах (и соответственно морфемах) посредством буквы **а** (**сапог, разбить**), в других — посредством буквы **о** (**водить, колени, отрез**).

Орфография включает также правила обозначения на письме границ между языковыми единицами (в частности, правила о слитном, отдельном написании и написании через дефис); правила употребления прописных букв и письменных сокращений, наконец, технические правила переноса со строки на строку неуместившейся части слова.

Выбор между параллельными возможностями написания, предоставляемыми графикой, осуществляется на основе того или иного орфографического принципа. Выделим пять таких принципов.

Первый принцип обычно называют «фонетическим» и выражают формулой «как слышится, так и пишется». Однако не всякое написание, прямо отражающее произношение, определяется «фонетическим» принципом орфографии: в словах **кум, трюм, соль, дым, пурга** все буквы употреблены в прямом соответствии с произношением, но по законам русской графики на данных местах просто не могут стоять никакие другие буквы, так что здесь орфографии «не из чего выбирать». Другое дело — написание слов **карман, здесь** и др., где принципиально возможен выбор, поскольку графически допустимы и написание «корман», «сдесь», «здезь». Выбор буквы **а** для первого слога слова **карман**, выбор первой и предпоследней букв в слове **здесь** осуществлен действительно на основе определенного орфографического принципа. Опираясь на изложенное выше (см. § 47—67) учение о фонеме, точнее было бы назвать этот принцип фонематическим 1. Применительно к написаниям типа **раскол** (ср. **розыск**) рассматриваемый принцип может быть уже определен как «принцип фиксации живых чередований фонем». Последовательнее, чем в русской орфографии, он используется, например, в белорусской орфографии при выборе гласных букв (ср. белорусок. **нага, гара** при мн. ч. **ногі, горы; сястра** при мн. ч.

сёстры), в сербской орфографии — при выборе согласных букв (ср. **слатко** 'варенье' при **сладак** 'сладкий').

Второй принцип обычно называют «морфологическим», или «этимолого-морфологическим», а точнее можно назвать **морфематическим**. Суть его состоит в стремлении подчеркнуть единство морфемы, несколько сгладив на письме (в пределах, допускаемых графикой) реальное варьирование ее экспонента. Чаще всего морфематический принцип проявляется в игнорировании, неотражении живых чередований фонем (почему московская фонологическая школа, исходя из своей теории чередований, его-то и называет «фонематическим»). Такое игнорирование довольно последовательно проводится в русской орфографии: ср. **вода** через **о** ввиду **вод, водный** и **вод** с **д** — ввиду **вода, водный**; написание приставок (кроме **из-, воз-, низ-, без-** и особенно **раз-**) и предлогов и т. д. Игнорирование

живых чередований звонких и глухих согласных фонем характерно для польской, чешской, болгарской, немецкой и ряда других орфографий. Во французской орфографии в ряде случаев игнорируются исторические чередования фонем. При всей противоположности двух рассмотренных принципов орфографии между ними возможен компромисс. Он представлен, например, в немецком письме, где для фонем /e/ и /oi/ в тех морфемах, в которых они чередуются соответственно с /a/ и /ao/, применяются особые буквенные обозначения — ä и äu (вместо e и eu), например *Gast* 'гость'—мн. ч. *Gäste* /gEstE/ *Haus* /haos/ 'дом'—мн. ч. *Häuser* /hoizer/. Ср. и в польском письме обозначения *i* для /u/, чередующегося с /o/; *rz* — для /ż/, чередующегося с /r/.

Третий принцип орфографии иногда называют «символико-морфологическим»; мы назовем его граммематическим принципом. Суть его состоит в стремлении обозначить единым письменным знаком граммему, т. е. член грамматической категории, распространить этот письменный знак и на формы, реальное звучание которых не дает для этого оснований. Так, в русском письме буква **ь** указывает на женский род (и соответствующий тип склонения) существительного в формах вроде **ночь, мышь, рожь, вещь** и на повелительное наклонение в формах вроде **плачь, плачьте, ешь, ешьте, режь, режьте**. В этих случаях указание на мягкость является либо избыточным (в формах, написанных с **чь** и **щь**), либо даже противоречащим фактическому звучанию (в формах с **шь** и **жь**): ведь /č/ и /šč/ являются в русском языке всегда только мягкими, а /š/ и /ž/ только твердыми. Следовательно, **ь** пишется во всех этих формах лишь по аналогии с формами **кость, тень** и **встань, встаньте, сядь** и т. д., которые, принадлежа к тем же граммам, действительно характеризуются мягкостью.

Четвертый принцип называют дифференцировочным (иногда также «символическим», или «иероглифическим»). Он состоит в стремлении разграничить на письме лексические омонимы, закрепив за каждым из них разные написания. Ср. в старой русской орфографии различие слов **миръ** 'покой, тишина, отсутствие войны' и **міръ** 'вселенная' и 'крестьянская община'; во французской орфографии написания **la** (артикл) и **là** 'там, туда'; в испанской орфографии **di** 'скажи' и **dn** 'я дал (дала)'. Иногда разграничение омонимов на письме возникает как побочный результат применения других орфографических принципов, например второго (**луг** и **волы** в отличие от **лук** и **валы**) или третьего (**тушь** и **плачь** в отличие от **туш** и **плач**, ср. § 116,

Пятый принцип орфографии называют «историческим», «консервативным» или, лучше, традиционным. Это принцип сохранения написания, установившегося и ставшего привычным, но не отвечающего ни реальному произношению, ни морфологическим отношениям в современном языке. Ср. правила русской орфографии, предписывающие написание буквы **о** в первых слогах слов **горох, молоко**, буквы **б** в слове **общий**, буквы **г** в окончаниях прилагательных **-ого, -его**. Разновидность того же принципа — сохранение в заимствованных словах черт,

имитирующих иностранное написание, например **майор** вместо графически возможного **маёр, аллея** с двумя лит. п.1

Написания по фонематическому принципу, а также написания, полностью определяемые правилами графики, могут быть объединены как написания, непосредственно проверяемые произношением (т. е. произношением самой соответствующей формы). Написания по морфематическому и граммематическому принципам являются косвенно проверяемыми произношением: они проверяются по произношению либо той же морфемы в других положениях (**столы** с о ввиду **стол**), либо других форм, относящихся к той же граммеме (**ешь** с «мягким знаком» ввиду **брось**). Дифференцировочные и консервативные написания являются не проверяемыми произношением, беспроверочными. Можно сказать, что они в наибольшей мере представляют собой отступление от фонографического характера письма. Обычно в рамках орфографии одного языка в той или иной пропорции сочетаются разные принципы. В современной русской орфографии ведущим является морфематический принцип, известную роль играют также «фонетический» (в частности, при написании приставок, оканчивающихся на -з/-с) и граммематический. Довольно велик удельный вес консервативных написаний; однако до реформы русского письма, проведенной в 1918г., консервативных написаний было значительно больше, причем существенно сложнее была и графика. В немецкой, французской и особенно в английской орфографии в силу ряда исторических причин консервативных написаний много больше, чем в русской. Шире, чем у нас, применяется там и дифференцировочный принцип орфографии. К тому же в английском письме очень суженной является зона действия «окончательных» правил графики и, соответственно, слишком широкой зона действия чисто орфографических предписаний и запретов. Противоположный пример — финское письмо, в котором (если отвлечься от иностранных имен) написание слова всецело определяется графикой, почти не отличающейся от фонематической транскрипции, а орфография занимается, собственно, только иностранными словами, употреблением прописной буквы и т. п.

ТРАНСКРИПЦИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

В некоторых случаях отдельные слова и формы или целые тексты бывает необходимо записать не с помощью письма, принятого для данного языка, а с помощью какого-то другого, специального или иноязычного, письма. Это имеет место: а) когда нужно более точно, чем позволяет обычное письмо, передать фонемный состав или детали фонетической реализации каких-либо языковых единиц или речевых образований, и б) нередко, когда тексты или слова одного языка (на-пример, имена собственные) нужно воспроизвести в тексте, предназначенном для прочтения носителями другого языка. В случаях, указанных под а), используется научная фонематическая

или фонетическая транскрипция (см. § 50), в указанных под б) — либо специальная научная транслитерация, либо так называемая практическая транскрипция и транслитерация. Всякая транскрипция исходит из звучания и стремится передать его с той или иной степенью точности. Транслитерация, напротив, исходит из написания, из буквенного (графемного) состава передаваемого слова или формы 1 . Ср. передачу русской фамилии **Егоров**: в фонематической транскрипции — / jɛg'oraf / или /йэг'ораф/, в латинской транслитерации — **Egorov**.

Научная транслитерация должна строиться по принципу взаимно-однозначного соответствия между транслитерационными знаками и графемами подлинника. Это обеспечивает стопроцентную обратную переводимость транслитерированной записи. Например, в научной латинской транслитерации русской кириллицы необходимо обеспечить разную передачу русских букв **е** и **э** или **и** и **й**. Подобные разграничения достигаются добавлением к латинским буквам диакритических значков, а иногда и заимствованием тех или иных элементов из нелатинских алфавитов.

Практическая транскрипция и транслитерация обычно бывают ограничены традиционным набором знаков, используемых в данной системе письма. Такова, например, транслитерация, принятая у нас для международных телеграмм и опирающаяся на французский вариант латиницы. При включении иноязычных имен в русский текст используют сочетание транскрипции и транслитерации. Примером транскрипции может служить передача французского имени **Henri** в виде **Анри**, а примером транслитерации — передача французской же фамилии **Hugo** в виде **Гюго**: по-французски начальная буква **Н** не произносится ни в том, ни в другом слове, но во втором случае русское написание вос-производит эту букву в виде **Г**. В последнее время наблюдается большая склонность применять принцип транскрипции, а не транслитерации (ср. у Ломоносова **Невтон**, у Пушкина **Чильд Гарольд** и современные формы **Ньютон**, **Чайльд Гарольд**).

ЛЕКЦИЯ №7. Классификация языков.

Сравнительно-исторический метод в языкознании. Генеалогическая и типологическая классификации языков.

План:

1. Формирование сравнительно-исторического метода в языкознании.
2. Генеалогическая классификация языков.
3. Морфологическая классификация.
4. Ареальная классификация.
5. Функциональная классификация.

Генеалогическая классификация языков

Первые попытки классификации языков связаны с поисками и выявлением их родства. Основы генеалогической классификации были разработаны на материале индоевропейских языков в результате утверждения в XIX в. сравнительно-исторического метода в языкознании. Толчком к сравнительно-историческому изучению языков послужило знакомство европейских ученых с литературным языком Древней Индии – санскритом.

С помощью сравнительно-исторического метода сравниваются между собой генетически тождественные слова и формы родственных языков и восстанавливается их перво-начальный вид, который называют **праформами**. Считается, что при установлении родства языков наиболее достоверные результаты дают регулярные звуковые соответствия в сравниваемых языках, а также их грамматические соответствия, в особенности совпадение флексий, которые не заимствуются из языка в язык. Надежные результаты получают и при совпадении корней слов, принадлежащих к древнейшим пластам лексики.

Генеалогическая классификация опирается на историческое родство языков и тесно связана с исторической судьбой их народов. Группировка языков мира на основе их родственных связей предполагает общее происхождение того или иного количества языков из одного языка – праязыка. **Праязык** – это общий предок ряда родственных языков, распавшийся в ходе эволюции на родственные языки. По признаку родства языки могут быть разделены на несколько крупных разрядов, именуемых обычно семьями. **Языковую семью** образует вся совокупность родственных между собой языков, то есть в структурах всех этих языков есть общие черты, которые можно объяснить, если признать, что все эти структуры восходят к некоему языку-основе.

Внутри семьи языки связаны между собой более близкими или более далекими родственными отношениями. При этом внутри одних семей обнаруживаются большие, внутри других семей – меньшие расхождения отдельных языков. Группы языков внутри семьи называются обычно ветвями или группами. Языки одной ветви всегда ближе один к другому, нежели языки двух ветвей. Например, славянские языки как ветвь индоевропейской семьи языков ближе один к другому, чем русский и французский, поскольку последний принадлежит к ветви романских языков. Внутри ветви степень близости между языками также различна, поэтому некоторые ветви членятся на подгруппы родственных языков. Так, славянские языки делятся на южную, восточную и западную подгруппы. Языки могут оказаться и вне семей, если у них не обнаруживается родственных языков, например, японский и баскский языки.

Основные семьи языков. Самой крупной из всех языковых семей по числу говорящих на языках этой семьи является индоевропейская, которая и изучена в большей степени, чем другие семьи. Индоевропейские языки проявляют свое родство достаточно четко. Индоевропейская семья распадается на 12 ветвей, часть которых состоит из отдельных языков, а также мертвых языков. В состав индоевропейской семьи входят индоарийская или индийская, иранская, германская, славянская, романская, балтийская, кельтская группы языков, а также вымершие анатолийская и тохарская группы языков. Отдельно в этой семье стоят греческий, армянский и албанский языки.

В индоарийскую группу языков входит более 96 живых языков: хинди и урду, иногда объединяемые общим названием хиндустани, бенгали, панджаби, непали, цыганский и другие языки. Из мертвых – санскрит и ряд средне-индийских языков (пракритов).

Иранская группа обнаруживает наибольшую близость и индийской. На включает в себя 10 живых языков: персидский (фарси), афганский (пушту), таджикский, курдский, осетинский и другие языки. В иранскую группу входит много мертвых языков: авестийский, лидийский, парфянский, древнеперсидский, скифский и другие языки.

Германскую группу обычно разделяют на две подгруппы – северогерманскую, или скандинавскую, и западно-германскую. Северогерманская подгруппа объединяет в себе датский, шведский, норвежский, исландский и фарёрский языки. Западногерманская подгруппа состоит из немецкого, английского, голландского, фризского и новоеврейского (идиш) языка.

Славянская группа языков разделяется на 3 подгруппы – восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую. В восточной подгруппу входят русский, украинский и белорусский языки. Западная подгруппа включает в себя чешский, словацкий, польский, кашубский и лужицкий языки, а также мертвый полабский язык. Южная подгруппа

состоит из болгарского, сербскохорватского, македонского и словенского языков, а также мертвого старославянского языка.

Романская ветвь индоевропейской семьи языков представлена 12 живыми языками, наиболее известными среди которых являются итальянский, французский, испанский, португальский, румынский и молдавский язык. К мертвым романским языкам относится латынь и некоторые другие италийские говоры.

Балтийская группа языков немногочисленна. Она состоит из живых литовского и латышского языков и мертвого прусского языка.

Кельтская группа языков также немногочисленна. Она включает в себя ирландский, шотландский, бретонский и валлийский язык, а также мертвые языки-галльский и корнуольский.

Не образует ветвей греческий, албанский и армянский язык, хотя иногда говорят о греческой группе, включая в ее состав, кроме новогреческого языка, мертвые древнегреческий и среднегреческий, или византийский языки.

В мертвую анатолийскую группу языков входят хеттский, лувийский, лидийский, ликийский и некоторые другие языки Малой Азии. Мертвая тохарская группа индоевропейской семьи представлена языками Китайского Туркестана-тохарским, турфанским, карашарским.

Китайско-тибетская семья языков занимает 2 место по числу говорящих на языках этой семьи людей. По количеству же входящих в эту семью языков она немногочисленна. Сюда входят китайский, бирманский, тибетский и некоторые другие языки.

Третьей по численности носителей языков является **нигеро-кордафанская** семья языков. По количеству языков это одна из многочисленных семей, ее иногда называют языками коренного населения Африки. Она разбивается на ряд групп и подгрупп, включающих языки банту, гвинейские языки, кордафанские языки и т.д.

Австронезийская семья языков представлена более чем 150 языками. Ее разбивают на иногда на 2-индонезийскую и океанийскую или индонезийскую (малайскую) и полинезийскую – ветви, а иногда на 4 группы: индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую. На языках этой семьи говорят народы, населяющие многочисленные острова и полуострова Юго-Восточной Азии.

Семито-хамитская, или **афразийская** семья языков включает в себя арабский, амхарский-литературный язык Эфиопии, иврит и некоторые другие языки. В эту семью входят также языки многих народностей Северной и Западной Африки. Многие семито-хамитские языки вымерли: ассирийский, вавилонский, арамейский, финикийский, древнеегипетский, коптский и др.

Алтайская, или **тюркская**, семья объединяет в своем составе более 30 языков-тюркский, казахский, узбекский, азербайджанский, татарский, киргизский, якутский и ряд других языков.

Индийская семья-языки Северной и Южной Америки. Это языки коренных индийских племен, проживающих на этих территориях,- кечуа, гуарани, майя, ацтекские, ирокезские языки и т.д.

Уральскую семью иногда рассматривают как состоящую из 2 групп-финно- угорской и самодийской, а иногда полагают, что это две близкие семьи языков. К финно- угорским языкам относятся венгерский, финский, марийский и другие языки. В самодийские языки входят ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский язык.

Кавказская, или иберийско-кавказская, семья языков включает в себя абхазский, аварский, адыгейский, даргинский, лезгинский, табасаранский и другие языки.

Ряд языков в генеалогической классификации стоит отдельно, вне семей- японский, корейский, баскский и некоторые другие языки.

Типологическая, или морфологическая, классификация языков.

На протяжении XIX-XX вв. разрабатывается еще одна классификация языков, получившее название **типологической, или морфологической,** классификации. Основным принципом этой классификации языков является положение о том, что все языки мира независимо от того, родственны они между собой или нет, могут быть распределены на типы по каким- то общим признакам их структуры, прежде всего морфологической структуры слова. Поэтому классификация и получила свое двойное название. Наиболее общепризнанной является типологическая классификация языков, представленная четырьмя морфологическими типами – флективным, агглютинативным, аморфным и инкорпорирующим.

В языках флективного типа флексия является устойчивым и существенным признаком морфологической структуры слова. Для флективных языков характерно широкое использование флексий, выражающих самые различные грамматические значения. При этом флексия чаще всего полифункциональна, то есть выражает одновременно несколько грамматических значений. Например, в слове рука окончание –а выражает сразу три грамматических значения: женский род, единственное число, именительный падеж. Аффиксы во флективных языках могут занимать самое различное положение по отношению к корню, выступая то в виде суффиксов, то в виде префиксов, то в виде инфиксов. Флективные языки характеризуются фонетически не обусловленными изменениями корня (бегать – бежать, летать - лечу), наличием большого числа типов склонения и спряжения.

К флективным языкам принадлежат прежде всего индоевропейские языки. Для них существенно деление на языки аналитического и синтетического строя. Аналитический строй предполагает более широкое использование служебных слов, а также фонетических средств и порядка слов для выражения грамматических значений. Языками аналитического

строю являются английский, французский, болгарский и некоторые другие языки. Синтетический строй характеризуется большой ролью форм слов, образуемых при помощи флексий, а также формообразующих суффиксов и префиксов в выражении грамматических значений. К языкам синтетического строя относят русский, польский, белорусский, литовский и другие языки.

Второй морфологический тип языков – агглютинативные, или агглютинирующие, языки. Агглютинация – это последовательное приклеивание к основе-корню особых аффиксов, каждый из которых выражает только одно грамматическое значение. В агглютинативном типе языков границы морфем четко отграничены друг от друга.

Сами морфемы остаются в любых сочетаниях значимыми и самостоятельно показывающими свое значение. Агглютинативные аффиксы не изменяются вместе с изменением грамматической формы слова, например, башкирское:

им. падеж ед. числа *баш* (голова) — мн. числа *баш-лар* (головы)

род. падеж ед. числа *баш-тын* (головы) — мн. числа *баш-лар-тын* (голов)

вин. падеж ед. числа *баш-ты* (голову) — мн. числа *баш-лар-ты* (головы).

Для агглютинативных языков нетипичны явления опрощения и переразложения, фонетически не обусловленные чередования звуков. Для языков этого типа характерен единый тип склонения и спряжения. К агглютинативным языкам принадлежат тюркские, финно-угорские и другие языки. При этом степень агглютинации не во всех языках одинакова.

Третий морфологический тип языков — **изолирующие**, или **аморфные**, языки. Эти языки характеризуются отсутствием словоизменения, например, китайские слова *ча* — *чай*, *во* — *я*, *бу* — *не*, *хэ* — *пить*, соединенные в последовательности *ча во бу хэ*, обозначают *я не пью чаю* (буквально *чай я не пить*). Отсутствие формальных показателей взаимной зависимости слов в словосочетании или в предложении обусловило название таких языков — изолирующие языки. Грамматические значения в изолирующих языках выражаются с помощью служебных слов, порядком слов, музыкальным ударением и интонацией. Другое их название — аморфные — происходит потому, что у этого типа языков нет морфологической формы. Изолирующие языки называют также корневыми, поскольку слово в них равно корню, основе. К языкам изолирующего типа принадлежат китайский, вьетнамский и некоторые другие языки.

Последний морфологический тип языков — **инкорпорирующие**, или **полисинтетические**, языки. Главная структурная особенность инкорпорирующих языков состоит в том, что предложение в них строится как сложное слово, то есть слова сливаются в одно общее целое, которое является и словом, и предложением. В результате возникают комплексы без формального выражения морфологии, сливающиеся в одно синтаксическое целое, начало которого — подлежащее, конец — сказуемое, а в середину инкорпорируются дополнения со своими определениями и обстоятельствами. Например, чукотское *тыатакаанмыркын* в одном сложносоставленном

построении передает русское предложение: *Я жирных оленей убиваю*. Предложение в этом инкорпорировании передается слиянием воедино отдельных слов: *ты — я, ата — жир, каа — олень, нмы — убивать, ркын — делать*. Фактически здесь мы имеем не сочетание слов, а слияние их в одну словесную форму: *я-жир-олень-убив-делай*. В ней содержится целое предложение, формально переданное инкорпорированием. Полисинтетизм свойственен индейским языкам, языкам народностей Северо-Восточной Азии — чукотскому, корякскому, камчадальскому и другим языкам.

АРЕАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Ареальная классификация. Ареальная классификация языков заключается в составлении языковой карты мира, ареалов распространения отдельных языков или групп языков. Эта классификация является составной частью ареальной лингвистики — раздела языкознания, исследующего с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространстве и времени. Одним из центральных понятий ареальной лингвистики выступает языковой или диалектный **ареал**, то есть границы распространения отдельных языковых явлений и их совокупностей, а также отдельных языков или групп языков. В результате изучения ареалов выявляются области распространения и взаимодействия не только отдельных языковых явлений, но и языков, диалектов и ареальных общностей — языковых союзов.

Понятие **языкового союза** в ареальной лингвистике тесно связано с языковыми контактами. Языковой союз — это особый тип языковой общности, включающий в себя различные языки в границах одного географического пространства. Эти языки характеризуются общими структурными признаками, полученными в течение длительного времени совместного сосуществования. Типичным примером считают балканский языковой союз, объединяющий болгарский, македонский, румынский, молдавский, албанский и новогреческий языки, то есть представителей четырех разных ветвей индоевропейской семьи. В результате контактов друг с другом, а также с другими языками на одном и том же пространстве балканский языковой союз приобрел много общих черт на различных уровнях — фонетическом, грамматическом, лексическом. Подобная близость языков, входящих в языковой союз, вовсе не предполагает единый для всех них источник в прошлом, а является результатом последующих сближений, то есть родство языков и их сближение в результате языковых контактов — это различные явления.

В ареальной классификации языков существенно разграничение современной и исторической лингвистической карты языков мира, то есть синхронического и диахронического аспектов классификации. Сложившись в одном месте, язык в силу целого ряда исторических обстоятельств может получить широкое распространение в другом регионе планеты. Из 300 млн человек, говорящих на испанском языке, лишь 30 млн живет в самой Испании, тогда как остальные обитают главным образом в Латинской

Америке. Для населения этих стран испанский язык сейчас оказывается таким же родным, как и для испанцев. Основная масса говорящих на португальском языке людей также живет не в самой Португалии, а в далекой от нее Бразилии. Поэтому диахронический подход помогает установить праязыковые состояния и их дальнейшее развитие на исторически засвидетельствованные языки и диалекты, с присущими каждому из них в тот или иной период ареалами распространения.

Функциональная классификация. Лингвистическая карта современного мира тесно переплетается с его административно-политической картой: языки мира различны и по количеству говорящих на них людей, и по ареалам распространения, и по общественным функциям, и по авторитету в своем государстве и за его пределами. **Функциональные классификации языков**, как правило, многоплановы, поскольку в них необходимо учитывать множество постоянных и переменных факторов в соотношении язык и общество.

Полагают, что полная функциональная классификация языков может быть построена с обязательным учетом рядокритериев. Основные из них таковы: количество носителей живых языков; число живых и мертвых языков в мире; распространение языков за пределами этнических территорий, роль каждого из них в современном мире; письменные и бесписьменные языки; естественные и искусственные языки; общественные функции языков, формы их существования. Так, по связям языка с этнической общностью выделяют языки народностей, племенные языки и национальные языки. Распространенность языка за пределами этнической территории и его роль в современном мире дают основания выделять местные языки, региональные языки, обслуживающие определенные регионы, языки межнационального общения и мировые языки. К последним чаще всего относят рабочие языки ООН — английский, русский, французский, китайский, испанский и арабский. По функциям, которые язык выполняет в обществе, формам его существования выделяют литературные языки и диалекты, государственные языки, культовые, или ритуальные, языки и т. д.

Важным в функциональной классификации языков является понятие **языковой ситуации**. Под языковой ситуацией обычно понимают функциональную общность языков и их вариантов, обслуживающих некоторый социум: этническую общность, государство, политико-территориальное объединение. По количеству используемых в социуме языков различают одноязычные и многоязычные языковые ситуации. На земном шаре преобладают многоязычные языковые ситуации, когда в одном социуме совместно функционируют два-три-четыре языка. Например, двуязычной является Финляндия, трехязычной — Бельгия, четырехязычной — Швейцария.

Характер языковой ситуации в том или ином социуме определяется прежде всего официальным статусом языков, а также их ролью в жизни языкового коллектива. Выделяют два основных типа языковых ситуаций:

сбалансированные и несбалансированные. Сбалансированные языковые ситуации соответствуют равноправному функциональному распределению языков в социуме. Такие языковые ситуации достаточно редки. С некоторыми оговорками сюда относят языковую ситуацию в Швейцарии, где конституционно закреплено равноправие четырех государственных языков — немецкого, французского, итальянского и ретороманского. На практике же малое число говорящих на ретороманском языке (около 1% населения) сказывается на широте его общественных функций: он используется в основном в семье.

Более типичны несбалансированные языковые ситуации, когда составляющие их языки в иерархическом распределении, то есть выполняют неодинаковое количество общественных функций. Например, в Индии официально государственными языками являются английский и хинди, на котором говорит большинство жителей Индии. Однако превращению хинди в полноправный государственный язык препятствует наличие в каждом индийском штате национальных языков. Их носители видят в этом ущемление прав своих языков и предпочитают в качестве языка межгосударственного общения английский язык.

ЛЕКЦИЯ №8. Коммуникативная лингвистика. Текст и его виды.

План:

1. История лингвистики текста.
2. Состав текста и его составляющие единицы.
3. Средства синтаксической связи в тексте.
4. Виды текста.

Процесс коммуникации может быть разделен на отдельные фрагменты, единицы коммуникации - коммуникативные акты. Разумеется, сам по себе коммуникативный процесс представляет собой континуум, непрерывное взаимодействие участников коммуникации. Однако, в целях анализа и описания, необходимо выделять дискретные единицы - так уж устроено человеческое познание.

Рассмотрим основные понятия и термины, используемые для анализа коммуникативного процесса и его элементов.

В коммуникативных актах задействованы участники коммуникации - коммуниканты (отправитель и получатель), порождающие и интерпретирующие сообщения.

Коммуникантами могут быть человеческие индивиды и общественные институты (правительства, партии, фирмы и т.п.). В последнем случае мы имеем дело с определенной абстракцией, ведь конечным отправителем и получателем всегда является единичный человек. В то же время в юриспруденции, политике, бизнесе, образовании и других общественных сферах коммуникации весьма часто ответственным отправителем признается коллегияльный или институционализированный отправитель.

Обычно сообщения - это высказывания или тексты. В невербальной коммуникации сообщением может быть изображение (дорожный знак поворота или фотография встречи политических лидеров), физический предмет (цветок на окне явочной квартиры как сообщение о провале или архитектурное сооружение как сообщение о его предназначении, подарок как знак признательности или черная метка как знак приговора). Сообщениями можно также признать поступки (например, знаковые поступки политических деятелей или шаги фирмы по продвижению товара).

Сообщения состоят из знаков различного рода (словесных и невербальных), изучением которых занимается семиотика или семиология (наука о знаках, от греч. *σημα*, *σημα* 'знак'). Знаки образуют знаковую систему, код или язык (вербальный язык, язык жестов, культурный код, азбука Морзе, языки программирования и т.п.).

Коммуникация может осуществляться как вербальными, так и невербальными средствами.

Вербальная коммуникация для человека является основной - имеется в виду не генезис коммуникации и не 'процент использования', а универсальность этого способа для человека, всеобщую переводимость любых других коммуникативных средств на вербальный человеческий язык. К числу вербальных средств относятся устная и письменная разновидности языка.

Невербальные средства делятся на две группы: первичные языки (система жестов, но не жестовые языки глухонемых! пантомима, мимика) и вторичные языки (азбука Морзе, музыкальная нотация, языки программирования). Вербальные средства изучаются лингвистикой, невербальные-паралингвистикой и отдельными разделами семиотики. Наиболее разработан исследовательский аппарат изучения вербального языка (в основном, в структурной лингвистике).

Этот аппарат заимствуется многими другими общественными науками для описания сфер своих интересов.

В структурной лингвистике выделяются собственно знаки и составляющие их фигуры, например, фонемы как составные элементы словесных знаков. Это термины датского лингвиста-структуралиста Л. Ельмслева (1899-1965). Он пишет: «...язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков». Кроме того, обнаруживается, что знаки одного уровня языка являются составляющими частями знаков более высокого уровня: фонемы различают звуковые оболочки морфем, морфемы - слов и т.д. (см. таблицу).

Практически все, что окружает человека, что составляет его среду обитания, является также и коммуникативной средой. При этом часть этой среды составляют предметы и явления, могущие быть использованными в коммуникативной функции, а часть-собственно средства коммуникации, для которых передача сообщений является их основным назначением.

Сообщение никогда не отправляется ради сообщения как такового. Его цель - организовать действия получателя (или самого отправителя, как в случае размышления о своих действиях). Слово - всегда поступок (идея, идущая от 'философии причастности' М.М. Бахтина), можно говорить о сопряженности коммуникации и действия, о речедействии (термин Ю.В. Рождественского).

В последнее время в политологии, социологии, социолингвистике и теории коммуникации получил распространение термин дискурс (его можно условно расшифровать с помощью формулы: речь + действие). Поскольку действие и взаимодействие индивидов происходит в определенной коммуникативной среде, в определенной общественной сфере коммуникации, то говорят об институциональном дискурсе (политический дискурс, религиозный дискурс, педагогический дискурс, деловой дискурс, производственный дискурс и т.д.).

Комплекс коммуникативных актов, объединенных общей задачей и ситуативными условиями, можно назвать коммуникативным событием. В сфере бизнес-коммуникации такими коммуникативными событиями можно считать, например, презентации и выставки. В политической сфере примером коммуникативного события может быть визит главы государства (запланированное и организованное событие) и террористический акт

(незапланированное, по крайней мере, правительственными структурами, событие, которое требует определенной реакции). В случае незапланированного коммуникативного события мы часто сталкиваемся с необходимостью кризисной коммуникации.

Коммуникация происходит в разных сферах. В некоторых из них (например, архитектура, музыка) довольно трудно разделить коммуникативный континуум на дискретные единицы. Известный итальянский исследователь, Умберто Эко, считающий, что «культура есть по преимуществу коммуникация», предложил собственный, интересный и глубокий анализ ряда коммуникативных сфер: кино, живописи, архитектуры, рекламы и др. Глубокий анализ коммуникации в рекламной, торговой, политической сфере, в кино и фотографии можно найти в работах Ролана Барта.

Текст как процесс и результат коммуникативной деятельности.

Текст создается в процессе речевой деятельности. Созданный и зафиксированный текст (записанный на бумаге, на магнитофоне или видеопленке) является продуктом речевой деятельности и предметом изучения лингвистов. Именно из текста извлекается и именно на основе анализа текстов моделируется языковая система, в первую очередь ее лексикон.

В сфере синтаксиса разграничить систему языка и речевую деятельность становится очень трудно. Каждый конкретный текст, каждое речевое действие — это всегда новое, творческое конструирование. Структурные схемы, как готовая арматура, заполняются словоформами как бетоном. И хотя «арматура» и «бетон» заложены как заготовки в мозгу человека, их сочетания и получаемые «изделия» всегда новы. Именно углубление в синтаксическую семантику позволило обнаружить в конкретных высказываниях такие особенности, которые не получают объяснения в традиционном синтаксисе. Это, прежде всего, актуальное членение высказывания и особенности порядка слов, анафоры, эпифоры, выбор активного или пассивного статуса субъекта мысли. Это и употребление ряда частиц и наречий, союзов и дейктических местоимений; это и использование высказываний, у которых отдельные позиции не заполнены словоформой, пропущены звенья в сложном предложении и т. п.

Изучение текста как организованного семантически и структурно единства дает объяснение всем этим и им подобным явлениям.

В любом предложении, извлеченном из текста, «запечатлены» модальные, временные, персональные, пространствен-но-дейктические и другие линии смысловой перспективы текста. Единство текста обеспечивается единством авторского намерения, непрерывностью денотативной, модальной, временной, персональной и других линий смысловой перспективы.

Смысловая целостность обеспечивается иерархией темы и микротем в тексте. Общая тема — это смысловое ядро текста, концентрированное и обобщенное содержание текста.

Частные темы раскрывают общую тему — это описания природы, внешности героев, отдельных событий, переживаний героев. Мельчайшие частные темы — это сверхфразовые единства (СФЕ).

Внутри СФЕ каждое последующее предложение опирается в коммуникативном плане на предыдущее, продвигая высказывания от темы к реме. Образуется тема-рематическая цепочка, имеющая конечный характер и определяющая границы СФЕ. Могут быть использованы разные модели построения текста с последовательным тема-рематическим развертыванием:

$T1 \rightarrow P1 \rightarrow T2 (=P1) \rightarrow P2 \rightarrow T3 (=P2) \rightarrow P3$ *Волк рванулся влево, но слева оказался еще один охотник. Охотник выстрелил в упор.*

Синтаксис текста.

Синтаксис текста занимается изучением особенностей порядка слов и средств связи в высказываниях одного текста, выявляет формальные проявления связности текста. Как известно, порядок слов в славянских языках способствует членению высказывания на первую часть — тему сообщения (тема), и вторую, содержащую ту информацию, которую говорящий считает нужным сообщить по поводу темы (рема). В зависимости от связей с предшествующим текстом в одном и том же предложении актуальное членение на тему и рему может проходить по-разному. Например:

Кто был сегодня на семинаре? На семинаре сегодня была /Оля Семенова. Где была сегодня Оля Семенова? Оля Семенова сегодня была / на семинаре. Когда Оля Семенова была на семинаре? Оля Семенова была на семинаре / сегодня. Была ли Оля Семенова сегодня на семинаре? Оля Семенова сегодня на семинаре / была.

В этих примерах косой чертой отделена рема. Видно, как меняется актуальное членение одного и того же предложения в зависимости от цели высказывания. Заметим, что в реальных диалогах отвечающие обычно произносят только рему, тема уже содержится в вопросе.

Темой чаще всего бывает нечто известное и говорящему и слушающему, а рема сообщает что-то новое, их интересующее. Но это соответствие не обязательно. Заявленная тема не всегда составляет нечто известное для слушателя.

Рема сигнализируется с помощью порядка слов, обычно она ставится в конце высказывания. Но в устной речи ее можно подчеркнуть интонацией. Кроме того, существуют специальные частицы, указывающие на рему: именно, как раз, -таки, -то и др.

Очень важным моментом для понимания особенностей текста является полная независимость темы и ремы от обозначений пропозиции высказывания (деятель, действие, объект действия, орудие и др.); они независимы также от обозначений субъекта и предиката мысли, представленных в структурных схемах простого предложения. Членение на тему и рему — это самостоятельное коммуникативное членение, возникающее только в связном тексте, оно позволяет объединить в составе темы или ремы любое количество словоформ из позиционной схемы высказывания.

Создавая текст, говорящий вполне свободен в выборе подлежащего — независимой формы именительного падежа. Подлежащее выбирается так, чтобы коммуникативная перспектива данного высказывания развивала

коммуникативную перспективу всего текста. От выбора подлежащего зависит оформление сказуемого и построение всей позиционной схемы высказывания. Существование структурных схем и возможности изменения порядка слов дают для этого все необходимое. Одну и ту же мысль можно в зависимости от требований связности текста выразить многими способами. Например, высказывание *Находки, сделанные во время раскопок, оказались особой вехой в работе и жизни археолога* при необходимости можно перестроить следующим образом:

Археолог во время раскопок сделал находки, которые оказались особой вехой в его работе и жизни {тема: археолог}.

Раскопки позволили археологу сделать находки, которые оказались вехой в его работе и жизни {тема: раскопки}.

Вехой в работе и жизни археолога стали находки, сделанные им во время раскопок {тема: веха в работе и жизни}.

Благодаря целостности и связности текста тема и рема входящих в него высказываний могут быть обозначены некоординированными друг с другом синтаксическими единицами разных уровней: от словоформы до предикативной единицы. В некоординированных высказываниях обозначение темы английские лингвисты называли *топиком*, а обозначение ремы — *комментарием*. В высказывании *Что до меня, то я предпочитаю музей* тема обозначена оборотом *Что до меня*.

В русском литературном языке такой способ выражения темы не имеет большого распространения, в то время как в английском языке при его ограниченных возможностях порядка слов вполне обычен именно этот способ. *As for education, John prefers Bertrand Russell's ideas* (букв.: что до образования, Джон предпочитает идеи Бертрانا Рассела). Оборот, начинающий это английское высказывание, представляет собой топик.

Топиком выражается тема в китайском языке и языках бирманской группы. В индоевропейских языках топики употребляются ограниченно. Топик не связан синтаксически со своим комментарием; его функция полностью определяется текстом. В русском языке топики можно найти в устной неподготовленной речи: *А Раин сад — смотри в ту сторону; Магазин — это точно; Развернулся — одна красота; У себя дома — это толково*.

Рассмотрим употребление частиц, играющих роль тексто-образующих средств. Приведем пример, в котором такую роль играет частица *тоже*.

*Глубокая, казалось, мировая тишина остановилась над берегом. Мы затихли, чтобы уловить в темноте хотя бы слабый плеск волны, но ничего не могли услышать, кроме звона в ушах, Это звенела наша кровь. В высокой, **тоже** какой-то всемирной мгле тускло светили звезды. Мы, привыкшие к беспредельному шуму, были даже подавлены этой тишиной* (Паустовский).

Частица *тоже* не находит объяснения в составе простого предложения. Только вдумываясь в связный текст, мы видим, что она нужна для отсылки к предыдущему контексту и связывает два фрагмента текста: *глубокая, казалось, мировая тишина* и *в высокой, тоже какой-то всемирной мгле*. Связь этих

фрагментов поддерживается и лексическими средствами (глубокий — высокий, мировой — всемирный).

Исследователи разных языков нашли много частиц, используемых именно для увязывания высказываний одного текста. Обычно текстообразующие частицы семантически предельно опустошены, являются только знаками связи между высказываниями.

Синтаксисты выявили целую систему словоформ и фразе-осочетаний, созданных специально для увязывания высказываний одного текста: речь пойдет о..., перейдем к..., в заключение, вспомним о..., если говорить о..., и др. Известная польская исследовательница семантики Анна Вежбицка назвала такие средства метатекстом в тексте. В тексте становятся возможными разрывы позиционных схем предложения, разрывы структур сложного предложения (так называемая парцелляция), поскольку соседство высказываний обеспечивает необходимую коммуникативную ясность. Исследователи считают возможным членить текст на фрагменты, сверхфразовые единства, в пределах которых наблюдается непрерывная внутренняя смысловая связь.

Правила построения текста не заложены в системе языка. Овладев к пяти годам системой языка, ребенок еще долго не умеет удовлетворительно построить связный текст. Механизмы текстообразования изучаются путем специальных тренировок и имеют много индивидуальных вариаций. Однако не вызывает сомнения, что существуют общенародные, общезыковые формальные средства, обеспечивающие синтаксическую связность целого текста.

Семантика текста

Семантика текста занимается так называемыми пресуппозициями, т. е. теми знаниями, известными говорящему и слушающему, которые делают текст осмысленным и понятным. Согласование текста с пресуппозицией обязательно для того, чтобы текст воспринимался как уместный, нужный и эффективный. Представьте, что вы услышали такое сообщение: *Сергей Васильев — учитель русского языка, и он не умеет читать и писать*. Это сообщение вызовет полное недоумение. Что хотел сказать говорящий? Может быть, ошибся? Или речь идет о чем-то необычном: обмане, болезни? Недоумение объясняется тем, что в сообщении нарушена пресуппозиция: все знают, что учитель не может не уметь читать и писать.

За высказыванием *Петр знает, что Павел глуп* стоит пресуппозиция *Павел глуп*. За высказыванием *Петр говорит, что Павел глуп* такой пресуппозиции нет. Высказывание *Сын выше отца* не содержит пресуппозиции, что и сын, и отец высокого роста. Высказывание *Сын ленивее отца* основано на пресуппозиции, что и отец, и сын ленивы. Глаголы и другие предикативы в зависимости от способности пропускать или не пропускать ту или иную пресуппозицию, делятся на классы. Например, каузативный глагол *просить* не пропускает пресуппозицию о реальности /нереальности объекта действия: *Шашкин просит показать ему живого мамонта*. Просить ведь можно и о вещах нереальных и невыполнимых. Глагол *знать* пропускает пресуппозицию об истинности объекта. Так, в

пресуппозиции высказывания *Все знают, что 9 Мая — День Победы* содержится истинное знание.

Различаются пресуппозиции общие (знание языка, возможность слышать голос говорящего и отвечать ему и т. п.) и пресуппозиции лингвистические (знание правил употребления слов, порядка слов, умение использовать синтаксические структуры, интонации и т. п.).

Благодаря пресуппозиции говорящие могут не выражать словами все звенья умозаключений, оставляя часть из них «за текстом»:

—Очень хочется есть.

—За углом есть столовая.

Смысл этого диалога понятен, поскольку говорящие знают, что в столовой можно поесть.

Существование пресуппозиций объясняет распределение информации, содержащейся в тексте, на данное (известное) и новое (ранее не известное). Данное может быть известно эмпирически, из жизненного опыта; оно может быть известно из ситуации речи или из контекста. Обозначение данного всегда обладает пресуппозицией. Данное — это информация, которая содержится в сознании говорящих к моменту создания высказывания. Данное и новое не сигнализируются формальными средствами, хотя за данным более или менее стабильно закреплены личные местоимения третьего лица и собственные имена. Наличие данного и нового не обязательно для каждого высказывания. С темой и ремой данное и новое регулярно не соотносятся. В устной речи новое может получать акцентное выделение, которое, как показали исследования Татьяны Михайловны Николаевой, появляется независимо от фразового ударения, имеющегося в каждом высказывании. Акцентное выделение часто поддерживается частицами, которые приписывают к сказанному некоторые имплицитные, но понятные всем смыслы. Ср.: *Спаслись только трое; Я ведь неплохо бегала в молодости*, где частица *только* вносит информацию о том, что бедствие потерпело много, более трех человек, а частица *ведь* намекает на то, что сообщаемый факт всем известен.

Учение о пресуппозиции находит полное соответствие в философских концепциях. То, что лингвисты называют пресуппозицией, философы определяют как контекст мнения или концептуальную систему говорящих. Р. И. Павиленис пишет, что любое утверждение о мире предполагает определенный контекст мнения в рамках концептуальной системы говорящего, а словесное выражение высказываний следует рассматривать как метки на непрерывном пространстве смысла. Иначе говоря, высказываниями передается лишь направление в смысловом пространстве, подобно тому, как оно указывается метками в пространстве реальном. Выражение и восприятие смысла текста обеспечивается наличием концептуальной системы (пресуппозиций) в знаниях говорящих.

Очень существенна в связном тексте роль лексических повторов, обеспечивающих денотативное единство текста. Ср., например, роль повторов

слов *кометы, Солнце, астрономы, орбиты* и их эквивалентов *светило, они, специалисты* в тексте «Гибель комет»:

За последние триста лет астрономы зарегистрировали девять комет, орбиты которых проходили в непосредственной близости от Солнца. Тем не менее все они благополучно проследовали мимо нашего светила. Однако за последние три года с помощью специальной фотокамеры, установленной на спутнике, американским астрономам удалось сфотографировать три кометы, двигавшиеся по околосолнечным орбитам, которые затем исчезли. По мнению специалистов, это говорит о том, что размеры комет были недостаточны для преодоления притяжения Солнца, и они или упали на его поверхность, или сгорели в непосредственной близости от нашего светила.

Изучение семантики текста должно существенно обогатить понимание механизмов текстообразования.

Прагматика текста

Изучение прагматических значений в разных текстах привело к выявлению множества языковых средств, специализирующихся на выполнении разных прагматических функций. Разработаны классы разнообразных речевых действий, осуществляющихся в стандартных ситуациях общения. Английский ученый Дж. Остин разграничил три вида речевых актов: локуция (говорение, речевое действие), иллокуция (речевое действие, передающее намерения говорящего), перлокуция (речевое воздействие на слушающего).

Главная идея теории речевых актов, как считает М. Л. Макаров, сводится к тому, что мы, произнося предложение в ситуации общения, совершаем некоторые действия: что-то сообщаем собеседнику, веселим или раздражаем его, просим, обещаем, приказываем, порицаем, извиняемся и т. п. Все эти действия обусловлены намерением или интенцией говорящего.

Акты иллокуции обслуживаются с помощью так называемых перформативных глаголов: *обвиняю, приказываю, прошу, объявляю, сдаюсь, предлагаю* и т. п. Произнося такой глагол, говорящий совершает речевое действие, поскольку содержание действия, обозначенного глаголом, полностью исчерпывается произнесением этого глагола. Такие действия могут совершаться и иронически: *поздравляю с переломом руки!*

Существует даже перформативная гипотеза: в глубинной структуре любого высказывания находится перформативный глагол и его актанты. А будет ли поверхностная структура высказывания перформативной, зависит от говорящего. Одно и то же можно выразить как Я ОДОБРЯЮ и как ХОРОШО!

Исследователи подчеркивают, что только во взаимодействии говорящего и слушающего в речевом акте, при учете всех сторон конкретной ситуации можно определить истинное значение высказывания; при этом значение высказывания рассматривается как понимание лингвистической формы слушающим — иллокутивный эффект. Основной упор в теории «речевых актов» делается на анализ причин, побуждающих человека к тому или иному речевому произведению, то есть к анализу единичных речевых актов.

В современной лингвистике теория речевых актов вошла в состав прагмалингвистики. К сфере прагмалингвистики или лингвистической прагматики относятся в настоящее время самые разнообразные факты языка, объединяемые тем, что их интерпретация связана с человеческим фактором.

Термин *прагматика*, введенный Ч. Моррисом и означавший отношение знаков к пользующимся им людям, расширился в современной лингвистике до обозначения всей сферы языка, связанной с теми или иными интенциями говорящих лиц и ситуациями их общения. Речевые акты, однако, остаются основным ядром прагматических исследований: прагматика выступает как раздел лингвистики, изучающий значение и употребление форм языка в зависимости от ситуации, от типов речевых актов; прагматика есть изучение лингвистических актов и контекстов, в которых они совершаются. Тенденцией развития современной прагмалингвистики является ее эволюция в сторону исследования коммуникативно направленных текстов.

Английский лингвист Чарльз Филлмор ставит задачу создания «единой концептуальной основы, в рамках которой могли бы рассматриваться: значения слов, построение смысла предложений, интерпретация текстов, а также процессы выражения и понимания», отмечая, что «лингвист в своем стремлении к познанию проблем семантической теории только выиграет, если будет исследовать эти проблемы с более широкой точки зрения построения и понимания текстов». Выдвигая тезис «значения обуславливаются ситуациями», Ч. Филлмор так формулирует свою задачу: «я хочу включить все, что касается значения, в пределы более широкой теории речевой деятельности». Таким образом, отправным моментом анализа единиц языка у Филлмора выступает целостный текст.

Прагматика текста рассматривает, какие коммуникативные условия должен соблюдать говорящий, чтобы создаваемый им текст точно реализовал все то, что нужно выразить, и наиболее эффективно воздействовал на слушающего в соответствии с целями говорящего. В этой сфере наука о тексте выходит за рамки собственно лингвистики и использует разнообразные психолингвистические и социолингвистические данные.

Для текста, рассматриваемого в прагматическом аспекте с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования, в последнее время используется термин *дискурс*. Но дискурс — это не только конкретный текст. Термин *дискурс* применяется к совокупности текстов, обладающих какими-либо общими прагматическими свойствами, возникшими под влиянием социально-психологических факторов. Говорят, например, о политическом дискурсе, о публицистическом, экологическом, эпистолярном, этикетном, аргументативном и тому подобных дискурсах. Совокупность текстов, созданных одним человеком, может быть названа авторским дискурсом.

Обзор публикаций, авторы которых занимаются изучением дискурса, позволяет разграничить несколько трактовок этого термина. Вначале термин возник в социологии, в семиотике, в политологии для обозначения разновидности речи, присущей определенной социальной группе. В

лингвистике он соприкоснулся с термином *текст*, и лингвисты стали искать основания для дифференциации этих терминов.

Предложены такие варианты их разграничения:

Дискурс	Текст
устный	письменный
диалог	монолог
протяженный	может быть и краткий
когерентность между речевыми актами	поверхностная когезия слов и предложений
включение средств паралингвистического сопровождения речи	нет

К настоящему времени четкого разграничения содержания терминов *дискурс* и *текст* не проведено, хотя общая тенденция в их использовании прослеживается. Для дискурса более важны ситуации, в которых протекает речевая деятельность, и эффективность его воздействия на адресата, а для текста более важно его внутреннее устройство.

В изложении проблематики *прагматики текста* мы пользуемся термином *текст*.

Существенным моментом воздействия текста является оценка слушающим выгоды /невыгоды, обязательности/необязательности выполнения заложенных в нем намерений говорящего, степень вежливости сделанных предложений. Ср.: Почистить картошку! Ты почишишь картошку? Ты не почишишь картошку? Этими показателями измеряется так называемая «тактичность» текста. Приемлемость и пригодность текста для слушающего прагматически более важны, чем абсолютная правильность и нормативность.

Оптимальные решения особенно важны в сфере массовой коммуникации, рассчитанной на пропаганду тех или иных идей, которые должны влиять на многих людей. Здесь ценятся краткость, повторяемость, экспрессивность и эмоциональность подачи информации, соответствие уровню подготовленности слушающего к ее восприятию. Однако цели в общении могут быть разными:

информационная (донести свою информацию до собеседника и получить подтверждение, что она получена);

предметная (что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника);

коммуникативная (сформировать определенные отношения с собеседником, например, установить контакт, развить контакт, поддержать контакт, возобновить контакт, завершить контакт). Коммуникативные цели преследуют приветствие, поздравление, сочувствие, прощание, комплимент и т. д.

Теория речевого воздействия изучает способы речевого воздействия на собеседника — к примеру такие, как доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, приказывание и др.

Речевое воздействие — это наука о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого

воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта.

Важным аспектом науки о речевом воздействии является исследование соотношения вербальных и невербальных средств общения. Установлена огромная роль невербальных средств в общении.

Вербальное воздействие — это воздействие при помощи значений слов, языковых средств общения.

Невербальное воздействие — это воздействие на собеседника при помощи несловесных средств, которые сопровождают нашу речь (жесты, мимика, поведение во время речи, внешность говорящего, дистанция до собеседника и др.).

Количество невербальных сигналов очень велико. Существует около 1000 невербальных сигналов, некоторые ученые полагают, что их число 3-5 тысяч, причем у отдельных сигналов есть несколько вариантов; существует также около 1000 поз и около 20 тыс. выражений лиц. Установлено, что в процессе межличностного общения 35 % информации передается вербальными средствами и 65 % — невербальными. Их роль в процессе общения очень велика. Вербальный канал используется людьми в основном для передачи друг другу информации о внешнем мире, внешних событиях, то есть предметной информации, а невербальный канал — для обсуждения межличностных отношений.

Невербальные факторы коммуникации играют наиболее важную роль на этапе знакомства людей друг с другом, на этапе первого впечатления и в процессе осуществления категоризации (отнесения собеседника к какой-либо категории — профессиональной, возрастной, интеллектуальной, социальной, к полу и др.). По имеющимся данным, при знакомстве в первые 12 секунд общения 92 % получаемой собеседниками информации друг о друге имеет невербальный характер.

Коммуникативная позиция говорящего — еще одно важное теоретическое понятие науки в речевом воздействии.

Под коммуникативной позицией говорящего понимается влияние, авторитетность говорящего по отношению к его собеседнику. Это относительная эффективность его потенциального речевого воздействия на собеседника. Коммуникативная позиция человека может измениться в разных ситуациях общения, а также по ходу общения в одной и той же коммуникативной ситуации.

Коммуникативная позиция говорящего может быть сильной (начальник против подчиненного, старший против ребенка и др.) и слабой (ребенок против взрослого, подчиненный против начальника и т. д.) Коммуникативную позицию говорящего в процессе общения можно *усилить* путем применения правил речевого воздействия, можно ее *защитить*, а можно *ослабить* коммуникативную позицию собеседника (также применяя приемы речевого воздействия и осуществляя различные речевые действия в отношении собеседника).

ЛЕКЦИЯ № 9. Связь языкознания с другими науками. Современные направления в языкознании. Прагматика. Психолингвистика. Математическая лингвистика и когнитивная лингвистика.

План:

1. Тилшуносликнинг физика, тарих, география, мантиқ, математика, маданиятшунослик фанлари билан боғлиқлиги
2. Социолингвистика ва лингвопрагматика
3. Психолингвистик муаммолар
4. Концепт ва фрейм
5. Когнитив тилшунослик
6. Математик лингвистика

О связи языкознания с другими науками.

- Языкознание связано с социальными науками, в частности, с историей, поскольку история языка является частью истории народа. Данные истории обеспечивают конкретно-историческое рассмотрение изменений языка, данные языкознания являются одним из источников при изучении таких исторических проблем, как происхождение народа, развитие культуры народа и его общества на разных этапах истории, контакты между народами.

- Языкознание связано с археологией, которая изучает историю по вещественным источникам - орудиям труда, оружию, украшениям, утвари и т. п., и этнографией - наукой о быте и культуре народов.

- Языкознание соприкасается тесно с этнографией при изучении диалектного словаря - названий крестьянских построек, утвари и одежды, предметов и орудий сельского хозяйства, ремесел.

- Связь языкознания с этнографией проявляется и при классификации языков и народов, при исследовании отражения в языке народного самосознания. Это направление исследований получило название этнолингвистика. Язык в этом случае рассматривается как выражение представлений народа о мире.

- Языкознание тесно связано с литературоведением. Союз языкознания и литературоведения породил филологию.

- Языкознание связано также с психологией. Психологическое направление в языкознании изучает мыслительные и другие психологические процессы и их отражение в речи, в категориях языка. В середине 20 века возникла психолингвистика.

О связи лингвистики с естественными науками.

Из естественных наук языкознание теснее всего соприкасается с *физиологией*. Особенно важным для языкознания является теория И.П. Павлова о первой и второй сигнальной системах. Впечатления, ощущения, и представления от окружающей внешней среды как общеприродной, - это

«первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными». Вторая сигнальная система связана с абстрактным мышлением, образованием общих понятий. «Слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов». Языкознание связано также с такой естественной наукой, как *антропология*. Антропология - наука о происхождении человека и человеческих рас, об изменчивости строения человека во времени и пространстве. Интересы лингвистов и антропологов совпадают в двух случаях: во-первых, при классификации рас, во-вторых - при изучении вопроса о происхождении речи.

О связи языкознания с *философией*. Философия вооружает языкознание как впрочем, и другие науки, методологией, способствует выработке принципов и методов анализа.

Связь языковедения с другими науками.

Лингвистика, с в я з а н а с очень многими науками: точными, естественными и гуманитарными.

4) Так как язык — это прежде всего коммуникативная система знаков, то наиболее тесные связи у языка с наукой об общей теории знаков, с *семиотикой*³. Семиотика как общая дисциплина не связана со специфическими средствами и возможностями языка, но она призвана исследовать любые знаковые системы как средства обозначения и передачи значения. Семиотика изучает любые знаковые системы: как простейшие типа кодов (телеграфный код, приемы морской и воздушной сигнализации, знаки регулирования для такси), так и более сложные (сигнализация животных, различные приемы письменности и шифров, знаковая природа географических карт, чертежей, а также пальцевая техника глухонемых) и, наконец, знаковую систему языка.

Для языковедения важны общие положения семиотики о знаках, об их различительных признаках, о группировке и классификации знаков, о возможностях комбинаций знаков и образования «знаковых цепей» и их членимости на звенья, об опознавании и распознавании знаков, о принципах дешифровки зашифрованных текстов или дешифровки текстов на неизвестных языках.

5) Так как язык — общественное явление, то наука о языке связана с рядом общественных наук, и прежде всего с социологией. Учение о строении общества, его функционировании и его эволюции и развитии может дать лингвистике многое в связи с тем, как тот или иной язык используется различными социальными объединениями (классами, представителями различных социальных прослоек, профессиональных групп), как отражается на языке разделение и объединение социальных общностей, переселение племен и народов (миграция), образование территориально-социальных групп в пределах одного языка (диалекты) или между разными языками (языковые союзы). Чрезвычайно важным для языковедения является понимание

³ Семиотика — от греч. *semeion* — «знак».

соотношения языка и основных общественных категорий: базисов, надстроек, классов, орудий труда. Только после сопоставления с общественными категориями можно понять своеобразие функционирования и эволюции языка.

6) Так как язык неразрывно связан с мышлением, то наука о языке связана с л о г и к о й, наукой о законах мышления и о формах мысли. Тесная связь с логикой и использование логического аппарата определений и обозначений в лингвистике отнюдь, конечно, не значат, что логические категории (понятие, суждение, умозаключение и т. п.) должны совпадать с языковыми категориями (морфема, слово, предложение), однако соотносительность этих двух планов не подлежит сомнению, хотя далеко не все, что есть в логике, должно быть и в языке, и тем более языковые явления далеко выходят за пределы логики.

7) Так как языковедение имеет своим предметом не только язык, но и речь, а речь — это психофизический процесс, то естественно ставить вопрос о соотношении языковедения, с одной стороны, и психологии и ф и з и о л о г и и — с другой.

а) Мышление человека как процесс, равно как и чувствования и другие проявления его поведения, изучает психология. В конце XIX—начале XX в. многие языковеды, желая избежать неправильной точки зрения на язык как природный организм, старались утвердить лингвистику как науку психологическую, рассматривая все самые существенные явления языка как психические. Однако такая точка зрения не могла быть правомерной, так как явления языка (фонемы, морфемы, слова, предложения) не то же самое, что представления о них в сознании говорящего, и тем самым язык не может быть объектом психологии. Психология может изучать речевые акты как процесс, становление речи ребенка, развитие речи школьника и т. п. Поэтому в любом учебнике психологии имеется раздел «Психология речи», описывающий речевое поведение человека. Лингвист же, в основном имеющий дело с языком, получает нужные ему данные из наблюдаемой им речи и поэтому обязан считаться с данными психологии, хотя и речь лингвист изучает не так, как психолог.

б) Ввиду того что речевой акт невозможен без материальных условий производства и восприятия звуков речи, этим процессом призвана заниматься ф и з и о л о г и я как со стороны артикуляций, т. е. образования звуков речи в речевом аппарате, так и со стороны восприятия речевого потока органом слуха, ухом (см. гл. III — «Фонетика», § 28—38). Таким образом, физиология речи подразделяется на артикуляторную физиологию и физиологию слуха. При этом никогда не следует упускать из виду двусторонность речевого акта (см. выше).

8) Так как речь связана с высшей нервной деятельностью, ее нормальной физиологией и патологией, т. е. нарушением речи, афазиями, то речью занимаются представители м е д и ц и н ы : психиатры, дефектологи, логопеды. В частности, изучение речи глухонемых и глухослепых, а также всевозможных афазий (расстройств речи) очень много дает лингвистам не только для понимания нормальной речи, но и для изучения структуры языка и

его функционирования.

9) Звуковые явления изучает раздел физики — акустика. Для правильного понимания того, что из звукового континуума (беспрерывного множества) язык отбирает для организации своей знаковой системы, лингвисту нужны сведения об акустических характеристиках, связанных с высотой, силой, длительностью звука, с соотношением явлений тона и шума, с пониманием звукового спектра и явлений резонанса (см. гл. III — «Фонетика», § 27, 29-32).

10) Когда на смену старой лингвистике, изучавшей только памятники письменности, языковеды второй половины XIX в. выдвинули лозунг описания живых говоров и диалектов (см. гл. VII, § 89), с чем тесно было связано собирание фольклора (народного творчества: песен, сказок, былин) и изучение быта носителей того или иного языка или диалекта (жилище, утварь, одежда, орудия производства, а также верования и суеверия и т. д.), — возникла связь лингвистики с другими этническими науками. Все это объединяло лингвистическую дисциплину — диалектологию — с этнографией (народоведение). Этнографы классифицируют и интерпретируют данные археологических раскопок по типам погребения, характеру орнамента на сосудах и иных памятниках материальной культуры, что важно лингвистам при исследовании данных археологии.

11) Изучение вымерших древних языков и определение их носителей, их ареала, т. е. области их распространения, их миграций (переселений) и т. п. связывает лингвистику с археологией, наукой, изучающей историческое прошлое человеческого общества по обнаруженным при раскопках памятникам материальной культуры (жилища, места погребения, устройство населенных пунктов, орудия труда, утварь, одежда, оружие, украшения, а также и памятники письменности, например таблички с текстом законов ассирийского царя Хаммурапи, каменные плиты с иероглифическими и клинописными знаками, берестяные грамоты, найденные при раскопках древнего Новгорода и т. д.). При обнаружении недатированных памятников письменности выработанная археологами датировка находок по слоям глубины раскопок может помочь для определения времени создания данного письменного памятника, и, наоборот, датированные письменные памятники уточняют археологическую хронологию.

12) При исследовании вопроса о происхождении речи у первобытных людей, а также и для решения того, как связаны или в чем не связаны признаки языка и расы, важную роль играет антропология, наука о биологической природе человека, строении его черепа и костяка, окраске кожи, характере волосяного покрова, об отличиях человека от человекоподобных животных и т. д. Археoантропология пользуется, как и археоэтнография, данными археологии, но антропологические исследования современных людей для различных целей, например медицинских, с археологией не связаны. Через антропологию лингвистика может быть связана и с биологией, как общей, так и частной, описывающей жизнь, способности, повадки и разные стороны поведения животных.

13) Вообще историческая наука и исторические науки

тесно взаимодействуют с языковедением в тех случаях, когда лингвистические данные проливают свет на те или иные события для историка и когда данные истории помогают лингвисту точнее локализовать те или иные факты в истории языка; особенно тесно связана с общей историей лексикология, так как история слов и выражений часто не раскрывается в чисто лингвистическом плане и нуждается в материале историка (ср., например, объяснение происхождения прилагательного *затрапезный* или глаголов *подкузьмить* и *объегорить* в русском языке, см. гл. II, § 19). Историческими условиями объясняется большое количество арабских слов в турецком, персидском, таджикском, татарском языках, что связано с арабскими завоеваниями и распространением мусульманской религии и т. д.

14) **География** непосредственно с языком не связана, но через историю географические факты могут оказаться и факторами лингвистическими; так, особенности горного ландшафта в Дагестане, на Памире и т. п. служат предпосылкой наличия очень малочисленных по количеству носителей языков; моря и океаны служат препятствием для языковых контактов (например, языки небольших островов Тихого океана); широкие открытые территории содействуют разобщению диалектов, а ограниченные — их сближению (см.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Гл. VII. § 87). Но и географы заинтересованы в содружестве с лингвистами, особенно это ясно на почве такого прикладного дела, как картография, где все «надписи», т. е. названия физико-географических объектов (моря, реки, острова, горы, равнины) и объектов политических (названия стран, провинций, населенных пунктов), прежде всего подлежат ведению лингвистов, которые разрабатывают правила подачи и передачи географических названий на карте (см. гл. V, § 73).

15) Особо следует остановиться на взаимоотношениях языковедения и филологии. Эти связи очень древние, так как языковедение как отдельная наука вышла из недр филологии. Филология — это буквально «словолюбие», т. е. изучение всего, что связано со словом и первоначально с письменным словом, т. е. изучение письменных памятников для разных целей.

16) Самое сложное — это выяснить отношения лингвистики и математики. Часто повторяют мнение о том, что любая наука лишь в той степени может называться «наукой», сколько в ней есть математики. Действительно, точность (основное качество науки в отличие вообще от знания чего-либо) математики — это идеал научного знания. Но точность не исчерпывается математикой, чему свидетельствуют успехи общественных наук во второй половине XIX и в XX в., умение предсказания в лингвистике (например, применение сравнительного метода в романистике, подтвердившееся письменными памятниками вульгарной латыни, гипотезы де Соссюра, подтвердившиеся открытием хеттского языка, см. гл. VI, § 77) и многое другое, где математика не применялась.

Однако научный идеал математики как образца наук остается бесспорным.

Кроме того, в XX в. многие математики и целые математические школы

сумели себя применить не только в точных науках, например в физике (что уже давно себя оправдало) и в технике, но и в гуманитарных науках, откуда возникли эконометрика (применение математических методов в экономике), мате- матическая логика, математическая линг- вистика и т. д.

О «математической лингвистике» следует поговорить особо. В XX в. возникла особая дисциплина: математическая логика, которая широко использовала лингвистические понятия синтаксиса, предложения, слова. Математическая логика — это особый раздел математики. То же самое надо сказать и о математической лингвистике, которая является не «особой лингвистикой», а лишь применением к языковым явлениям математических методов. Главным образом, это относится к речи, а не к языку, например применение теории вероятностей и математической статистики (сама же математическая статистика — не особый раздел статистики, а тоже применение математических методов к статистике).

Применение методов математической статистики позволяет объективно и экономно определить объем словаря для определенного типа словаря, например словаря русского языка для национальных школ; дать для техники связи показатели частотности употребления звуков русской или иной речи путем статистического анализа встречаемости звуков и звукосочетаний определенных текстов; так же можно получить интересные результаты при анализе звукового состава стихотворного и прозаического текста.

17) В числе математических дисциплин, соприкасающихся с языком, находится и техническая теория информации, которую ее основоположник, американский ученый К. Шеннон, определил так: «Теория информации изучает процесс передачи информации по каналам связи», где передача связи мыслится по схеме:

источник —> передатчик —> канал —> приемник —> получатель.

18) И наконец — кибернетика⁴, «наука об управлении», новая научная дисциплина, подлинное детище XX в. Кибернетику нельзя мыслить себе как отдельную замкнутую науку. Это особое действенное устремление многих наук, развитие кибернетики неизбежно вовлекает и объединяет в одно целое различные отрасли знания. Конечно, технический прогресс и, в частности, успехи электронной техники оказались рычагом для успехов кибернетики. Но дело не в одной технике, а в широком понимании синтеза⁵ наук и их взаимообогащении при осуществлении этого синтеза. Здесь источник возникновения таких наук, как физическая химия, биофизика, биохимия; с этой целью кибернетики применяется и математика для изучения экономики, биологии, психологии, лингвистики и исследования самого мышления.

Для того чтобы глубже вникнуть в закономерности функционирования и исторического развития языков, необходимо подробнее ознакомиться с отдельными элементами структуры языка, а затем уже перейти к решению исторических вопросов.

⁴ Кибернетика — от греч. *kyberneid* — «управляю».

⁵ Синтез — греч. *synthesis* — «соединение».

Ўқув-услубий адабиётлар рўйхати

Асосий:

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М, 1977.
2. Ирискулов М. Тилшуносликка кириш. Т., 2008.
3. Каримов Ш.К. Тилшуносликка кириш.. Т, 1997.
4. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М, 1979.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М, 1975.
6. Расулов Р. «Умумий тилшунослик». 2006.
7. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. Тверь, 1999.
8. Хрестоматия по курсу "Введение в языкознание". М., 1997.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Қўшимча адабиётлар:

1. Расулов Р. Умумий тилшунослик. Т. – 2006.
2. Мирзаев М., Усманов С., Расулов И. Ўзбек тили Т. – 1967.
3. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. Тверь, 1999.
4. Реформатский. Введение в языкознание. – 2005.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М. – 1975.
6. Широков О.С. Введение в языкознание. М. – 1985.
7. Каримов Ш.К. Тилшуносликка кириш курсидан практикум. Тошкент - 1997
8. Звегинцев В.А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. М. – 1964.
9. Қўчқоров И., Қўчқорова Р. Тилшуносликка кириш. Т. – 1976
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. – 2001.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. – 2000.
12. Зиндер Л.Р. Введение в языкознание: Сб. задач. М. – 1998.
13. Хрестоматия по курсу "Введение в языкознание". М. – 1997.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. – 1998.
15. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. – 1992.
16. Мечковская Н.Б. Умумий тилшунослик, тилларнинг тузилмавий ва ижтимоий типологияси. Т. – 2006.
17. Абдуазизов А.А. Тилшуносликка кириш II қисм. Лексикология ва семасиология. Грамматика. Т. – 1999.
18. Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. Жиззах. «Сангзор» - 2006.

Интернет сайтлари:

1. www.susov.ru
2. www.ziyo.net
3. www.google.uz
4. www.tdpu.uz
5. www.pedagog.uz
6. www.edu.uz